

ВАЛЕРИЯ  
ЧЕРНОВА



# ЖЕНЯ

ИЗ ПРОШЛОГО

КНИГА 2

# Annotation

Раннвей Деллагарди бежала от кошмаров прошлого, я — от разочарования, предательства и боли. Мне достались её тело, сила и пугающие воспоминания, но я смогла похоронить их в самых потаённых уголках своего разума.

Эндера Деллагарди жена никогда не интересовала и, кажется, он даже обрадовался, когда она пропала. Но почему-то она вдруг срочно ему понадобилась... Точнее, я в теле Раннвей.

Отказать ему не имею права — палачам не отказывают. Вот только соглашаясь стать женой на год, я не подозревала, что в довесок к титулу и богатствам получу опасные тайны Раннвей, которые теперь придётся разгадывать.

- 
- [Жена из прошлого. Книга 2](#)
    - [Глава 1. Щепотка приятностей в котелке проблем и страхов](#)
    - [Глава 2. Отцы и дети](#)
    - [Глава 3. Неприглядная правда](#)
    - [Глава 4. Следственные мероприятия](#)
    - [Глава 5. Защита от призраков](#)
    - [Глава 6. Секреты мейста Келлера](#)
    - [Иллюстрация: Вольмар и Раннвей](#)
    - [Глава 7. Беспокойный вечер](#)
    - [Глава 8. Кто же таится в зеркалах?](#)
    - [Глава 9. Неожиданные встречи и предложения](#)
    - [Глава 10. О том, как не стоит уединяться в номере отеля](#)
    - [Глава 11. Докучливое прошлое эйрэ](#)
    - [Глава 12. Суматошное утро](#)
    - [Глава 13. Дерзкое привидение](#)
    - [Глава 14. Места развлечения мейстов](#)
    - [Глава 15. Откровения из прошлого](#)
    - [Глава 16. Ревность, соперник и продолжение видений](#)
    - [Глава 17. Шаги прочь и навстречу](#)
    - [Глава 18. Королевский серпентарий](#)

- [Глава 19. Что такое «не везёт» и как при этом выжить](#)
  - [Глава 20. Эдвина](#)
  - [Глава 21. Раннвей](#)
-

**Жена из прошлого. Книга 2**  
**Валерия Чернованова**

## Глава 1. Щепотка приятностей в котелке проблем и страхов

Не знаю, сколько я так просидела, стараясь не смотреть на тело без сердца и беззвучно требуя у Бальдера, чтобы не смел умирать у меня на руках.

Мало мне, что ли, психологических травм?

— Даже не надейся, что мы будем тебя хоронить! — прошептала еле слышно, так как голос по-прежнему отказывался возвращаться. — Никаких похорон и никакого отдыха! Рано вам ещё, господин ворчун, на пенсию. Вы нам здесь нужны. Поняли?!

Сама не заметила, как начала плакать. Как слёзы покатались по щекам, обжигая кожу, вызывая саднящие, болезненные ощущения где-то глубоко в груди. Кто бы мог подумать, что у меня из-за этого любителя поязвить будет так болеть сердце. Но ведь болит же! И чувствовать его кровь на руках, опаляющую хлеще слёз, было просто невыносимо.

— Кажется, среди гостей был врач. Как же его звали... Эндер сейчас его позовёт, а может, вернётся с аптечкой. Он что-нибудь придумает... Обязательно спасёт! Бальдер? Бальдер!!!

Веки его, бледные, пепельно-серые, были опущены, грудь больше не вздымалась, и, наверное, я ещё никогда не испытывала такого отчаянья. От боли словно помешалась, и когда кто-то попытался меня отстранить, не сразу смогла разжать пальцы, сминавшие перепачканную в крови рубашку.

— Раннвей... — Мягкий голос мужа коснулся мочки уха. — Всё хорошо, о нём позаботятся. Тебе тоже нужна помощь.

— Но он...

— Всё будет хорошо, — вкрадчиво повторил Делагарди и, дождавшись, когда я разомкну пальцы, подхватил меня на руки.

Понёс в дом, а я неотрывно смотрела на обступивших Бальдера мужчин. Был ли среди них целитель? Сумеет ли помочь? На всех лордах были одинаковые чёрные костюмы, а лиц я не разглядела. Из-за

слёз, из-за пережитого кошмара картинка окружающего мира была нечёткой, смазанной. Какой-то нереальной.

Уже в холле осознала, что музыканты больше не играют. Гости не болтают и не смеются, не пьют шампанское, а назойливой оравой высыпали в холл и теперь провожают нас гробовым молчанием, липкими, назойливыми взглядами.

Поддавшись порыву, крепче прижалась к несущему меня на руках мужчине. Биение его сердца под ладонью, ровное, уверенное, неожиданно придало мне сил, позволило вздохнуть полной грудью. Так бы всю ночь его и слушала, не отвлекаясь ни на что другое. Вместо белого шума или расслабляющей медитативной музыки.

На лестнице я прикрыла глаза, устав от бесцеремонных взглядов. Жаль, уши заткнуть не додумалась. Стоило дракону преодолеть несколько ступеней, как позади зазвучал пока ещё редкий шёпот — так могут жужжать растревоженные пчёлы. Уверена, стоит нам подняться на второй этаж, и почтенная публика разразится громкими обсуждениями леди Делагарди-Фармор.

До этого ведь не наобсуждались.

— Не обращай на них внимания, — шепнул Эндер, губами коснувшись прилипших к моему виску прядей.

И я вдруг вспомнила, в каком сейчас виде и состоянии. Облезлая кошка и то будет посимпатичнее. А я мало того что мокрая и грязная, так ещё и вся в крови да пятнах!

Ну просто прекрасна!

Он быстро донёс меня до покоев Раннвей, а там уже всю хлопотали Полин с Минной. Первая разбирала постель, вторая набирала ванну.

— Опять купаться? — Невольно поёжилась, вспомнив о жуткой кляксе, растекавшейся по потолку другой ванной.

Жаль, нет волшебного душа, чтобы смыть с себя весь этот ужас.

— Только на этот раз я тебя не оставлю, — заявил Делагарди, явно уверенный, что после этих слов я успокоюсь и расслаблюсь.

Но ни успокоенной, ни расслабленной я себя не чувствовала.

— В смысле? — Наоборот, вся напряглась, а когда он поставил меня на ноги, тут же отстранилась.

— Не уйду, пока не обработаем порез на ноге и сыпь. На всём теле. — Внимательный взгляд ярко-зелёных глаз скользнул по этому

самому всему телу, что лишило меня малейшего шанса на покой и расслабление.

— Но мои служанки...

— Ничего не смыслят в медицине, — ответил дракон и повернулся к служанке. — Готово?

— Всё, как вы велели, эйрэ, — кивнула Минна. — Бинты, мазь, обеззараживающее. А ещё успокаивающая настойка для леди. И...

— Можешь идти, — прервал её дракон, и девушка, изобразив книксен, выскочила за дверь.

Оставив меня один на один с «мужем», горячей ароматной ванной и... обжигающим на щеках румянцем.

Вот уж ситуация.

Он снова прошёлся по мне взглядом и предложил, мягко так, вкрадчиво:

— Раздевайся.

Поначалу решила, что ослышалась, но взглянув на преисполненного решимости «мужа», поняла, что сегодня галлюцинации мне не светят. Ни визуальные, ни звуковые.

Только реальность, Женя. Только хардкор.

— Могу помочь, — великодушно предложил дракон, заметив, что я мешкаю.

— Я и сама в состоянии выкупаться. Без посторонней помощи. — Скрестила на груди руки, запоздало вспомнив, что на мне мокрая сорочка, и тонкая, прилипшая к коже ткань не оставляет простора для фантазии. А света в ванной было достаточно.

— Предпочитаешь, чтобы я вышел?

И снова молчание. С одной стороны мне безумно не хотелось оставаться одной. Ни здесь, в ванной, ни... потом. Наверное, я бы даже была не против, вздумай Делагарди пристегнуть меня к себе наручниками. Интересно, у него вообще есть наручники?

И почему я об этом думаю...

— В спальне есть ширма, — нашлась я, пусть и не сразу, с оптимальным решением.

Увы, фальшивого мужа моё решение не воодушевило. Закатив глаза, он высказался:

— Говоря откровенно, ты сейчас не в том состоянии, чтобы вызывать во мне... определённые интересы и желания. И чем дольше

мы препираемся, тем выше твои шансы остаться со шрамами.

А вот это мне точно не надо!

— Тащи ширму! — шикнула, а когда дракон, обдав меня потоками своего драконьего недовольства, вышел, быстро стянула с себя мокрые тряпки и нырнула в ванну.

Секунды, пока его не было, казались невыносимо долгими. Сжавшись в комок, я бросала взгляд то на потолок с хрустальной люстрой в обрамлении лепных колосьев, то на стены в шёлковых обоях, то на мебель, отбрасывающую по сторонам причудливые тени.

Тени... Ненавижу это слово!

Вот дверь скрипнула снова. Я вздрогнула, обернулась резко, а увидев Делагарди, выдохнула с облегчением. Не искажённый, не чёрная клякса. Замечательно.

— Поставь сюда, а сам садись в кресло.

— Слушаюсь, моя леди, — с оттенком иронии в голосе отозвался дракон и, демонстративно на меня не глядя, загородил ширмой ванну.

Я выключила воду — она уже успела добежать до самых бортиков, потянулась к застёжкам серёжек. Одну, как оказалось, успела благополучно посеять, другую положила на столик. Туда же отправила колье и брачный браслет, после чего стала смывать с себя грязь с кровью. Моей было немного — рана на ноге оказалась сущей царапиной. А вот на руках, под ногтями остались следы крови Бальдера.

— Ему точно помогут?

— Будем на это надеяться, — сказал Делагарди, и я горько вздохнула. — Откуда он вообще взялся? Зачем бросился ко мне?!

— Бальдер сделал то, что должен был, — защитил хозяйку. То, чего я сделать не смог... — последние его слова были пронизаны горечью, сожалением и, кажется, злостью.

Много ума не надо, чтобы понять: во всём происходящем Делагарди винил себя. И в появлении искажённого, и в том, что чудовище напало именно на меня.

— Он выбрал тебя, потому что ты была одна. Потому что я тебя одну оставил.

— Он выбрал меня, потому что ему нужна была именно Раннвей. Или... не ему.

— Что ты имеешь в виду?



Когда закончила оттирать кровь, вода порозовела. Мутные разводы разбежались по поверхности, подёрнутой дымкой пара, неровными кольцами. Или, скорее, кляксами...

Ещё одно ужасное слово.

— Подай, пожалуйста, полотенце.

Делагарди послушно (удивительный сегодня вечер) выполнил мою просьбу, и я не теряя времени, которого у нас и так не было, завернулась в махровый кокон. Волосы, отжав, собрала в тугой высокий узел, после чего опустилась в кресло, освобождённое Эндером. Подтащив столик с лекарствами, он встал рядом и осторожно взял меня за руку.

— Чешется?

— Немного.

Мрачно кивнув, стал осторожно, словно боялся сделать мне больно, обрабатывать каждое пятнышко. Я же от души глотнула успокоительного, надеясь, что оно поможет справиться с навязчивым желанием не отлипнуть от Делагарди.

— Ты говорила, что искажённому нужна была Раннвей, — напомнил он и, перевернув мою руку ладонью вверх, стал обрабатывать предплечье. Пальцы дракона умело втирали лекарство, принося почти мгновенное облегчение и вместе с тем не давая расслабиться.

Мне, Жене, нравились его прикосновения, но отголоски воспоминаний Раннвей мешали в полной мере наслаждаться этим исцеляющим массажем. Но может, оно и к лучшему. Только страх перед драконом, её эмоции, и останавливали от того, чтобы не застонать от удовольствия.

— Он не собирался меня убивать. По крайней мере, поначалу. Иначе бы разделался со мной сразу, ещё в ванной. И тень, что его подстрекала... Она пообещала, что мы ещё встретимся. Мы — это она и Раннвей. Не Женья.

Последние слова я прошептала почти беззвучно, снова погружаясь в пережитый недавно крошечный ужас. Встрепенувшись, одним глотком допила успокоительное, которое почему-то не успокаивало, и услышала задумчиво-мрачное:

— Тень и искажённый, нападающий по чьей-то указке... Такого на моей памяти никогда не случалось.

Не случилось, пока каждый из нас жил своей жизнью. А потом меня угораздило попасть в поле зрения господина ультора, и, как говорится, финита ля комедия. Да здравствует трагедия!

Нет, понятно, что тень и послушные зомби не появились на пустом месте, исключительно из-за нашего знакомства. Ведь наверняка же странные кляксы существовали и раньше, просто мне не повезло на них нарваться уже после встречи с Делагарди.

Закончив с моими руками, «муж» перешёл к плечам, и тут уж я послала все страхи Раннвей. Прикрыла глаза, отдаваясь во власть тёплых, умелых пальцев, просто наслаждаясь этим неторопливым массажем. Настолько, что от удовольствия едва не замурчала.

Что тут сказать... Умелый человек умел во всём. Точнее, дракон. Очень. Умелый. Дракон.

— А шрамы... действительно могут остаться?

Тема не самая приятная, но мне при этом было так хорошо и приятно, что спросила вообще без страха. Ладонь дракона скользнула вдоль позвоночника, словно стремясь забраться под край полотенца, но быстро «опомнилась», и пальцы мужчины снова затанцевали на моих плечах.

Магический танец. Расслабляющий и одновременно воз...

Повела головой, мысленно убеждая себя её не терять.

— Не останутся. Я за этим прослежу. Женья, — слышался голос, почему-то отозвавшийся внутри волнением, сладкой щекоткой.

Женья... Отругать бы за то, что постоянно так меня называет, рискуя выдать нас обоих с потрохами, но... Мне нравится. Нравится, как звучит в его устах моё имя. Волнующе. Хрипло.

Мне в принципе нравится его голос с этими хищными, драконьими нотками.

— И сколько раз вот так придётся за этим следить?

Чтобы «мужу» было удобнее, немного приспустила полотенце, оголив лопатки и добавив махровому декольте лишней пикантности.

— Сколько потребуется, — волнующей хрипотцы в голосе стало больше.

— Ловлю на слове.

Делагарди ничего не ответил, и я замолчала, настраиваясь на продолжение массажа, а также думая о том, что грудь и живот у меня тоже все в пятнах. И ножки мои мы ещё не обрабатывали.

Но почему-то, к моей немалой досаде, дракон прервался. Взял бокал, который я за пару минут опустошила, настороженно принялся:

— Что она туда налила...

— Успокоительное?

Хмыкнув, снова втянул воздух.

— Смешала с ежевичной настойкой мистис Илмы. Чтоб ты уж наверняка успокоилась.

— А мне показалось, что не помогает. Да и алкоголя совсем не почувствовала. Вот нисколечко!

Пожадничала кухарка своего ежевичного нектара.

Ещё один непонятный хмык, после чего дракон проговорил:

— Нужно обработать спину. Сама ты не справишься.

— Сама и не собираюсь. — Без ложной скромности, повернувшись в кресле, приспустила полотенце до самых бёдер. Правда, грудь руками всё-таки прикрыла (я же не бесстыдница) и следующие несколько минут просто кайфовала, наслаждаясь медленными, бережными касаниями. Воздух в ванной был тёплым, а его руки, наоборот, казались горячими. Правда, не такими мягкими, как раньше. Чувствовалось в движениях эйрэ какое-то напряжение.

— Всё в порядке? — поинтересовалась на всякий случай.

— Всё хорошо, — ответил дракон, тоже, как мне показалось, напряжённо, и, растерев в ладонях новую порцию мази, опустил на корточки.

И к моим бёдрам.

Немного надавил, провёл, погладил. Не сдержавшись, я тихонько выдохнула, и Делагарди замер. На несколько мгновений, согревая своими касаниями, усиливая тепло и щекотку внизу живота.

— Теперь ноги, — отстранившись, сказал он и отвернулся к столику. — Закутайся в полотенце, чтобы не замёрзла.

Теперь уже хмыкнула я и с неожиданными для себя игривыми нотками произнесла:

— Как моему лорду будет угодно.

«Массаж» лодыжек мне не особо понравился, получился на троечку, я бы сказала. Было такое чувство, что дракон торопится закончить с лечением и заняться какими-то другими проблемами. Я

сидела, сверля его голову недовольным взглядом, а потом не выдержала и поинтересовалась:

— Куда-то торопишься?

— Как уже сказал, надо скорее нанести мазь, — ответил он, не отвлекаясь от своего поспешного занятия.

Халтурите, господин Делагарди.

— А по-моему, спешишь от меня сбежать.

Руки дракона замерли на сгибе колена, после чего скользнули выше, под полотенце.

— Убегать я никуда не собираюсь, но и искушаться лишний раз не хочу.

— Ты же сказал, что я сейчас не в том состоянии, чтобы вызывать в тебе желания.

— Драконы тоже могут ошибаться, — не поднимая головы, ответил он, а я вдруг поймала себя на мысли, что наш разговор о важном, о тени и искажённом, перетёк в какое-то совершенно неожиданное русло.

Неожиданное, неважное, но такое волнующее.

— Как будем действовать дальше? — Окончательно осмелев, деловито выпрямилась в кресле. — Полотенце нам явно мешает.

— Мешает, — согласился дракон и всё-таки поднял на меня глаза.

Взгляд ожёг не хуже огня. Я затаила дыхание, замерла, ожидая, что же будет дальше. А дальше...

В дверь громко постучали и тут же послышался взволнованный голос Минны:

— Ваша светлость, прибыл лекарь и... Он хочет вас видеть. Срочно! Господин Бальдер...

Она осеклась, зашмыгала носом, а я вдруг вынырнула из облака ежевичной эйфории в реальность, полную тревог и страхов.

— Иди. Я сама закончу.

— Сказать Полин, чтобы осталась? — Он быстро поднялся с колен, а я натянула повыше полотенце.

Игривого настроения как не бывало. Мне больше не хотелось флиртовать с драконом и млеть от массажа.

— Не надо.

— Позже найду к тебе. — Бросив на меня последний взгляд, он вышел из ванной.

Я посидела с минуту, пытаюсь разобраться в своих таких непонятных, сумбурных чувствах, а осознав, что действительно осталась одна, как метеор стала обмазывать мазью те участки тела, до которых не успели добраться руки Эндера.

Уложились в минуты три, если не меньше, и одевалась в домашнее платье с такой скоростью, словно на меня вот-вот готов был напасть очередной искажённый. Пальцы не слушались, дрожали, отчего пришлось повозиться с шёлковыми завязками и, пока этим занималась, ругала себя за то, что не осталась со служанкой.

— Я ведь большая девочка. Независимая и храбрая, — бормотала, воюя с дурацкими лентами. — Ну да, аж сто раз! Такая храбрая, что зуб на зуб от страха не попадает!

В общем, собралась как могла. О том, чтобы сушить волосы и речи не было. Мельком взглянув на себя в зеркало, приоткрыла дверь и сквозь зловещий полумрак спальни быстренько дёрнула в более-менее освещённый коридор. Сколько ни хорохорься, а одной оставаться страшно. Да и не смогу я уснуть, пока не узнаю, как там Бальдер.

Ещё и Вильма пропала...

Тень ведь не могла ей навредить. Или могла? Моя подруга и без того мёртвая, да ещё и неуспокоенная. Куда уж ей вредить?

К счастью, служанкам удалось оперативно разогнать приглашённых. Встречи с Данной и ей подобными я бы сегодня уже не вынесла. Уехали все, кроме напарника Делгарди и его беспардонного начальства. Голоса мужчин доносились из гостиной и ещё несколько (скорее всего, принадлежавших полицейским) звучали в саду. Дверь в холле была раскрыта настежь, впуская в дом прохладу и сырость осеннего вечера. Обхватив плечи руками, я бесшумно юркнула в коридор, в котором располагались комнаты прислуги, и остановилась, гадая, которая из дверей вела в комнату Бальдера.

Дверь в конце коридора оказалась приоткрыта, и из-за неё доносился голос явно пожилого мужчины. Сухой, немного хриплый. Невозмутимый.

Поспешила на звук, манимая тусклым светом, и услышала:

— Будет лучше отвезти его в госпиталь. Раны глубокие, задето лёгкое. Первую помощь мы ему оказали, но он потерял много крови. Нужно переливание, постоянный контроль и, конечно же, артефакты.

— Но он ведь выкарабкается? — А вот в голосе Делаярди не звучало привычного ему спокойствия. «Муж» явно был взволнован, и это ещё мягко сказано. Ему было страшно! — Это же Бальдер! Он не может..

— Обещаю, эйрэ, я и мои коллеги сделаем всё возможное.

Я приблизилась к двери и увидела, как лекарь, мужчина в годах, закрывает саквояж и убирает его с изножья кровати. Кровати, на которой неподвижно лежал Бальдер. Казалось, он не дышит — грудь не вздымалась, а от вида тёмных кровавых пятен: на полу, на покрывале, у меня потемнело перед глазами.

— Сейчас принесут носилки.

Едва успела отпрянуть, когда целитель ринулся к выходу. Распахнув дверь, пару мгновений смотрел на меня с удивлением, после чего многозначительно высказался:

— О... — Поправил пенсне, явно приглядываясь к пятнам у меня на шее; принялся, наверняка пытаюсь определить, чем это от леди так разит. — Ведьмины капли, я так понимаю, и мазь из листьев бурого папоротника?

— Всё верно, — вставая у него за спиной, ответил Эндер. — Нанесли так быстро, как смогли, порез на ноге я тоже обработал и забинтовал, но я бы хотел, чтобы вы всё равно осмотрели мою жену.

Неожиданно целитель стукнул себя по лбу.

— И где мои манеры... Мазь, капли... Леди Делаярди, с возвращением! Я был несказанно рад узнать, что вы благополучно возвратились в лоно семьи!

Кивнув, я вопросительно посмотрела на дракона, и тот поспешил внести ясность:

— Дорогая, господин Браден, наш семейный целитель, тебя осмотрит. — И тут же добавил, обращаясь к семейному целителю: — Ранней ещё не пришла в себя после нападения. Мы дали ей успокоительное, но...

— Я дам посильнее, — с улыбкой, почти теряющейся в густой чёрно-седой бороде, заверил врач и, выйдя в коридор, жестом предложил следовать за ним навстречу убойному успокоительному. — Пойдёмте, леди Делаярди, сейчас займёмся и вами.

И меня тоже вылечат.

— Вы сказали, Бальдер потерял много крови...

— О, не волнуйтесь, леди, господин Бальдер в надёжных руках. Лучшие целители Гратцвига не успокоятся, пока не поставят его на ноги! — бодро, с энтузиазмом, не то искренним, не то просто чтобы меня успокоить, заверил Браден. — И с вами всё тоже будет хорошо. Ведьмины капли — это ещё не конец. Был в моей практике случай, когда некий весьма ревнивый господин решил, что жена ему изменяет и обработал её ночную сорочку этими самыми каплями. — Он мягко коснулся моей спины, подталкивая в направлении холла. — Да ещё и, коварный, запер её в спальне. Дама уснула, проснулась от невыносимого зуда, а выйти не может. У прислуги выходной, муж отправился отмечать состоявшуюся месть с друзьями в кабаке, а вернулся, вдрызг пьяный, только на следующее утро.

— И что стало с бедняжкой?

— Жива осталась, — лучась оптимизмом, заверил целитель.

— А шрамы?

На этом моменте он примолк, явно сообразив, что пример истории с хорошим финалом выбрал не самый подходящий и, махнув рукой, продолжил:

— Не переживайте, леди, это не ваш случай. Вам ведь не пришлось ждать помощи всю ночь. Поэтому никаких тревог!

Никаких тревог.. Это уж точно не про меня.

Возле лестницы я оглянулась на Эндера, направлявшегося в гостиную. Прежде чем присоединиться к коллегам, он велел крутившейся в холле служанке:

— Приведи в мой кабинет Эдвину.

— Слушаюсь, эйрэ. — Поклонившись, Ильва обогнула нас с целителем и, не поднимая глаз, поспешила на второй этаж.

Мы тоже стали подниматься.

— А она ему действительно изменяла? — вернулась я к истории, о которой почтенный лекарь уже, кажется, успел забыть.

Дёрнув себя за бороду, он задумчиво пожевал губами, а сообразив, о чём это я, бодро заявил:

— Верна и непорочна аки Пепельная дева. Но не берите в голову, леди. Как уже сказал, не ваш это случай. Ваша нежная красота останется нетронутой.

В коридоре мы столкнулись с Ильвой, за которой нехотя плелась вредная племянница Раннвей. При виде меня она запнулась, округлила

глаза, словно не ожидала увидеть тётю в пятнистом амплуа, и тут же отвела взгляд.

— Надеюсь, ты довольна? — не сдержавшись, сказала я.

Эдвина ничего не ответила. Опустив голову, ускорила шаг, а меня огибала так, словно боялась, что я её сцапаю и накажу за всё «прекрасное», что довелось мне пережить с её подачи.

Я бы с удовольствием, но над душой стоял лекарь, неуверенно жалась рядом Ильва и вообще — Эдвина мне никто. Вот только желание хорошенько её стукнуть от этого меньше не становилось.

— Идёмте, леди, — поторопил Браден. — Осмотрю вас и вернусь к вашему дворецкому.

Проводив девочку взглядом, я быстро зашагала за лекарем. Чем скорее покончим с осмотром, тем лучше. Бальдеру он сейчас больше нужен.



## Глава 2. Отцы и дети

*Эндер Делагарди*

— Даже в плохом бывает хорошее, — с таким довольным видом, словно это был лучший день в его жизни, заявил Экеблад. — Убийца уничтожен, Стенбок отомщён, а жители Гратцвига могут спать спокойно.

Он стоял возле окна, из прогретой каминами гостиной наблюдая за работой полицейских. Тело погрузили на носилки, чтобы отвезти в управление. Уверен, Шультен уже в своём «погребё», с нетерпением ожидает подарка в виде очередного покойника.

— Мой дворецкий при смерти, жена едва не погибла, — напомнил я безмятежно улыбающемуся начальнику, одутловатая физиономия которого хорошо просматривалась в глади стекла. Впрочем, мог бы и не утруждаться. Арильд и сострадание — несовместимые понятия.

— При смерти и мёртвый — разные вещи, Эндер, — обернувшись ко мне, заметил Экеблад. — Да и «едва» тоже не считается. Вот если бы погибла, тогда другое дело. Зачем переживать о том, чего не случилось?

Врезать бы ему за такую логику. Навязчивое желание, которое, увы, так и останется просто желанием.

— Как она? — приблизившись ко мне, спросил Рейер.

— Уже лучше. Всё ещё в шоке, но лучше.

Хотя будь на месте Жени настоящая Раннвей, запросто могла бы не пережить этот вечер. Первая версия моей жены падала в обморок даже при виде мыши. Примерно могу себе представить, что бы с ней стало, схвати её искажённый. А Женья боролась, сопротивлялась, ещё и мне пыталась помочь, вместе того чтобы бежать без оглядки. Раннвей бы точно сбежала.

Если бы до этого не умерла от страха.

— Как он вообще сюда пробрался? И я тоже хорош! — с досадой воскликнул Таубе. — Хлестал шампанское и флиртовал с хорошенькими мисти, пока тебя там убивали!

— Но не убили же, — снова оптимистично вставил начальник.

А у меня опять зачесались костяшки.

— Всё произошло очень быстро. Я бы не успел позвать на помощь, да и какая от тебя помощь в схватке с искажённым?

Рейер с обидой хмыкнул:

— Я хоть и не дракон, но тоже чего-то стою. Если уж твоему бедолаге-дворецкому удалось отвлечь искажённого, то я бы смог и подавно!

— Значит, в следующий раз поменьше хлещи шампанское и флиртуй со всякими мисти, — пошутил я, правда, улыбнуться при этом не вышло.

Мне вообще сейчас было не до улыбок. Хотелось, чтобы этот паршивый вечер скорее закончился. Хотелось выставить Экеблада, Рейера, полицейских и вернуться к Жене. Удостовериться, что она действительно пришла в себя, успокоилась и сможет уснуть. Если потребуется, остаться с ней на ночь. На полу, в кресле — неважно.

Лишь бы она была в порядке.

— А защиту, Эндер, проверь, — посоветовал Экеблад, подхватывая с дивана и перекидывая через руку пиджак. Собрался уходить — отлично. На этом моменте даже потянуло на улыбку. — Я понимаю, что в бордель ему не составило труда пробраться, но как он проник к мейсту Лоде, а теперь ещё и к тебе — вопрос интересный. И волнующий. Если люди поймут, что от искажённых нельзя укрыться даже дома, это может плохо сказаться на экономике. Королю не понравится, если продажи зелий упадут. А парламент от таких перспектив и вовсе придёт в «восторг».

Последнее, о чём я сейчас думал, — это о чувствах короля и парламента. Как по мне, так лучше бы вообще перестали производить эти «эликсиры счастья». Не плодили бы искажённых. А без людей с дарами Кармар уж как-нибудь обошёлся бы.

Но, увы, не без доходов, получаемых от продаж зелий на основе огненной крови.

— Доброй ночи, господа. Жду вас завтра в девять в своём кабинете.

— Завтра же воскресенье! — нахмурившись, напомнил Рейер.

— Ну и что? — хмыкнул Экеблад. — Расследование надо вести по горячим следам. Или уже забыли, что на вас двое искажённых, которые непонятно откуда взялись, непонятно что приняли и вообще вели себя странно. Не так, как полагается себя вести этим тварям.

Забрав у служанки трость и шляпу, Арильд ушёл, и Рейер тоже стал собираться.

— Я, наверное, тоже пойду. Если, конечно, тебе не нужен.

— Вообще-то нужен, — сказал я, и напарник вопросительно вскинул брови. — Никогда не наказывал детей?

— У меня же их нет, — расплылся в беззаботной улыбке Таубе.

— Пойдём, проведу бесплатный урок на будущее. А ты мне подыграешь. Просто разговоры, как оказалось, с Эдвиной бесполезны. Придётся переходить к действиям.

— И в чём она провинилась? — заинтересовался Рейер.

— В том, что моя жена осталась одна, в том, что ей было плохо, страшно, больно. Сейчас всё узнаешь.

Напарник тихонько присвистнул.

— А это точно была Эдвина?

Я мрачно кивнул.

— Вот потому мне и не нужны твои уроки. У меня детей нет, не было и никогда не будет! — с уверенностью заявил Рейер, но тут же примолк, стоило мне распахнуть дверь в кабинет.

Эдвина уже была там. Сидела в кресле возле письменного стола и нервно теребила кружево на юбке. При виде нас она вскочила, еле слышно произнесла:

— Дядя...

Бледная, напуганная, напряжённая.

Ну хоть что-то.

— Не садись, Эдвина, — велел я и, прикрыв за Рейером дверь, прошёл в кабинет. — А ты присаживайся, — предложил гостю, и Таубе рухнул в кресло напротив девочки.

На её бледных щеках вспыхнул румянец. Эдвина явно не могла понять, почему она, леди с такой выдающейся родословной, должна стоять в присутствии простого служителя закона.

Ладно, Рейер не простой следователь, но по статусу до моей племянницы явно не дотягивал. Их даже глупо было сравнивать. И тем не менее сейчас в моих глазах она была ниже любой безродной нищенки.

Опустившись в кресло по другую сторону стола, я посмотрел на племянницу:

— Думаю, не стоит объяснять, зачем я тебя позвал.

В ответ — тишина.

Эдвина стояла, опустив взгляд, и продолжала мять ни в чём не повинную (в отличие от неё) юбку.

— Но для мейста Таубе, пожалуй, всё же озвучу вслух, что ты натворила.

Племянница снова стала белее мела, но продолжала молчать, словно язык себе откусила, от злости или, может, страха. Я же продолжил говорить, теперь уже обращаясь к напарнику:

— Раннвей убежала не из-за того, что случилась осечка с даром. Ей стало... больно. Знаешь, что такое Ведьмины капли?

Рейер ошеломленно кивнул:

— Слышал про них... Немало. Ужасного, — добавил он после короткой паузы.

— Вот, — я мрачно усмехнулся. — Ты про них только слышал, а Раннвей была вынуждена испытать их действие на себе. И всё благодаря моей племяннице, превратившей мою жену из красавицы в уродливое существо, на которое без жалости теперь никто не взглянет. Пятна вскоре вскроются болезненными язвами, а потом...

Я замолчал, пристально наблюдая за реакцией племянницы. Жаль, я не эмпат и не способен считывать чужие чувства. Я бы сейчас многое отдал, чтобы понять, что на самом деле она испытывает. Только страх за себя или хотя бы каплю сожаления, стыда.

— Великий Дракон, Эндер! — ещё более ошеломленно выдохнул Рейер.

Может, и стоило его предупредить, что я преувеличиваю, придумываю и добавляю, но мне нужна была не игра, а настоящие эмоции напарника.

Эмоции, которые не заставили себя ждать.

— Эдвина, ты с ума сошла?! — полыхнул он от гнева.

В отличие от меня Рейер не мог похвастаться сдержанностью и слова подбирать зачастую не утруждался.

— Какого харга ты так обошлась со своей тётёй?! Как чудовище! Безжалостное... Жестокое! В половине преступников, которых я арестовал, не было и доли твоего коварства! Эдвина... ты ужасна!

Рейер продолжал бушевать, глаза девочки наполнялись слезами. Я не вмешивался и не прерывал. Судя по всему, когда я её ругаю, она мои

слова всерьёз не воспринимает. Я ведь любящий и всё прощающий дядя. Всегда таким был.

А теперь пожинаю плоды.

— В голове не укладывается! — негодуяще припечатал Рейер и резко откинулся в кресле, так, что то жалобно заскрипело.

Несколько секунд тишины, напряжённого молчания, и Эдвина, не выдержав, зарыдала:

— Она должна была просто зачесаться! Просто щекотка... Ничего больше! Я... я не знала про язвы. Я-а... Клянусь дядя! — спрятав лицо в ладонях, она продолжила истерично всхлипывать и при этом дрожала, словно её пронизывало лютым холодом.

Обычно, едва заметив слёзы в её глазах, я терялся. Сразу пропадало желание отчитывать, наказывать, упрекать. Но не сейчас.

Сейчас я почти наслаждался её истерикой и страхом.

Переглянувшись с Рейером, холодно поинтересовался:

— Где ты взяла яд и когда? Что-то не припомню, чтобы ты одна покидала дом, а у нас такой дряни отродясь не было.

Она притихла, всхлипнула и, по-прежнему на меня не глядя, чуть слышно призналась:

— Мне... мне его дали.

— Дал — кто?!

Великий Дракон, как же сложно держать себя в руках.

Тишина давила на плечи, резала и без того натянутые до предела нервы.

— Эдвина, отвечай...

— Леди Ферзен, — наконец еле слышно призналась племянница, а у меня от её признания задёргались оба глаза.

— Карола?! — едва не подавился воздухом напарник и так же тихо, как до этого лепетала Эдвина, добавил: — Какого...

Вот именно, какого? Отличный вопрос, Рейер! Какого харга моя бывшая любовница решила действовать через мою племянницу?!

Да и смысл? Нас с леди Ферзен уже давно ничего не связывает. Ладно, не давно, а всего два месяца, но... Два месяца — это тоже немало. Мы с Каролой друзьями, конечно, не расстались, но и врагами не стали. Она желала продолжать отношения, которые, по её мнению, обязательно должны были привести к закономерному финалу —

свадьбе, однако такой финал не входил в мои планы, и я решил не тешить её напрасными надеждами.

Могу допустить, что она затаила на меня обиду, но всё равно не пойму, чего добивалась. Даже если бы Раннвей превратилась в уродину, я бы с ней не расстался. По крайней мере, не в Кармаре, по законам которого свободным дракон может стать только в одном случае — овдовев.

— Ты видела леди Ферзен всего два раза в жизни, и оба раза я был рядом. Не ври мне, Эдвина! — всё-таки не выдержал, повысил голос, почти зарычав.

Вздогнув, она зачастила:

— У меня есть записка! От неё... от этой леди! Она просила её выбросить, но я... Сохранила!

Глаза племянницы, всё ещё наполненные слезами, засияли. Видимо, решила, что сейчас я направлю весь свой гнев, всю свою ярость на знакомую леди, а её, пожурив, отправлю спать.

Да сейчас!

— Что ж, пойдём, покажешь записку. — Я поднялся, и Рейер последовал моему примеру.

Девочка бросилась в коридор, а оттуда к лестнице. Пока поднимались, рассказывала взахлёб, давясь словами, как обнаружила на днях в классной комнате пузырёк с ядом. Разумеется, по её мнению, не с ядом, а просто с невинным способом подшутить над нелюбимой тётей. К флакончику прилагалась записка, подписанная именем Каролы.

Кто-кто, а леди Ферзен душой не была и, если бы решилась на месть мне, не стала бы подписываться своим именем.

— Это ведь от неё была шутка, вот я и подумала... — Эдвина виновато надула губы. — Она написала, что Раннвей заслужила! А я...

— А ты с ней недолго думая согласилась, — мрачно закончил я за дурочку.

— Я подумала, что ей можно верить. Она ведь твоя хорошая знакомая.

Блестящая логика.

Вот и гадай теперь: то ли Эдвина настолько глупа, то ли настолько наивна. Но скорее всего, просто ослеплена желанием испортить жизнь Раннвей, и ради этого готова уцепиться за любую возможность.

— Сейчас... — Толкнув дверь в игровую, Эдвина бросилась впотьмах к стеллажу, забитому куклами.

Эти игрушки для неё выписывались со всего мира, и некоторые фарфоровые красавицы стоило целое состояние.

— Вот здесь. Я спрятала её вместе с флаконом. — Небрежно схватив одну из игрушек, из тех самых стоимостью в состояние, девочка вырвала у неё из рук маленький ридикюль и быстро его раскрыла. Бросив игрушку в кресло, вернулась к нам. — Ничего не понимаю...

Света из коридора было достаточно, чтобы обнаружить в кукольном аксессуаре пузырёк тёмного стекла и... жалкую горсточку пепла.

— Записка была! Клянусь! Я не обманываю!!!

И вот они снова, слёзы в глазах.

— Самоуничтожающаяся бумага, — поделился соображениями Таубе.

Вытряхнув на ладонь крупички пепла, я машинально растёр его пальцами. Бумага редкая. Дорогая.

Вот это уже было больше похоже на Каролу, но всё равно как-то не состыковывалось.

— Что думаешь? — тихо спросил напарник.

— Завтра съезжу к леди Ферзен. Поговорю, — задумчиво пробормотал я и сделал себе пометку в памяти: выяснить, кто в день, когда Эдвина нашла «подарок», приходил в дом.

Могла ли Карола подговорить кого-то из слуг или вообще не имеет к этому мерзкому происшествию никакого отношения? Мисти Ливен? Она точно приезжала к Эдвине и легко могла подкинуть яд. Кто ещё? Жаль, рядом нет Бальдера. Он бы уже и список составил, и поделился мнением насчёт подозреваемых.

— Съездить точно надо, — согласился Рейер.

А Эдвина с видом чудесного ангела невинно-трогательно захлопала ресницами. Так, чтобы с них, как хрустальные капли, срывались прозрачные слезинки.

— Так я пойду? Уже поздно и...

— Иди, — сказал я, но прежде чем девочка успела развернуться и исчезнуть с моих глаз, добавил: — С понедельника твои занятия с гувернанткой будут проходить по вечерам. Днём ты будешь занята.

— В гимназии?

Я покачал головой:

— В госпитале святой Найвы.

Невинные взмахи ресниц приобрели недоуменный характер.

— Но что я там буду делать?

— Будешь помогать сёстрам милосердия ухаживать за теми, кто, как и Раннвей, пострадал от чужой жестокости или от коварства судьбы. За теми, кто не может позволить себе прислугу и нуждается в помощи.

— Какой? — выдохнула (кажется, в ужасе) девочка.

— Любой. Будешь делать всё, что прикажут сёстры милосердия.

— Но дядя!

— А сейчас тебе приказываю я, Эдвина, — вернул я в голос льда.

— Или это, или уже завтра можешь собирать вещи и отправляться к Данне. Ты, оказывается, уже достаточно взрослая, чтобы принимать скверные решения. Посмотрим, каким твоё решение окажется в этот раз.

Не дожидаясь ответной реакции, я направился к лестнице, чтобы проводить Рейера.

— Хоть убей, но не могу её представить с грязным судном в руках, — следуя за мной, пробормотал напарник.

— А я очень даже. Надеюсь, урок пойдёт ей на пользу и, насмотревшись на чужие страдания, она поостережётся делать людям больно.

— Дети... — глубокомысленно изрёк Рейер.

В тот момент он явно уверился в своём решении не обзаводиться женой и уж тем более ни в коем случае не становиться отцом.



## Глава 3. Неприглядная правда

*Женя Исаева*

Не знаю, что это со мной такое было, но всю ночь я спала как убитая. И утром, что ещё более удивительно, проснулась полной силой, заряженной энергией от носков до самых кончиков ушей.

Должно быть, всё дело в том чудодейственном эликсире, что намешал для меня семейный целитель. Только его выпив, тут же почувствовала, как тело расслабляется, страхи притупляются, всё... забывается. Засыпая, не думала ни о Бальдере, ни о Вильме, ни о напавшем на меня убийце. Разве что промелькнуло пару мыслей о ванной и обо всех... произошедших в ней событиях. Но и они в моей голове надолго не задержались. Не успела за мейстом Браденом закрыться дверь, как я уже крепко спала.

А наутро чувствовала себя замечательно.

Сев на кровати, потянулась сладко, осмотрелась сквозь отступающий туман дрёмы и заметила, что одна дверь, та, что вела в смежные с моими покои, раскрыта настежь.

Что за...

Откинув одеяло, на цыпочках приблизилась к двери и застыла. Мой сосед, он же муж на год, как раз надевал штаны, и именно в этот момент мне приспичило пойти разобраться.

Заслышав мои шаги, вскинул взгляд:

— Доброе утро. — И как ни в чём не бывало продолжил затягивать шнуровку на штанах.

А я (случайно, неосознанно) со шнуровки как-то незаметно переключилась на нагую грудь эйрэ. Как это называется — залипла? Ну, можно и так выразиться. Стояла и смотрела, как под кожей дракона проступают литые мышцы. Делагарди не был качком, но одного взгляда на него без рубашки было достаточно, чтобы понять: силы там хоть отбавляй. Впрочем, одним взглядом я не ограничилась, продолжила, сама не знаю зачем, его рассматривать, задерживаясь на старых, едва различимых шрамах и свежих ссадинах.

— Ты-ы-ы... был у меня? — кашлянув, наконец-то отмерла я.

И то лишь потому, что закончив с нижним предметом туалета, он стал надевать верхний, рубашку, и пялиться на него сразу стало не так интересно.

— Заходил вчера, но ты уже спала.

— А дверь...

— Оставил открытой на случай, если будешь кричать, — просто ответил Делагарди, словно вместо «кричать» хотел сказать, что мне вдруг могло приспичить исполнять ночные серенады.

Надев жилет поверх рубашки и застегнув его на все пуговицы, приблизился к зеркалу, чтобы повязать галстук.

— С чего бы мне кричать?

— Чего только может не присниться после того, что ты пережила. Кстати, как ты сегодня?

Поймав в зеркале его взгляд, улыбнулась:

— Как ни странно, отлично. Спасибо твоему целителю. Давно не чувствовала себя такой бодрой.

Наверное, с самого приезда в Гратцвиг. Может, попросить мейста Брадена прислать мне пару литров его «фирменного напитка»?

— Как Бальдер?

Закончив с галстуком, дракон обернулся.

— Перед работой к нему заеду.

— Ты работаешь и в воскресенье?

— Приходится. — Он едва заметно улыбнулся, а потом добавил: — Вижу, пятна посветлели, и это отлично.

Пятна! Совсем про них забыла!

Подгоняемая желанием скорее увидеть, на что я сейчас похожа, быстренько пересекла спальню «мужа» и вперилась взглядом в своё отражение. Ну, в общем... неплохо. Сыпь, крупная и яркая, действительно посветлела, и теперь больше походила на родимые пятна. Много-много родимых пятен, рассыпавшихся по рукам, лицу, шее. Всё остальное скрывала ночная сорочка. Вернее, пыталась скрыть, но тонкую ткань едва ли можно было назвать надёжным прикрытием.

И я, в этой самой тонкой ткани, как ни в чём не бывало стою перед Делагарди...

Покраснев, развернулась и быстро направилась обратно.

— Я пожалуй пойду. К себе...

Дёрнула в спальню, быстренько зацепила с кресла пеньюар. Успела надеть его, прежде чем уже дракон решил заглянуть ко мне в гости.

Глядя на меня, лихорадочно пытающуюся справиться с завязками, сказал:

— Я говорил вчера с Эдвиной.

— Она призналась?

Дракон мрачно кивнул:

— Пыталась оправдаться тем, что зелье ей подбросили и что она сочла его безобидным, но это не спасёт её от наказания.

— Подбросили? Но кто мог это сделать?

— Это-то я и пытаюсь выяснить, — ещё более мрачно сказал Делагарди.

А я тихо хмыкнула. Интересная вырисовывается картина. Кто-то явно пытается навредить Раннвей, а раз теперь Раннвей — это я, то и отдуваться тоже придётся мне.

Нет, картина не интересная — картина прескверная.

Словно прочитав мои мысли, ультор заметил:

— Будет лучше, если ты пока посидишь дома.

— Дома, где меня сначала отравили, потом чуть не похитили, а в довершении ко всему пытались убить?

Весь мрак с черт лица Делагарди, казалось, перетёк, в его глаза, отчего изумрудная зелень сменилась болотным туманом.

— Этот вопрос я решу.

Ну-ну.

— И как долго прикажешь мне сидеть взаперти?

— Столько, сколько потребуется. — Последние слова он произнёс невозмутимо и так непреклонно, что захотелось чем-нибудь его стукнуть.

Нет, я и сама понимала, что рисковать лишний раз не стоит. Но и сидеть взаперти чёрт знает сколько... Не уверена, что выдержу. Я собиралась к Фарморам, а ещё — обязательно проведать Бальдера. Боюсь, в четырёх стенах просто не высижу. Кто-кто, а я себя, свою непоседливую натуру, за годы жизни неплохо изучила.

— Предлагаю альтернативу. — Придушив раздражение, очаровательно улыбнулась любителю категоричных ответов. — Я не

ухожу из дома без охраны. Ты ведь можешь ко мне кого-нибудь приставить?

Дракон нахмурился, хоть и до этого едва ли лучился позитивом.

— Ещё я слышала об оберегах — артефактах, способных защищать от пуль, ядов и прочих напастей.

— К сожалению, оберегов от искажённых не существует. Поэтому...

— Эндер. — Я вскинула руку, требуя, чтобы дал мне сказать. — В договоре чётко прописано, что я обязана делать, а что нет. Сидеть дома — не обязана. Это не значит, что я буду бездумно подвергать себя опасности, но мне важно знать, что я не пленница в этом доме. Не твоя собственность. Поэтому, — произнесла, копируя его интонацию, — настаиваю на альтернативе: охраннике и артефакте.

В тот момент от взгляда дракона захотелось поёжиться. По крайней мере, именно эту эмоцию, страх, настойчиво подсовывала мне частица Раннвей. Или что это такое время от времени навязывает мне чужие эмоции и воспоминания... Ёжиться я не стала. Наоборот, расправила плечи и смотрела на ультора, не сводя взгляда, пока он не ответил:

— В такие моменты начинаю скучать по холостяцкой жизни.

— Ты сам настоял на этой сделке. И не отрицай, что я не иду на компромиссы. Очень даже. Хотелось бы, чтобы и ты меня слышал.

Не сразу, но он всё же ответил:

— Я тебя услышал, Женья, — и наши гляделки на этом прекратились. — Хотя бы сегодня никуда не собирайся, — добавил он, возвращаясь к себе. — Пока я не найду тебе охранника и подходящий оберег.

Кивнула, миролюбиво улыбнулась (я ведь такая послушная умница), после чего, проведив дракона взглядом, отправилась в ванную. Приводить себя в порядок перед завтраком.

Пока умывалась и расчёсывала спутавшиеся за ночь пряди, пыталась дозваться до Вильмы, но, увы, никто из зеркала так и не вынырнул.

И вот что мне прикажете думать?

Бывало, она пропадала на неделю и даже больше, исчезала без предупреждения и возвращалась так же внезапно. Но всем предыдущим её отлучкам не предшествовала стычка с мерзопакостной

кляксой. Куда она утащила мою подругу? Что могла сделать с призраком?

Увы, едва ли кто-то мог ответить на этот вопрос. Оставалось надеяться, что с Вильмой всё хорошо и скоро она вернётся.

Когда спустилась в столовую, завтрак уже был в разгаре. Эйрэ традиционно читал газету, которую сегодня ему, увы, подал не Бальдер, Эдвина уныло ковыряла вилкой яичницу. При виде меня девочка выпрямилась, распахнула глаза и так и сидела, неотрывно скользя по мне взглядом, пока я пересекала столовую и устраивалась за столом по правую руку от дракона.

— А где ужасные язвы?! — выдала она вместо приветствия.

— И тебе доброе утро, Эдвина. — Я оказалась куда более вежливой.

Дракон отложил газету.

— Я не пойму, ты расстроена, что Раннвей чувствует себя лучше?

«Племянница» смутилась. Опустила глаза и чуть слышно произнесла:

— Нет, конечно. Просто ты вчера сказал...

— К счастью, мейст Браден приехал вовремя, — ответил Делагарди, поднося к губам чашку с любимым кофе. — И, по-моему, ты не с того начала. Что ты должна сказать тёте, Эдвина?

На несколько секунд в столовой воцарилась тишина. За это время я успела расправить на коленях салфетку, вооружиться столовыми приборами и вернуть взгляд на девочку.

Вздыхнув, та с явной неохотой пробормотала:

— Извините, тётя, я не специально.

Не специально?

— То есть Ведьмина капли сами собой пролились на платье? — я не сдержала усмешку.

Эдвина вспыхнула:

— Я хотела сказать, что не желала тебе зла! Просто... просто думала, что будет весело.

— В следующий раз думай подольше, действительно ли будет весело, — бросила я и решила, что пора сосредоточиться на завтраке. Вредная девчонка и так получила слишком много моего внимания.

Но сосредоточиться на завтраке на этот раз не дал Делагарди:

— С завтрашнего дня Эдвина будет помогать сёстрам милосердия в госпитале святой Найвы, будет у них на подхвате.

Я с удивлением уставилась на дракона, а он меж тем в упор посмотрел на племянницу:

— Или ты решила переехать к Данне?

И снова в столовой повисло молчание.

Меня так и подмывало спросить: во что вы, эйрэ, играете? Смысл нашей аферы и заключается в том, чтобы удержать вредную девчонку в этих стенах, и вот он её... отпускает?

Ничего не понимая.

Дракон молчал, и я не находила, что сказать. Судя по выражению лица Эдвина, ей раскрывать рот тоже особо не хотелось, но дядя ждал ответа.

Пришлось отвечать:

— Не хочу стеснять бабушку Данну, — выдавила она из себя еле слышно и с явной неохотой. — У неё и так много хлопот.

Я удивилась ещё больше, если такое вообще было возможно. Как... откуда Эндер знал, что она не согласится на переезд? Или не знал и просто решил с утра пораньше сыграть в русскую рулетку?

Любитель острых, блин, ощущений.

— Значит, госпиталь, — удовлетворенно кивнул Делагарди.

— Но сколько я там буду... находиться?! — последнее слово Эдвина произнесла так, словно вместо этого хотела сказать: «страдать». Произнесла и поджала губы, с обидой глядя на дядю.

— Столько, сколько я сочту нужным, — ответил тот и поднялся.

Поцеловал меня в щёку (на нас же смотрели служанки и племянница), мазнул взглядом по последней и, пожелав мне хорошего дня, отправился по своим делам.

Я тоже не стала задерживаться. Завтракать в компании любительницы злых шуток как-то не хотелось — просто аппетита не было. Ушла к себе, где меня уже поджидали Полин с Минной, чтобы помочь нанести чудодейственный бальзам.

— И вечером ещё. — Пока Минна осторожно втирала мазь мне в спину, Полин занималась моими ногами. — Господин Браден сказал, что нужно лечиться три дня, и тогда от... эмм... сыпи не останется и следа.

— Будем верить в оптимистичный прогноз господина Брадена, — с улыбкой сказала я и тоже, чтобы не сидеть бесполезной куклой, начала втирать лекарство себе в руки.

После ухода служанок ещё какое-то время пыталась дозваться до Вильмы, но без толку — она так и не появилась. В расстроенных чувствах упала в кресло, гадая, чем бы заняться до вечера. Вернуться на чердак и продолжить копать в вещах Раннвей? Да, пожалуй, так и сделаю, потому что сидеть в четырёх стенах и часы напролёт пялиться на стену...

Ход моих мыслей прервал короткий стук в дверь.

— Входите.

Думала, это вернулась Полин или Минна, а может, дружным дуэтом опять пожаловали, но в комнату неожиданно вошла Эдвина. Я даже выпрямилась в кресле, удивлённая её внезапным появлением. И на всякий случай просканировала девочку взглядом. Вдруг она ко мне с очередным «Троянским подарком».

— Я утром гуляла в саду, — начала она и приблизилась, продолжая избегать встречаться со мной взглядом. — Вот... нашла...

На открытой ладони девочки сверкнула серёжка, потерянная мной стараниями искажённого.

— Я ещё вчера их на тебе заметила. Очень красивые.

— Спасибо, — пробормотала я и положила украшение на столик рядом.

Эдвина кивнула и замерла, словно собиралась ещё что-то сказать, но не могла. Или не хотела, или... кто его знает, какая каша варилась в голове этой рыжеволосой проблемы.

— Эдвина...

— Мне правда жаль, что так вышло! — выпалила она и сразу затихла. Правда, ненадолго, спустя несколько секунд тихо продолжила: — Я чувствую себя... такой дурой. Мне даже в голову не приходило, что это может быть что-то другое. Я просто...

— Помню, ты хотела повеселиться.

Опустив глаза, она чуть слышно произнесла:

— Я только серёжку хотела вернуть. Наверное, пойду... — и развернулась к выходу.

— Эдвина, — позвала её, и девочка замерла. А я продолжила, осторожно подбирая слова: — Возможно, у тебя есть все основания

злиться на прошлую меня, но новая Раннвей... я... не сделала тебе ничего плохо. И не сделает. Я правда хочу, чтобы мы подружились.

Я говорила искренне, от всего сердца и почти поверила, что наконец-то смогу достучаться до племянницы Раннвей. Надеялась, что Эдвина хотя бы попытается выбраться из кокона вражды, в который сама же себя и загнала, и у нас всё наладится.

Но видимо, надеялась зря.

— Возможно? — обернувшись, тихо переспросила она. Светлые глаза полыхнули яростью, злостью. Такой, что заставила меня поёжиться. — Возможно?!

— Эдвина, успокойся...

Шагнув ближе, наследница Фарморов процедила:

— То есть, когда ты забыла меня в чужом доме, а я ревела от ужаса в тёмной комнате, замёрзшая и голодная, мне, возможно, не стоило на тебя обижаться? — Она воинственно сжала кулаки. — Или когда ты заявила, что лучше бы я осталась тогда с папой и мамой... я что должна была? Просто взять и забыть, что ты мне смерти желала? А все те разы, когда ты называла меня полукровкой при своих друзьях? Ты сама пустышка, была и есть, но почему-то считаешь себя выше меня! Чистокровная драконица! Ха! — Она поморщилась и, наверное, с трудом удержалась от того, чтобы не плюнуть мне под ноги, как в день нашего знакомства. — Думала, я маленькая была, и со временем всё забуду. Ну так нет, Раннвей. Я *всё* помню. *Всё!* И не верю, что ты изменилась. Ты всё такая же лживая змея!

Сказать в своё оправдание я ничего не успела — Эдвина вылетела из комнаты быстрее, чем я смогла вздохнуть и выдохнуть. Да и имела ли право оправдывать Раннвей? Заявить ребёнку, что ему следовало сгореть вместе с родителями? За такие слова Ведьминых капель будет мало.

Господи, в чьё тело я попала...



## Глава 4. Следственные мероприятия

*Эндер Делагарди*

Ночь после «праздника» выдалась непростой и длинной. Проводив Рейера, а после Брадена, я стал по очереди допрашивать прислугу. Все до единого были взволнованы, а скорее даже — напуганы. Но не допросом, а появлением в доме искажённого. В доме, где они чувствовали себя в безопасности, защищённые магией от любой напасти.

— Ваша светлость, не понимаю, о чём вы...

— Ваша светлость, я бы ни за что и никогда!

— Чтобы я подбросила отраву... Как вам такое могло прийти в голову?!

— Зелье? Знать не знаю ни о каких зельях.

Стоило упомянуть о Ведьминых каплях, как все до единого округляли глаза и смотрели на меня так, словно я интересовался: а не видели ли они вчера в небе единорогов на радуге. Кухарка так и вовсе на меня обиделась. За то, что я посмел заподозрить её, прослужившую в моей семье много лет, в столь грязных, как она выразилась, делишках.

В общем, или у меня в слугах потрясающие артисты, или никто из них и правда не имел отношения к фокусам с Эдвиной.

Оставалось допросить мисти Ливен и... Бальдера. Хоть представить того в роли отравителя, да ещё и гнусно действовавшего через ребёнка, я не смог бы даже будучи пьяным.

Ах да, ещё бывшая любовница... С ней, как бы ни хотелось мне этого избежать, тоже придётся встретиться.

— Кто-нибудь ещё в тот день приезжал?

На всякий случай этот вопрос я задал каждому из прислуги, но, увы, в ответ все качали головой. Лишь Полин, уже выходя из кабинета, вспомнила:

— В тот день я правда из чужих никого не видела. Но накануне вечером заезжала помощница портнихи. Не помню, правда, которой из двоих... Она принесла две коробки со шляпками. Я как раз наполняла для госпожи ванну.

— Спасибо, Полин. — Я благодарно улыбнулся девушке, а та, согнув колени, тенью скользнула за дверь.

Ещё какое-то время посидев в кабинете и отругав себя за то, что мой дом превратился в проходной двор для отравителей и убийц (и я это допустил!), отправился наверх. Женя уже спала. Лежала, сжавшись в комок и положив под щеку руки. Такая беззащитная и маленькая на огромной кровати. Почему-то в тот момент невыносимо захотелось её коснуться. Провести пальцами по шее от подбородка до самых ключиц, дотронуться до нежных губ... Пусть у неё было лицо Раннвей, пусть его покрывали чёрные в полумраке пятна, но даже такой она мне... нравилась.

Это была совершенно другая девушка, пусть и с лицом, которое было мне хорошо знакомо. Девушка, порой упрямая, порой и вовсе невыносимая, но добрая и отзывчивая. Такая милая и... пленительная.

Перед глазами заскользили недавние воспоминания, о том, что происходило несколькими часами ранее в ванной. Согласен, воспоминания не самые приятные, для иномирянки, но мне и пары картин хватило, чтобы податься к ней, наклониться... К счастью, в последний момент одумался и просто поправил одеяло, набросив на обнажённое плечико. Велев себе перестать пожирать её взглядом, отправился к себе, но дверь между нашими спальнями на всякий случай закрывать не стал.

Утром «жена» снова решила во что бы то ни стало отстоять свою свободу и независимость, словно я, тиран и деспот, собирался держать её здесь в кандалах. Следовало проявить твёрдость и убедить её оставаться дома (по крайней мере, в ближайшее время, пока не выясним, откуда берутся эти твари), но...

Но проявлять твёрдость с иномирянкой почему-то не получалось.

С Раннвей было проще, она выполняла любую мою просьбу, едва я успевал её озвучить. А с Женей... А из-за Жени, готов поспорить на что угодно, у меня ещё не раз и не два будет болеть голова. Из-за неё и из-за Эдвины.

Вот они все прелести «семейной» жизни, которых так страшится Рейер.

Напарник приехал в управление первым, но к Экебладу не спешил, ждал меня.

— А к любовнице мы когда? — поинтересовался Таубе, лениво прокручивая между пальцами папиросу.

— Как только любимый начальник даст вольную.

Я быстро поднялся по ступеням крыльца и толкнул дверь в управление. Напарник, явно огорчённый тем, что перекурить до «жаркой» встречи не успеет, нехотя поплёлся следом.

— После Каролы надо будет посетить пару портних.

— Решил обновить гардероб?

— Помощница одной из модисток заезжала ко мне домой за день до того, как Эдвина нашла зелье.

— Значит, надо проверить, — посерьёзнев, кивнул Рейер.

В воскресенье в коридорах управления было так же тихо, как у Шультена в прозекторской. Лишь из-за двери Экеблада доносилась какая-то приглушённая возня.

— Может, там искажённый? — с надеждой предположил Таубе.

— Мало ли, вдруг кто-то решил облагодетельствовать всех следователей Кармара... Тогда не будем торопиться!

— Мечтатель, — хмыкнул я и постучал в дверь главы управления.

— Ну наконец-то! — тут же раздалось из-за неё ворчливое. — Заходите уже! Вечно опаздывают, словно девицы на свидание...

Обменявшись мрачными взглядами, мы вошли в кабинет и застали Экеблада за превращением собственного рабочего места в свалку. Хорошо хоть не отходов, а просто бумажек. Вполне возможно, что важных, но Арильд всегда был неряшлив, а к документам относился так, словно это был ничего не стоящий хлам.

Вытащив один из ящиков стола, он просто-напросто вытряхнул его содержимое на столешницу. Другие ящики уже были опустошены тем же самым образом, и найти что-либо в этом бардаке явно не представлялось возможным.

— Да куда же он мог подеваться... — раздражённо бормотал начальник.

— Что-то потеряли? — услужливо поинтересовался Таубе.

— Память свою потерял! Ничего без Руткера не помню. А паршивец, как назло, на выходные уехал! Не то к тётке в деревню, не то сбежал к любовнице в какой-нибудь провинциальный кабак. Столичные шлюхи-то ему не по зубам. Ну то есть не по карману.

Перед глазами тут же нарисовался тщедушный парень в очках и в пиджаке, который вечно на нём болтался. Пиджаков у Руткера было несколько, но все сидели на тощем помощнике Экеблада, как на больном смиренная рубашка.

Вполне возможно, что скоро ему действительно понадобится этот замысловатый предмет одежды. С начальником вроде Арильда до безумия долго идти не надо.

— Помочь с поисками? — без особого энтузиазма предложил напарник.

Я зыркнул на него, безмолвно требуя, чтобы перестал стелиться перед Экебладом.

— Шультен подготовил отчёт? — спросил я поспешно, пока начальнику не пришла в голову идея превратить нас в своих личных уборщиц.

— Он сейчас у себя, можете сами всё у него узнать, — растерянно оглядываясь по сторонам, пробормотал Экеблад. — А я искал... А что я искал? Ах да, ордер на вскрытие ячейки Келлера! Ума не приложу, куда эта бумажка подевалась. — Схватив платок, он стал сосредоточенно вытирать пот со лба. — Ладно, раньше понедельника всё равно в банк не попадёте. Завтра Руткер вернётся, вот пусть лентяй и ищет!

— А мы тогда пойдём, — осторожно проговорил Таубе.

— Идите... — рассеянно ответил начальник и махнул рукой — для нас сигнал, что можно с чистой совестью убираться.

У патологоанатома мы не узнали ничего нового. Точнее, стало известно, что на теле вчерашнего убийцы, личность которого ещё не установили, как и на теле Келлера проступали багровые вены.

— Они как будто раздулись, — лаконично описал состояние покойника Свен. — Я взял несколько проб и могу с уверенностью заявить: оба искажённых приняли одно и то же. Зелье, яд, какой-то препарат... До этих двух не встречал ничего подобного, — пробормотал он и поджал губы, явно расстроенный, что не сумел дать нам больше информации.

Закончив с Шультенем, мы покинули управление. Решили разделить, иначе за день банально не успеем всех объехать. Я отправился к Кароле, Рейер поехал к портникам.

Бывшая любовница жила на другом конце города, поэтому нам с Вернером пришлось покататься. Оставалось надеяться, что леди Ферзен не укатила на какое-нибудь чаепитие или за город дышать чистым воздухом провинции. Карола не любила сидеть дома и, по хорошему, мне следовало предупредить о своём визите. Но если допустить, что яд всё-таки от неё, лучше воспользоваться эффектом неожиданности.

Небольшой особняк из тёмно-рыжего кирпича, увитый виноградом и плетистой розой, находился в конце тихой уютной улицы. Ворота оказались открыты, и я, быстро миновав холёный двор, взбежал по ступенькам крыльца.

Позвонил. Стал ждать.

Впрочем, ждать пришлось недолго. И минуты не прошло, как дверь распахнулась, и на меня уставился пожилой дворецкий Каролы. Уставился так, словно я сам вдруг стал единорогом на радуге. Пришлось, кашлянув, выводить его из транса.

— Я бы хотел поговорить с леди Ферзен. Она сможет меня принять?

— Проходите, ваша светлость, — отмер дворецкий. — Сейчас узнаю у леди.

Слуга неторопливо прошагал в гостиную, а я остался в холле, расчерченном, как шахматная доска, чёрно-белыми плитами пола. Они были так хорошо наполированы, что я мог запросто рассмотреть в них своё отражение. Своё и... Каролы.

Леди Ферзен оказалась столь любезна, что решила лично меня встретить. Выскочила в холл с недостойной её воспитания прытью и с восклицанием:

— Я знала, что ты вернёшься! — повисла у меня на шее.

Не знаю, кто оторопел сильнее: я или пожилой дворецкий.

— Карола... — Опомившись, я попытался отцепить от себя бывшую любовницу.

Оказалось не так-то просто. Наверное, отбиться от искажённого и то было бы легче.

— Так и знала, что ты быстро от неё устанешь. Ну что может быть между тобой и Раннвей? Ха! Турвальд, шампанского нам!

Последние слова предназначались всё ещё пребывавшему в тяжёлом шоке дворецкому.

— Турвальд, ну чего застыл?! — капризно топнула ногой Ферзен, заметив, что пожилой слуга продолжает смотреть на нас во все глаза. — Я что, вдруг онемела и теперь меня не слышно?

Увы, это было не так. Пронзительный голос Каролы звучал даже у меня в ушах.

Когда наши отношения только начинались, виконтесса казалась идеальной. Красивая, интересная леди, не лишённая чувства юмора, а главное — мозгов. Проводить с ней время было приятно. Это уже потом я стал замечать и её собственнические замашки, и то, как она легко выходит из себя с прислугой, и её капризный нрав, который нет-нет да и просачивался из-под маски утончённой, сдержанной и образованной красавицы.

Тогда-то я и задумался о «побеге» из отношений, и вскоре так и сделал. Что явно расстроило, задело Каролу. Может, Ведьмины капли действительно её рук дело? Но тогда бы она не вела себя так беспечно. Наверняка бы занервничала.

— Карола... — Мне всё-таки удалось отцепить её от себя, хотя должен признать: в тонких пальчиках виконтессы силы было хоть отбавляй. — Нам надо поговорить.

— Вижу, ты истосковался по нашим... разговорам, — послала мне томный взгляд кокетка, а в дворецкого стрельнула таким, что тот, несмотря на преклонный возраст, прытко метнулся в сторону служебных помещений.

— Может, пригласишь в гостиную? — Я многозначительно огляделся, давая понять, что холл — не место для нашего общения.

Обычного общения, а не того, чего ей вдруг захотелось.

— И правда, что это я? — залилась очаровательным румянцем девушка. — Так обрадовалась тебе, что совсем забыла про манеры!

Это уж точно.

— Проходи.

Не переставая оглядываться через плечо, она провела меня в гостиную, такую же зефирно-светлую, как и все комнаты в этом доме.

— Когда твоя жена нашлась, я сначала за тебя обрадовалась. А потом вспомнила, как ты маялся с Раннвей, и поняла, что тебе, мой милый, остаётся только посочувствовать.

Я сел в кресло, Карола тут же пристроилась рядом на диване, на самом его крае, чтобы быть ко мне ближе.

Как бы с него не свалилась.

— Но может, это и к лучшему, раз ты решил вернуться. Вернуться ко мне. — Томный взгляд из-под ресниц, призывно закушенная губа.

Поразительно, как женщины из ничего могут приходиться к столь масштабным выводам! Возводят замки, воздушные, на пустом месте.

Я к ней возвращаться не собирался, зато с завидной быстротой к Кароле вернулся Турвальд. С откупоренной бутылкой шампанского и угощениями, на которые я посмотрел с раздражением. Точнее на всего дворецкого в целом, с шампанским и угощениями.

— Нашу встречу стоит отпраздновать, — источая очарование и кокетство, заулыбалась виконтесса.

— Я на службе.

— В воскресенье?!

— Карола, нам надо поговорить. Наедине, — быстро и сухо произнёс я, отчего дворецкий испуганно отступил назад. Бокалы на подносе тревожно звякнули.

— О нас? — с надеждой выдохнула она.

Подалась ко мне с явным намереньем коснуться моего колена, но после резкого:

— Не о нас! — обречённо откинулась на спинку дивана.

— Уйди Турвальд, — махнула рукой, и слуга, будто только того и ждал, исчез за дверью.

Дождавшись, когда он выйдет, я заговорил о причине своего вынужденного визита, и по мере того, как рассказывал о вчерашних событиях, лицо моей бывшей пассии то краснело, то бледнело, то вытягивалось от изумления.

— И ты ей поверил? Своей племяннице? — прошептала она чуть слышно, когда я закончил. — Что я могла такое... такое вытворить?

— Я пока что ни в чём тебя не обвиняю. Просто пытаюсь разобраться.

— Пока что? — Карола тихо усмехнулась. Вскинула взгляд, посмотрела мне прямо в глаза: — Эндер, я могу быть вспыльчива, импульсивна, но я бы ни за что не сделала подобную глупость. Зачем? Вредить жене ультора? Это в первую очередь навредило бы мне! Я ведь не сумасшедшая. И на тебе, между прочим, — она высокомерно вздёрнула подбородок, — не заиклена. Думаешь, ты единственный мужчина во всём мире?

— Даже в голову такое не приходило. Я искренне желал и продолжаю желать тебе счастья, Карола. Но если это ты пыталась навредить Раннвей...

Я угрожал, хоть и сам не верил в её причастность. Ферзен больше всех и всего любила себя. Не стала бы она рисковать своим именем и своим положением ради мести, на которую по-хорошему не имела права. Нас больше ничего не связывало.

Виконтесса поспешно поднялась.

— Если тебе угодно, приглашай дознавателей. Пусть хоть пытаются меня — мне нечего скрывать! Моя совесть чиста! До твоей жены-пустышки мне нет дела. Как и до тебя! А сейчас, если ты закончил меня оскорблять, Турвальд проводит тебя...

— Прежде чем уйду, я бы хотел поговорить с твоим дворецким и остальными слугами.

Щёки Каролы, до этого такие же бледные, как и шёлковые обои на стенах, окрасились румянцем. Она уже открыла рот, явно собираясь высказать всё, что обо мне думает, но в последний момент сдержалась и буркнула:

— Делай что хочешь. Главное, больше меня не трогай.

Подхватив юбки, оскорбленная до глубины души вышла, а спустя пару минут из холла послышался её раздражённый голос:

— Турвальд! В гостиную! Живо!!!

Прислуги у виконтессы было немало, а потому на допрос пришлось потратить больше часа. Ни её камеристка, ни дворецкий, ни другие слуги не помнили, чтобы госпожа привечала подозрительных личностей и сама никакие сомнительные места не посещала. Ведьмины капли не выпишешь, как платье из магазина готовых нарядов, заполучить эту дрянь не так уж и просто. Кто-то бы что-то заметил. По-хорошему следовало бы встретиться со всеми, с кем она в последнее время проводила время, но я и так уже знал — бывшая любовница не виновата. Её именем воспользовались так же, как воспользовались наивностью Эдвины.

И что остаётся? Попытка отравления, попытка убийства — и всё в один вечер. Кто-то явно желает моей жене смерти, а Жене, как назло, не сидится дома.

Невозможная.



В управлении меня дожидался Рейер. Не то чем-то взволнованный, не то воодушевлённый.

— Нашёл я помощницу, которая к тебе заходила! — заговорил он, едва завидев меня на другом конце коридора, и поспешил навстречу. — Но знаешь, что интересно: портниха, у которой эта девица была на подхвате, мистис Стина, её в тот день к Раннвей не посылала.

— Где девушка?

Таубе слегка скривился.

— Ты привёз её в управление? — нетерпеливо продолжил я.

— Привёз, — кивнул напарник и тут же мрачно добавил: — Она сейчас на «допросе» у Шультена. Увы, ни ты, ни я поговорить с ней уже не сможем.

## Глава 5. Защита от призраков

*Женя Исаева*

Провозившись полдня на чердаке, но так и не обнаружив ничего интересного, я вернулась к себе. Собиралась вздремнуть после обеда, но с отдыхом в тот день не сложилось. Только легла в кровать, как снаружи истошно «завопили» клаксоны. Кто-то явно пытался привлечь внимание тихой улочки, на которой располагался особняк дракона.

Подойдя к окну, увидела, как к воротам подъезжают паромобили и, «вопя» на всю улицу, требуют, чтобы им открыли. Паромобилей было не один и не два, а целых пять! Снова гости? Но хозяина нет дома, а у меня нет ни малейшего желания привечать местную знать.

Прилипнув к стеклу, я настороженно наблюдала за тем, как дверцы машин распахиваются, выпуская незнакомых мне мужчин. Все как один были в длиннополых серых или чёрных плащах и блестящих цилиндрах. Один, пожилой, опирался на трость, другие на вид были не старше Эндера. Не то чтобы я хорошо разглядела лица из-под полей высоких шляп, но так быстро и стремительно могли двигаться только молодые мужчины.

Когда спустилась вниз, незваные гости уже снимали с себя верхнюю одежду, скидывая её на руки растерянных служанок.

— Что здесь происходит? — Спустившись по лестнице, я требовательно оглядела два десятка незнакомцев.

— Леди Делгарди, — выступил вперёд из толпы тёмных пиджаков мужчина с тростью и почтительно склонил голову. — Позвольте представиться — Видар Ребиндер. Я и мои люди год назад устанавливали защиту на вашем доме. За столь короткое время чары никак не могли истончиться, но каким-то образом искажённый всё же сумел к вам проникнуть. Эйрэ просил всё проверить, чтобы в будущем избежать подобных вторжений.

Служанки облегчённо заулыбались, я кивнула.

— Тогда прошу. Делайте, что нужно.

— Благодарю. И спешу заверить, что вы нас даже не заметите, — растянул светлые, почти бескровные губы в улыбке мужчина. — Мои люди действуют аккуратно и незаметно.

Может, они и действовали аккуратно и незаметно, но всё то время, пока Реби-как-то-там шнырял со своей компанией по дому, я сидела у себя в комнате и прислушивалась к малейшему шороху. Когда в дверь постучали, невольно вздрогнула и услышала безукоризненно учтивое:

— Леди Делагарди, мы могли бы войти?

Дверь я открыла без особого энтузиазма (не очень-то приятно впускать в своё личное пространство толпу незнакомых магов) и сразу поинтересовалась:

— Что из себя представляет ваша защита?

— Это особое плетение чар, накладываемое на отдельные помещения или на каждую комнату в доме. Оно обезопасит вас от любого вида вторжения. Позвольте?

Нехотя посторонилась, пропуская Реби и тройку его подчинённых.

— А можно поподробнее?

— Теперь вы с уверенностью сможете говорить о своём доме, как о своей крепости, — с улыбкой заявил мужчина, после чего кивнул одному из магов, и тот скрылся в ванной. Другой отправился в гардеробную, а третий в будуар. — К вам теперь не то что искажённый не проберётся, даже привидение не проскочит!

Получается, если Вильма вернётся (точнее, *когда* Вильма вернётся), она не сможет пробиться через эту замечательную защиту? Ей и раньше не во все комнаты удавалось проникнуть, а теперь и вовсе не сможет со мной видеться?

— Так, подождите! — Я нахмурилась и, незнакомец с труднопроизносимой фамилией, словно отзеркаливая выражение моего лица, тоже перестал улыбаться. — Давайте не будем бросаться в крайности. Защита от искажённых — это замечательно, это пожалуйста. Но зачем ставить защиту от духов? У нас же здесь не замок с привидениями, и вообще...

— Это лучшие чары из всех, что у нас имеются, леди, — не без гордости проговорил маг. — Я и сам удивился просьбе его светлости — ну кто и когда видел этих привидений? — но эйрэ настаивал, чтобы в вашем доме не осталось даже малейшей лазейки для врага.

— А я прошу... нет, тоже настаиваю, чтобы некоторые лазейки всё же остались. Не для врага, конечно же, а для... Так, на всякий случай.

И не объяснишь ведь, зачем мне всё это нужно.

— Но леди...

— Остановите своих людей.

— Но...

Назревающий спор прервало появление Эндера. Окинув нас взглядом, усталым и мрачным, он коротко поинтересовался:

— Видар, всё в порядке?

Видар?

Развернувшись, вопросительно посмотрела на «мужа». И как прикажете понимать? Он беспокоится, всё ли хорошо у внезапно нагрянувшего гостя, а на жену даже толком не смотрит?

— Признаться, — маг зачесал назад седые пряди, — я в некоторой растерянности, эйрэ. Её светлость попросила не ставить защиту на эти покои.

— Защиту от призраков, — уточнила я.

Оставаясь верным своим привычкам, дракон нахмурился. Что-что, а хмуриться он умел и любил. Как и делать вид, что супруга ни много ни мало лишь очаровательное дополнение к не менее очаровательному интерьеру.

Ну кому придёт в голову интересоваться мнением табуретки?

— Раннвей, — взгляд дракона упёрся в меня, — мы могли бы поговорить?

Прежде чем выйти, бросила работнику непонятной для меня фирмы:

— А пока мы говорим, ничего здесь не делайте.

Обречённо вздохнув, он кивнул, и я, немного успокоенная, последовала за Делагарди в его спальню. Тот, явно не желая терять время на долгие вступления, спросил в лоб:

— Тебе жить надоело?

— При чём здесь это? — ответила вопросом на вопрос.

— При том, что дважды, когда на тебя напали, с искажённым была тень, злой дух, привидение... Не знаю, что эта дрянь из себя представляет, я её не вижу, но зрящей склонен верить. — Он усмехнулся, одними уголками губ, и тут же, посерьёзнев, добавил: — Поэтому спрашиваю ещё раз: почему ты готова, рискуя собой, оставить лазейку для твари? Мне вообще кажется, что ты только и делаешь, что рвёшься навстречу опасности.

Сбросив на кровать пиджак, он усталым движением руки ослабил галстук и приблизился к своей любимой алкогольной коллекции.

— Тень без искажённого не появляется, а если не будет искажённого, не будет и, как ты выразился, этой дряни.

— Ты уверена? — с сомнением покосился на меня Эндер. — Что мы знаем об этом существе? Ничего. Я планирую это исправить, а пока что нужно тебя обезопасить. От самой себя тоже не помешало бы...

— Не ворчи, — не выдержав, буркнула я.

От самой себя обезопасить... Я была в полной безопасности до знакомства с вами, господин Делагарди. Жила себе спокойно, строила планы. А за две недели знакомства с *вами* на меня уже дважды успели напасть.

Я не стала ему выговаривать и, придушив в себе на время независимую эмансипированную леди, нехотя согласилась:

— Ты прав, мы ничего не знаем о тьме, следующей за искажёнными, но с этой твоей супернадёжной защитой ко мне не сможет приходить Вильма.

Делагарди вопросительно вскинул брови. Кажется, он уже успел забыть о моей подруге. Единственной, между прочим, во всём этом мире.

— Я о той душе, которая должна была помочь мне «проявить таланты». Её зовут Вильма... Точнее, я её так называю. Она не помнит своего имени, не знает, что с ней стало, и я к ней... очень привязана. Будет защита — не будет Вильмы.

Дракон бросил по сторонам взгляд, словно надеялся обнаружить поблизости призрака. Потом, видимо, вспомнил, что на его покоех защита стояла и раньше, опустил в кресло, сделал глоток из бокала и уже более расслабленно поинтересовался:

— Это она тебя отговаривает? Эта твоя Вильма?

— Нет, я её со вчерашнего вечера не видела.

Устроившись в кресле напротив, я рассказала о появлении старушки в ванной, короткой схватке с чернильной дрянью, протащившей Вильму сквозь зеркало.

— Куда она её забрала — не знаю. Тень потом вернулась, а Вильма нет, — закончила я грустно и замолчала, ожидая реакции Делагарди.

Некоторое время он тоже молчал, обдумывал мои слова. После чего, осушив бокал, тихо, но твёрдо сказал:

— Защита будет на всём доме, Женя. Спорь - не спорь, решения своего не изменю. Но я понимаю твои чувства и обещаю обдумать ситуацию с твоей, хм... подружкой. Завтра познакомишься со своим охранником. Если Вильма вернётся, вы сможете видеться с ней вне дома, во время твоих...

— Безрассудных вылазок? — Я невольно улыбнулась, заметив, какое у него на этих словах стало выражение лица.

— Я хотел сказать «прогулок», но твой вариант подходит больше, — он улыбнулся в ответ.

Ничего не сказала, пожалала плечами, а потом поинтересовалась:

— Как там Бальдер? Ты к нему заезжал?

Улыбки на лице дракона как не бывало.

— Он всё ещё не пришёл в себя, но Браден заверяет, что выкарабкается.

— Мне бы тоже хотелось его поведать... — Заметив, как «муж» снова начинает хмуриться, поспешила сменить тему: — Удалось узнать, кто подсунул Эдвине зелье?

Эндер кивнул, правда, без особого воодушевления. А вскоре стало ясно, почему вернулся домой в столь паршивом настроении. Не то чтобы он, уходя, сиял от счастья, но если утренний Деллагарди напоминал грозовую тучу, то Деллагарди вечерний запросто мог сойти за грозовое небо: тёмное, мрачное, опасное.

— Я в тот день эту помощницу в глаза не видела, — сказала я, прокручивая в уме события недавнего прошлого. Не сдержавшись, выпалила: — Если бы ты не артачился, мы бы могли по-быстрому выяснить, кто её нанял! Но эйрэ у нас птица гордая... Точнее, гордый дракон. Всё сам да сам, а трупы продолжают множиться.

Удивительно, но в этот раз Деллагарди не стал мрачнеть и выдвигать своё категоричное «нет». Вместо этого коротко поинтересовался:

— И что ты предлагаешь? Устроить тебе «свидание» с покойницей?

— От такого «удовольствия», пожалуй, откажусь. Но если удастся разыскать кого-нибудь из родственников этой девушки, тут я бы пригодилась. На худой конец сойдёт кто-нибудь из её знакомых. Тот,

кто смог бы притянуть её душу в наш мир. Да вот хотя бы мистическая Стина.

— У неё есть тётка. Живёт в Корвине, небольшой деревушке в нескольких милях от Гратцвига, — задумчиво проговорил Деллагарди.

— Ну замечательно же! — Я радостно заулыбалась, за что удостоилась ещё одного совсем нерадостного взгляда. Но он не помешал мне добавить: — Когда туда отправимся?

\* \* \*

Остаток вечера прошёл спокойно. Ребиндер и его люди вскоре закончили с установкой магических сигнализаций и благополучно отчалили. Уходя, пожилой маг заверил, что новейшие чаровые плетения не только не пропустят в дом врага, но и сразу сообщат всем его обитателям, что снаружи притаилась опасность. Поблагодарив мага за работу, мы с Деллагарди отправились в столовую скрашивать окончание непростого дня вкусной едой и вином.

За ужином Эдвина вела себя образцово. Ни словом, ни взглядом не напомнила о нашем утреннем столкновении. На вопросы дракона отвечала коротко и с почтением. Глядя на неё можно было подумать, что в этом доме живёт две девочки по имени Эдвина. Внешне — копии, но внутреннее содержание совершенно разное.

Интересно, насколько престижно в этом мире быть актрисой. Может, племянницу Деллагарди не в гимназию для раскрытия дара надо было отдавать, а на актёрские курсы? Блистала бы на подмостках театров со своим талантом умело примерять маски.

Ночь тоже прошла спокойно. Уснула я быстро и спала как убитая. В самом наилучшем смысле этого слова. Утром, как и вчера, проснулась свежей, бодрой, отдохнувшей. Сейчас я могла бы запросто свернуть горы, ну или как минимум смотаться в Корвин поговорить с тёткой покойной.

Увы, у Эндера на понедельник были другие планы.

— Сегодня, к сожалению, не получится. Я буду под завязку в делах здесь, в городе, — сказал он мне за завтраком, основательно так притоптав мой энтузиазм.

Вздыхнула, но тут же, не желая падать духом, сказала:

— Кстати, если вдруг у искажённого тоже обнаружится какой-нибудь родственник...

Я так и не закончила своё великодушное предложение, осеклась под потемневшим взглядом дракона, процедившего так грозно:

— Призывать дух искажённого ты точно не будешь, — что тема тут же была исчерпана, закопана и присыпана пеплом моих благих намерений.

— Любите вы сложности, господин Делагарди, — всё-таки не смогла сдержаться.

— Как-то я без тебя все эти годы справлялся с расследованиями, справлюсь и в этот раз.

Я ничего не ответила, только хмыкнула тихонько и направила остатки своего энтузиазма на кусочек черничного пирога.

Больше к теме расследования и искажённых мы не возвращались. В столовую вошли Эдвина со служанкой. Наша новоиспечённая гимназистка была одета в учебную форму: вишнёвого цвета сарафан на широких бретелях, блузу с кружевами и короткий жакетик с эмблемой гимназии — свернувшийся клубочком дракон на фоне не то восходящего, не то закатного солнца.

— Доброе утро, дядя. Тётя...

По-видимому, мы всё ещё пребывали в ангельском образе.

— Доброе утро, Эдвина, — улыбнулся девочке ультор. — Готова к первому дню?

Опустившись на своё место, она пожала плечами:

— Немного волнуюсь. Переживаю... — И одарила дракона своим коронным лучистым взглядом.

В такие моменты я понимала Эндера. Сложно оставаться суровым и грозным, когда на тебя *так* смотрят.

— Даже не сомневаюсь, что всё пройдет отлично, — подбодрил он её очередной улыбкой. — После занятий Вернер отвезёт тебя в госпиталь святой Найвы.

— Уже сегодня? — Эдвина скорбно вздохнула и захлопала в неподдельном удивлении ресницами. — Может, лучше на днях? Представляешь, какой я буду уставшей после первого учебного дня?

Не сдержавшись, я усмехнулась в чашку с чаем. Тут же стало ясно, к чему все эти ангельские улыбочки и взгляды.



— Сёстры милосердия предупреждены и будут ждать тебя. — Дракон остался непреклонным, несмотря на блестящую игру юной проныры. — Сегодня, а не на днях.

Насупившись, Эдвига уткнулась в тарелку взглядом и больше за весь завтрак не сказала ни слова. Попрощаться тоже не удосужилась. Быстро поев, выскочила из-за стола и понеслась в холл.

— Ты говорила, что хотела бы навестить Бальдера, — проводив девочку взглядом, обратился ко мне дракон.

— Хотела бы — не то слово!

Увидеть его, своими глазами убедиться, что идёт на поправку. Сказать спасибо за то, что спас меня, ведь если бы не он, я бы сейчас не чай пила, а прохлаждалась или, скорее, охлаждалась на столе местного патологоанатома.

— После обеда приедет охранник. Отвезёт тебя к Бальдеру и куда твоей неугомонной натуре ещё будет угодно, — немного сухо закончил Деллагарди. Поймав мой взгляд, тут же добавил: — Но только не в Корвин! Туда мы отправимся вместе.

Другими словами, под твоим драконьим надзором.

— В Корвин я и не собиралась. Смысл мне туда рваться, если я даже имени родственницы не знаю.

Кивнув, с явным удовлетворением, Эндер продолжил:

— Охранника зовут Александр Морриан. Не обращай внимания на его возраст. Александр один из лучших магов Гратцвига, и если я кому и готов доверить твою безопасность, так только ему.

Улыбнувшись, тихо сказала:

— Я это очень ценю.

Окинув меня взглядом, который я так и не смогла расшифровать, Деллагарди поднялся из-за стола.

— Хорошего тебе дня, Раннвей.

Так как служанок в столовой не было, он не стал утруждаться и одаривать меня поцелуем в щёку, лоб или, не дай Бог, в губы. Ринулся было ко мне, видимо, по привычке, но вовремя вспомнил, что можно не напрягаться и, пробормотав ещё одно пожелание замечательного дня, отправился по своим многочисленным делам.

А я осталась маяться до обеда в ожидании пенсионера. А как ещё можно трактовать пожелание: не обращай внимания на его возраст? Наверняка нашёл мне умудрённого годами службы мага-законника, с

немалым опытом и немалой силой. Хотя какая разница? Лишь бы был надёжным, а ко мне вернулась свобода.

Когда в ворота въехала машина, я не выдержала и помчалась встречать своего телохранителя. Каково же было моё удивление, когда из фырчащего и выпускающего клубы дыма транспорта показался молоденький парень с ясными карими глазами.

— Леди Делагарди, — юноша почтительно поклонился, — позвольте представиться, Александр Морриан. Безмерно рад и польщен оказанной мне чести находиться рядом с вами.

Скользнула по нему растерянным взглядом и неуверенно кивнула.

— Вы работаете с моим мужем?

Молодой маг улыбнулся:

— В прошлом году мне повезло участвовать с ним в одном расследовании. Будь мы напарниками, уверен, я бы многому у него научился, но драконы обычно работают в паре с людьми.

Значит, Александр у нас тоже дракон. И то хорошо.

Он был высокий, но при этом очень худой — ни намёка на мускулы. Может, конечно, там что-то и имелось, в зачаточном состоянии, но под балахонистым пиджаком никаких результатов усердных тренировок не просматривалось. Черты лица ещё не успели огрубеть от прожитых лет, а улыбка на немного пухлых, как для мужчины, губах, судя по всему, была частой гостьей. Каштановые волосы, гладко зачёсанные назад, блестели на солнце, как и перстень-печатка на указательном пальце левой руки парня. Руки, к слову, были холёные, с идеальным маникюром, а глядя на длинные пальцы дракона можно было предположить, что он неплохо ладит с роялем.

Интересно, а как у него обстоят дела с искажёнными? Он хотя бы с одним имел дело? Или он не ультор и уничтожать одержимых не приучен? В моём случае, если вспомнить, насколько я с недавнего времени популярна среди этих особей, это плохо. Очень плохо.

Словно уловив ход моих мыслей, молодой человек улыбнулся ещё шире:

— Без лишней скромности могу заверить, леди Делагарди, что со мной вы в безопасности. Ваш супруг также поступил на службу в очень молодом возрасте, что не помешало ему стать одним из лучших ульторов Кармара. Я, — Александр важно вскинул голову, — можно сказать, иду по его стопам.

— Значит, вы тоже палач?

Мориан поджал губы:

— Я всё же предпочитаю «ультор».

— Да, конечно, — я немного смутилась и с улыбкой добавила: —  
Что ж, господин ультор, рада знакомству.

После коротких расшаркиваний Александр поинтересовался, какие у меня будут на сегодня планы.

— Я бы хотела навестить нашего дворецкого. Его госпитализировали после... После нападения.

— Тогда буду ждать вас в машине, — благодушно ответило юное дарование, уверенно шагающее по стопам Делагарди.

Вернувшись в дом за жакетом, я быстро его надела. Взяла у служанки ридикюль с перчатками, нахлобучила на голову микроскопическую шляпку с цветами и поспешила обратно. Александр услужливо помог мне забраться в паромобиль и повёз в больницу.

Вскоре я пришла к выводу, что скучно с ним точно не будет. Безопасно ли — это другой вопрос, но скучать мне не придётся. Молодой ультор болтал без умолку, и за четверть часа я узнала о нём столько, сколько не смогла узнать о своём «муже» за минувшие две недели.

У Александра было трое младших сестёр. Последняя, как и Эдвина, родилась полукровкой, её мать не была драконицей.

— Мама умерла несколько лет назад. Отец недавно женился снова, и Великий Дракон сразу подарил им ребёнка. Иви ещё совсем малышка, но я уже о ней беспокоюсь.

— Почему? — с неподдельным интересом спросила я. Общаться с Александром действительно было приятно и интересно. — Опасаетесь, что в ней не раскроется магия? Не обязательно. Моя племянница тоже полукровка, но полукровка весьма одарённая.

— Как бы странно это ни звучало, но мне всё равно, проявится ли в моей сестре дар, — ответил с теплотой маг. И тут же в его голосе появились нотки тревоги: — Меня беспокоит отношение общества. В учреждениях вроде Тьюрильской гимназии таких, как Иви и ваша племянница, мягко говоря, не жалуют. Не только ученики, но и, увы, преподаватели. Когда я учился, был в моём классе один полукровка. Правда, надолго он с нами не задержался...

— Так и не смог раскрыть в себе силу?

— Да нет, не в этом дело. Просто не выдержал. Дети могут быть очень жестоки... — Александр вздохнул. — Надеюсь, мисти Эдвине повезёт больше.

Некоторое время мы молчали. Морриан сосредоточился на дороге, а я на своей «племяннице» и её потенциальных конфликтах с однокашниками. Стоит ли обсудить это с Эндером? Повесить ему на шею ещё одну проблему, которой, возможно, и не будет? Нет, я лишь зря заставлю его беспокоиться. Как вариант, могу и сама смотаться в этот их рассадник снобизма и выяснить, есть ли повод для волнений.

Вполне возможно, что нет. Племянница Шанетт отнеслась к Эдвине более чем дружелюбно. Да и дочь Данны не станет обижать родственницу. К тому же, если вспомнить характер нашего «ангелочка», обидеть Эдвину будет непросто.

И тем не менее я сделала пометку в памяти — заехать на неделе в Тьюрильскую гимназию.

По широким ступеням, что вели в госпиталь святой Найвы, поднималась с тревогой в сердце, если не сказать со страхом. Переступив порог местной больницы, невольно поморщилась — в нос тут же ударил резкий запах хлорки, смешанный с другими, не менее неприятными запахами. Пустой коридор встречал тишиной, выкрашенными в серый цвет стенами, рядом безликих дверей, редкими скамейками и ещё более редкими растениями.

Пока я оглядывалась, не зная, куда податься, Александр бросился к выскочившей из дальней двери медсестры.

— Мисти, извините!

Девушка остановилась. Обернулась и, скользнув по дракону взглядом, застенчиво заулыбалась.

— Её светлость, леди Дедагарди-Фармор, приехала к одному из ваших пациентов, Бальдеру Хансену.

Улыбка сестры милосердия стала ещё шире:

— А он как раз пришёл в себя! Пойдёмте, я проведу вас.

## Глава 6. Секреты мейста Келлера

Наверное, мало кто любит бывать в лечебных учреждениях, и я не исключение. С местами, где людям по идее должно становиться лучше, у меня связано немало горьких воспоминаний. Первые — из далёкого детства, когда мама боролась с раком. Рак оказался сильнее, и семилетняя девочка Женя осталась без мамы. Отца я не помнила вовсе, он уехал из страны сразу после моего рождения и никогда не интересовался своим сероглазым наследием. Меня воспитывала бабушка, а потом и её не стало...

Воспоминания, связанные с попытками забеременеть, тоже были не самые приятные. Бесконечные анализы, посещение врачей, протоколы ЭКО и подсадки, которые ничем, кроме разочарования, не заканчивались. Впрочем, незадолго до того, как стала Раннвей, я была настолько вымотана нашим с Игорем браком, что не хотела его даже видеть, не то что от него беременеть.

Казалось бы, госпиталь святой Найвы ничем не походил на клиники из моих воспоминаний, но горькие мысли о прошлом обрушились лавиной. Внезапной, яркой, оглушительной. Пока шли, медсестра что-то говорила, но я её не слышала. Лишь когда приблизились к выкрашенной в белый цвет двери — близняшке всех остальных дверей, ей удалось до меня пробиться:

— Леди Деллагарди, только, пожалуйста, недолго. Мейст Хансен, конечно, борец, но ему нужен отдых.

— Я туда и обратно, — заверила провожатую и кивнула Александру, безмолвно прося, чтобы остался в коридоре.

Осторожно надавив на тусклую медную ручку, вошла в палату, борясь с желанием тут же зажмуриться. Так не хотелось видеть Бальдера бледным, ослабшим, измученным. Но, к своему немалому удивлению, увидела я другое: дворецкий сидел, откинувшись на пышно взбитые подушки, и с аппетитом опустошал расставленные на большом подносе тарелки. Бледным он не выглядел — наоборот, румянец на щеках был слишком ярким. Жевал он весьма активно и при этом с явным удовольствием скользил по газете взглядом. Если забыть, где он находился, можно было подумать, что Бальдер взял отпуск.

Услышав, как скрипнула дверь, он с явной неохотой отложил «Хроники Кармара» и посмотрел на незваную гостью. Меня, то бишь. Посмотрел, нахмурил брови, вернул на поднос чашку.

— Бальдер, я... Очень рада видеть вас таким!

— Каким? — с усмешкой переспросил дворецкий и сунул газету в щель между стеной и кроватью. — При смерти? На последнем издыхании?

Ёрничает — значит, точно идёт на поправку.

Я пересекла палату, запоздало осознав, что про цветы-то совсем забыла, так к нему торопилась. Может, здесь и не принято приносить большим букеты, но могла бы и заглянуть в цветочную лавку.

— Обедаете вы тоже на последнем издыхании? — Улыбнувшись, опустила в кресло возле кровати, единственное в этой палате.

Кровать здесь, к слову, тоже была одна, как и маленькая тумбочка рядом, и чахнувшее растение на подоконнике. Занавеси были отдёрнуты, поэтому в окна просачивался тусклый свет медленно угасающего дня.

— По мере возможностей возвращаю себе силы, чтобы меня скорее отсюда выпустили. Представляю, что там дома без меня творится. Совсем небось распустились... — ворчливо пробормотал он и взялся за поднос, чтобы поставить его на тумбочку.

Я тут же привстала, забрала весьма тяжёлую ношу и под недоверчиво сощуренным взглядом больного (хотя пусть лучше будет — выздоравливающего) водрузила его тумбочку.

— Вы первая, кто меня навещает, — тихо произнёс Бальдер. Тихо и недоверчиво, словно не был уверен, это на самом деле я или лишь плод его воображения.

— Эндер вчера к вам заезжал, но вы спали.

Дворецкий кивнул, и в палате повисло молчание. Неловкое. Напрягающее. Не знаю, сколько оно длилось. Бальдер явно не спешил идти на контакт, а я не знала, что сказать. Как отблагодарить за спасение, за его жертву.

Наконец, устав от этой тишины, кашлянула и чуть слышно произнесла:

— Я задолжала вам слова благодарности. То, что вы сделали ради меня... Никогда не забуду. Бальдер, спасибо! Теперь я ваша должница.

Вскинув на меня взгляд, в котором читалось удивление и что-то ещё, что я не успела понять, он вкрадчиво поинтересовался:

— У меня к вам два вопроса, леди: с чего вы решили, что я это сделал ради вас, и как собираетесь расплачиваться?

И снова пауза. Хорошо, что я успела вернуться в кресло, иначе бы от удивления плюхнулась, где стояла.

Как я всё это представляла: Бальдер с довольным видом принимает благодарности, а я, сказав всё, что собиралась сказать, желаю ему скорейшего выздоровления и отчаливаю. И тут здрасьте! Расплачиваться!

— Извините, я вас не понимаю, — призналась честно.

А в ответ получила циничную такую усмешку:

— В отношении вас, леди Делагарди, могу сказать то же самое.

Ну вот и как к такому испытывать признательность?

— Вы весьма нелогичная женщина. Я бы добавил, что и недалёкая, но очень уж не хочется вас обижать.

Не хочется ему? Три ха-ха! Ещё несколько минут назад я искренне переживала за этого престарелого злюку, а сейчас сама, беря пример с искажённого, чем-нибудь бы его проткнула!

— И вместе с тем вы только и делаете, что меня обижаете. Говорите, что вам нужно! Последнее, чего *мне* хочется, — это быть в должниках у такого, как вы!

— Прямолинейного и искреннего?

— Невыносимого!

Последнее слово я едва не прорычала и уставилась на дворецкого требовательным взглядом.

— Хорошо, — он расслабленно улыбнулся. — Я озвучу свою цену, а точнее, своё желание. Если выполните его, мы будем в расчёте. Вот только мне мало верится, что справитесь.

— Вы меня плохо знаете! — Вздёрнув подбородок, с вызовом посмотрела на вымогателя.

А тот, немного помучив меня молчанием, неторопливо начал:

— Почему я считаю вас нелогичной? Вы то сбегаете от эйрэ, то добровольно к нему возвращаетесь.

Доброй волей, если уж на то пошло, в моём «возвращении» даже не пахло.

— До вашего бесславного побега...

— Вообще-то я не сбегала, а...

— Помню-помню, раскрывали в себе дар. — Бальдер тихонько хмыкнул. — Отличная версия для общества, но не для меня, леди. Не для того, кто все эти годы находился рядом с Эндером. Вы очень усложнили ему жизнь: сначала навязавшись ему в жёны, а после, когда он попытался сделать этот брак настоящим, вы, наоборот, делали всё возможное, чтобы сохранять дистанцию. Да и сейчас... Будто я не вижу, что вы только на людях играете во влюблённых, а в остальное время ведёте себя как чужие друг другу люди.

Потому что так и есть. Мы — чужие. Я знакома с этим драконом каких-то две недели.

— И вместе с тем чуть ли не мёдом растекаетесь перед своим любовником!

Если до этого Бальдер говорил спокойно, с ленивой иронией, то последние слова едва ли в меня не выплюнул.

— Это вы так злитесь из-за Вольмара? — осенило меня, и вместе с этим «осенением» по коже побежали мурашки.

Чтоб их... Вспомнила про этого кудрявого.

— Вот мы и подошли к моему желанию. — Машинально на шарив газету, Бальдер ударил ей по ладони. С таким видом, словно в этот момент представлял, как бьёт ею одну пустоголовую, в его представлении, леди. — Держитесь от этого человека подальше, Раннвей. Пусть не ради мужа, так ради себя. У его семьи дурная репутация, и сам он производит впечатление дурного человека. Держитесь *ото всех* мужчин подальше! Эндер — дракон, а не рогатое животное, каким вы его выставляете!

Нехилые такие обвинения. В измене. Интересно, Делагарди знал о шашнях Раннвей с Вольмаром? И если знал, то почему ничего не предпринял? А может, как раз и предпринял? Если Раннвей действительно ему навязали, если она действительно ему изменяла, то он вполне мог поспособствовать исчезновению проблемной жёнушки. А увидев меня на сцене бримнского театра, бросился заканчивать начатое. И только поняв, что я — не Раннвей, вместо расправы решил воспользоваться доверчивой иномирянкой.

А что? Очень даже логично. И тогда понятно, почему Раннвей его так боялась. Может, она и умерла из-за Делагарди...

— Раннвей, вы меня слышите?



Встрепенувшись, рассеянно посмотрела на Бальдера.

— С чего вы решили, что у меня в прошлом был с Родингером роман?

— Я не решил — я это знаю, — уверенно заявил дворецкий. — И, как уже сказал, не верю, что вы изменились. Не верю, что сможете противостоять обаянию этого мужчины. В вас нет стержня, Раннвей. И поверьте, это не попытка вас оскорбить, — он снова усмехнулся, с горечью и разочарованием. — Это констатация очевидного.

Не-попытка оскорбить увенчалась успехом. Я возмущённо вскочила. Как же достало, что все камни в огород Раннвей попадают точнехонько в Женю Исаеву!

— Первое: стержень у меня есть, и ни одному мужчине, тем более Родингеру, не удастся его сломить! Второе: прошлая Раннвей умерла. Перед вами совершенно другая женщина!

То, что умерла, — я была почти уверена. Вопрос только в том, с чьей всё-таки подачи. Обманутого мужа или, может, этого Вольмара. Или... да харг его знает!

— Хорошо, если так, — дворецкий прикрыл глаза. Каким бы бодрым он ни казался, наше общение, кажется, его утомило. — Я буду только рад... Не возвращайтесь к старому, Раннвей, и мы с вами будем в расчёте. Не делайте ему больно.

Из этого разговора стало ясно окончательно: Раннвей была той ещё дрянью, а Бальдер слепо предан Делагарди. И закрыл он меня собой не из благородного порыва, а потому что понимал: зачем-то я нужна его господину, а значит, надо спасать.

— Как он? — с искренним участием поинтересовался Александр, когда я вышла.

— Живой, — процедила сквозь зубы и ускорила шаг, торопясь скорее вырваться на свежий воздух из стен, протравленных чужой болью.

Скорее домой! Пусть этот дом мне и чужой.

Проходя мимо лестницы, невольно замедлила шаг. Словно что-то почувствовав, повернула голову и увидела... сидящую на коленях Эдвину. Пусть на ней было незнакомое, явно с чужого плеча блёклое платья, но огненная шевелюра явно принадлежала моей «племяннице». Девочка с неохотой елозила по ступеням тряпкой. Ведро стояло рядом и, судя по тому, что выжимать тряпку Эдвина даже

не пыталась, воды в нём почти не осталось. Вся она благополучно растеклась мыльными разводами по лестнице, сползла со ступеней хлопьями пены.

Что ж, удачи сёстрам милосердия с такой «старательной» девочкой.

\* \* \*

*Эндер Деллагарди*

— Ты видел духа? — Таубе покосился на меня с таким видом, словно сомневался, а в здравом ли уме находится его напарник.

— Не знаю, был ли это дух, тень или что-то другое, но я столкнулся с этим существом уже дважды: первый раз на борту дирижабля и потом в вечер нападения у себя дома.

— И оба раза эта сущность — будем так её называть — следовала за искажёнными?

Я кивнул, подтверждая то, что «видел». А Рейер, всё ещё недоверчиво на меня покосившись, настороженно хмыкнул.

— Почему сразу не рассказал? Почему так долго молчал?

Потому что понятия не имел, как всё это преподнести. Раскрывать перед сотрудником управления, пусть и не абы перед кем, а Рейером, что тени на самом деле видит Женя, я не собирался. Пришлось «наградить» себя этим даром.

— На «Стальном» всё произошло очень быстро, — ответил я, поднимаясь по ступеням Королевского банка Кармара. — Я до последнего сомневался, не привиделось ли мне, не была ли тень плодом моего воображения. Но когда это повторилось...

— Получается, в тебе вдруг ни с того ни с сего раскрылся ещё один дар? — напарник первым вошёл в банк. — Что это вообще такое? Как его классифицировать? И почему он вдруг из тебя «выпрыгнул»?

Именно этого я и боялся. Таубе не просто так считается одним из лучших следователей управления. Теперь будет разнохивать и копать и вряд ли остановится. Но и молчать я тоже не имел права. Нужно понять, что из себя представляют эти бесплотные кукловоды искажённых, чтобы знать, как с ними бороться.

— Пока не знаю. И прошу тебя не распространяться. Если скажу Экебладу... — Я в упор посмотрел на напарника. — У меня в

последнее время и так много проблем.

— Я понимаю, — без тени улыбки кивнул Таубе. — Что я буду за друг, если выдам тебя этому тирану, толком ни в чём не разобравшись. А разобраться помогу. Обязательно.

В этом я даже не сомневался.

Наш разговор прервали. Несмотря на ранний час, посетителей в банке было немало. Зал первого этажа наполняли тихие голоса. Клерки с вышколенными улыбками обслуживали состоятельных клиентов, охранники успешно изображали статуи в синих мундирах. Едва уловимый запах витал в воздухе, а вскоре к нему добавился ещё один: приторный и уже знакомый. Нас вышел встречать сам директор банка, облитый, как и в прошлый раз, мерзкими, на мой взгляд, духами.

— Какая приятная неожиданность, господа! — окатил он нас вдобавок к паршивому аромату ещё и фальшивой радостью. Такой же липкой, приторно сладкой. — Надеюсь, в этот раз вы к нам пожаловали как клиенты. Я сейчас же распоряжусь...

— У нас ордер на вскрытие ячейки Лувиса Келлера, мейст Браге, — прервал я словоизлияния толстяка. — Тот самый, на котором вы так настаивали.

Улыбка исчезла с его лица. Зато на лоснящихся щеках вспыхнули пятна румянца.

— Ах, вы всё-таки собрались...

— Вы, кажется, нервничаете, мейст. — Рейер шагнул к директору и посмотрел на него сверху вниз.

— Просто... — Браге бросил по сторонам быстрый взгляд. — Если наши клиенты узнают, что следователи с такой лёгкостью могут рыться в их личных вещах... Такой удар по репутации банка! Такой удар...

— С лёгкостью? — воскликнул Рейер без лишней осторожности, и Браге снова испуганно заозирался. — Мы неделю ждали ордера, уважаемый. Поэтому хватит тянуть дракона за хвост! Скорее ведите нас к харговой ячейке!

То, чего так опасался почтенный директор, случилось: внимание мы привлекли. Голоса смолки, почти одновременно. Взгляды всех, и посетителей банка, и его служащих, устремились в нашу сторону.

— Пойдёмте же скорее! — ещё больше занервничал надушенный толстяк. Даже попытался коснуться моего локтя, подтолкнуть, но

напоровшись на мой взгляд, благоразумно попятился. Развернувшись, направился к неприметному на первый взгляд коридору, угнездившемуся за лестницей, миновав который, мы взошли на левитационную платформу.

Платформа медленно поползла вниз.

— Какое ужасное начало недели. Что той, что этой, — пожаловался директор, прикладывая платок к вспотевшему от напряжения лбу. — Сначала газеты только и делали что полоскали в грязи доброе имя банка, снова и снова напоминая о постыдном перевоплощении этого идиота Келлера. Теперь ещё поползут слухи о нашей ненадёжности. А если прознают эти мелочные писаки...

— Не устраивайте драмы, Браге, — не выдержал я. — Мы не собираемся вскрывать каждую ячейку вашего хранилища. Нас интересует только то, что хранил здесь Келлер.

Видимо, смирившись, что никуда мы отсюда не денемся, как бы сильно ему ни хотелось, Браге вздохнул, безнадежно и горько. Когда платформа наконец с тихим скрежетом остановилась, повёл нас широким, тёмным коридором. По мере того как мы продвигались, светильники на стенах плавно разгорались, а стоило нам пройти мимо, начинали гаснуть.

— Наше хранилище — одно из самых надёжных не только в Кармаре, но и во всём мире! — неожиданно принялся нахваливаться подземные секции Браге. — И если когда-нибудь вы всё же решите обратиться к нам, мы будем рады и весьма польщены.

Ни я, ни Рейер ничего не ответили. Терпеливо выдержали бормотание директора, его стенания и его рекламу, и наконец добрались до того, что нас интересовало. Возле комнаты со стальной дверью скучал охранник. Мрачно кивнув, Браге прижал к замку ладонь, и тот, засветившись, тихо щёлкнул. Один раз, другой.

— Диран, ключ от триста шестой ячейки, — потребовал директор, и охранник, первым войдя в хранилище, вручил ему заветный ключ с витой головкой.

Прежде чем отдать его нам, дотошный бюрократ несколько раз пробежался по бумажке взглядом, словно подозревал, что мы сами этот ордер накатали. Убедившись, что нет, не сами, снова одарил нас тяжёлым вздохом и нехотя протянул мне ключ, буркнув:

— Тринадцатая колонна слева. Шестой ряд сверху.

Нужная ячейка отыскалась быстро. На то, чтобы открыть её, тоже много времени не понадобилось. Внутри не было ни слитков золота, ни ассигнаций, ни фамильных драгоценностей — то, для чего обычно арендуют подобные ячейки. Вместо этого нас ждал небольшой деревянный ящик, в каких обычно импортируют иностранные товары. На крышке и сбоку темнело по печати с эмблемой, которая была мне хорошо знакома: змееподобный дракон на ложе из золота. Герб семьи Родингеров и их торговая эмблема.

Рейер первым потянулся к крышке коробки. Снял её и с недоумением бросил:

— Это что вообще такое?

Я нахмурился, разглядывая странное содержимое ячейки.

— Какая-то клоунская маска. — Браге тоже не постеснялся сунуть свой любопытный нос в коробку. И даже охранник приблизился к столу, возле которого мы стояли.

— Не клоунская, — пробормотал я, осторожно извлекая из короба явно старинный предмет. Дерево, из которого он был сделан, во многих местах растрескалось, краска потускнела. — Деревянные маски принято надевать во время ритуалов в племенах Клодана и Гайры.

— Ты уже встречал нечто подобное? — спросил Рейер.

— Конкретно такую — нет, — покачал я головой.

— Почему у неё два лица? — поинтересовался директор банка. — И почему одно из них такое страшное?

— Хорошие вопросы задаёте, мейст Браге. Очень хорошие... — Я осторожно провёл по деревянной личине пальцами.

Она представляла собой два соединённых вместе лика. Одно, с мягкими чертами и большими прорезями для глаз, было выкрашено в жёлтую краску с коричневыми полосами на лбу и висках. Другое, ядовито-красное, искажала гримаса ярости, прорези для глаз были узкими, отчего те казались злобно прищуренными, а из-под нижней оттопыренной губы торчало два клыка. Оба лица венчала многоярусная корона, накрывавшая головы своеобразным пёстрым куполом.

— Тяжёлая, — сказал Таубе, забрав у меня маску. Взвесил её в руке и хотел было приложить к лицу, но я вовремя остановил.

— Нашёл, с чем играть. Пусть её сначала осмотрят артефакторы.

— И то правда, — восторженно воскликнул напарник. Вернул маску туда, где всё это время она лежала, накрыл короб крышкой.

— Забираете? — неожиданно брякнул Браге, с явным сожалением дырявя коробку взглядом.

— А вы хотели бы себе её оставить? — хмыкнул Рейер. — Зачем? Чтобы устраивать со своей мистис ролевые игры?

— Мейст Таубе! — возмущённо вспыхнул толстяк. — Что вы себе позволяете?!

— Пойдём. — Я направился к выходу. Рейер, подхватив наш улов, последовал за мной. Браге, негодуяюще пыхтя, тоже не заставил себя ждать.

Пока поднимались вверх, директор банка продолжал возмущённо сопеть и косил на моего напарника таким взглядом, словно собирался вызвать его на дуэль. Дуэли, к счастью, уже давно стали пережитком прошлого, а если мейсты хотели между собой разобраться, спустить пар, для этого существовали боксёрские клубы.

Представив Браге в полосатом трико, разминающегося перед схваткой с моим напарником, а скорее — перед молниеносным нокаутом, я невольно улыбнулся.

Правда, и секунды не прошло, как от улыбки не осталось и следа.

— Ячейкой Келлера интересовались не только вы, — сходя с левитационной платформы, заявил директор.

— Кто ещё?! — воскликнули мы с Рейером одновременно.

— Какая-то мисти. Приходила в прошлую среду, назвалась кухней Келлера и спрашивала, когда она сможет забрать его вещи.

Очень интересно! Особенно если учесть, что никаких кузин у Лувиса Келлера не имелось. Был троюродный брат в Умере, но вряд ли к нему уже успели добраться трагические известия.

— И что вы ей ответили? — мрачно поинтересовался Рейер.

— Я — ничего. Меня в то утро в банке не было. С ней говорил мой помощник. Пришлось этой мисти уходить ни с чем. Мы без надлежащих бумаг никому ничего не отдаём! — гордо задрал нос Браге.

— Почему сразу о ней не сказали? — Я не пытался сдержать раздражение, оно сквозило и в моём голосе, и в моём взгляде.

— Дак я решил, что вы обо всей его родне и так всё знаете, — растерялся Браге. — Думал, вы уже с ней говорили и всё между собой решили, раз эта мисти больше здесь не появлялась.

— Некоторым думать явно вредно, — пробормотал Рейер, не слишком тихо, отчего директор окончательно на нас обиделся.

Разговор с его помощником мало что дал. Единственное, что тот запомнил, — это то, что «кузина» искажённого была светлоглазой и темноволосой. Вот и всё описание. Таких «кузин» половина Гратцвига. Даже не смог толком описать, во что она была одета! А об отличительных чертах не стоило даже мечтать.

После обеда, сдав маску артефакторам, мы отправились в судебный архив в надежде, что в отчётах прошлых расследований будет хотя бы какое-нибудь упоминание о тенях. Но в тех нескольких кипах бумаг, которые успели просмотреть, не имелось даже намёка на сущности, сопровождавшие искажённых. То ли сущностей просто не было, то ли их действительно видела только Женья.

— Ни-че-го! — с досадой захлопывая очередную папку, подытожил мой напарник.

— Может, завтра повезёт больше, — более оптимистично отозвался я. Поднявшись, сдёргнул со спинки стула пиджак, мысленно радуясь, что этот бесконечно долгий день наконец-то заканчивается. — Хватит на сегодня. Я уже не соображаю.

— Я перестал соображать ещё два часа назад. — Таубе размял шею, после чего быстро подхватился, надел пальто и притушил свет.

Вручив дежурному ключ от кабинета, в котором проторчали до самого вечера, поехали домой. Точнее, домой отправился я, а Рейер на очередное свидание с дамой, как он сам их называл, «на вечер-другой». Измотанный, уставший, сейчас я мог думать только о брэнном: об ужине и отдыхе у себя в кабинете. Даже к Бальдеру не заехал. Оставалось надеяться, что к нему заезжала Женья и меня порадуют хорошими новостями.

Въехав в ворота, Вернер остановился. Вышел из паромобиля, собираясь распахнуть для меня дверцу, но не успел. Из дома, в окна которого мелькали отблески света, суля долгожданные покой и отдых, послышался женский крик. Настолько громкий, истошный, что его наверняка слышали и на другом конце Гратцвига.

Мгновение, и я бросился к крыльцу, не помня себя от страха. В голове пульсировало одно-единственное имя: «Женя!»



## **Иллюстрация: Вольмар и Раннвей**

Давно я не показывала иллюстраций к этой истории. Вот самая свежая:)

## Глава 7. Беспокойный вечер

*Женя Исаева*

После «задушевных» посиделок со злоюкой-дворецким на посещение гимназии сил уже не осталось. Да и вряд ли я кого-нибудь сегодня бы там застала. Дело близилось к вечеру, занятия давно закончились, не время сейчас для разведок.

Не желая искушать судьбу и рисковать собой понапрасну, сразу из госпиталя я вернулась к Делагарди. Заверив Александра, что сегодня он мне уже не понадобится, попрощалась с охранником. Правда, тот не уехал, пока не проводил меня до самого холла и, только оставив за замагиченными стенами дома, в заботливых руках служанок, пожелал мне приятного вечера и отправился восвояси.

— Может быть, чаю? — с улыбкой предложила Минна, забирая у меня перчатки и шляпку.

— Отличная идея, — ответила я с улыбкой.

Глюкоза с ароматным напитком — вот что меня сейчас нужно.

— В будуар или гостиную?

С каждым днём начинало темнеть всё раньше. Сегодня первый этаж встретил меня мягким мерцанием бра, зажжёнными свечами в изящных подсвечниках и массивных канделябрах. В гостиной уже успели разжечь камин, и теперь оттуда доносился мягкий треск дерева. Успокаивающие, умиротворяющие звуки. То, что мне сейчас было нужно.

— В гостиную, — решила я. Избавившись от жакета, отправилась освежиться в ванную.

В ту самую, в которой на меня совсем недавно напали. Казалось бы, какая ерунда — войти в комнату, помыть руки, поправить причёску. Но у меня, трусихи, на это ушло добрых пять минут, если не больше.

Сначала неуверенно топталась на пороге, потом, разозлившись на себя за теперь уже беспочвенные страхи (дом ведь надёжно запечатали охранной магией), всё-таки шагнула внутрь. Стёкла в рамках уже поменяли, и теперь ни что в этой роскошной уборной не напоминало о пережитом кошмаре.

Ничто, кроме моих воспоминаний...

Тряхнув головой, быстро помыла руки и, пока это делала, старалась избегать смотреться в зеркало. Потом всё же вскинула взгляд и увидела бледную, расстроенную себя. Точнее, Раннвей, но я уже давно считала своим это лицо, эти глаза.

Сейчас в зеркале отражалась я. В зеркале, в котором исчезла Вильма.

— Скучаю по тебе, — прошептала чуть слышно. Быстро вытерла руки и ещё быстрее выскочила наружу.

Когда вошла в гостиную, на столике возле диванчика уже стоял чайничек с чашкой. На фарфоровой красоте распускались розы с фиалками, а в золотом ободке по самому краю отражались отблески пламени. Рядом на подносе, впитывая в себя всё те же блики из камина, красовались серебряные вазочки с печеньем и конфетами.

Чудесно.

— И ещё. — Возле угощений Минна поставила ещё одну серебряную тарелочку, правда, не со вкусностями, а со внушительной стопкой конвертов. — Если вам будет угодно просмотреть свежую корреспонденцию... Обычно этим занимается эйрэ, но в последнее время...

Ему явно было не до этого.

— Я посмотрю.

Изобразив книксен, служанка ушла, а я потянулась за конфетой в форме сердечка в карамельно-ореховой крошке. После поклёпов Бальдера (уж я-то с этим Вольмаром точно не спала!) я её более чем заслужила. И не одну, а несколько.

Потянуться потянулась, но положить в рот не успела. Дом наполнился звоном колокола. Минна, ещё не покинувшая холл, тут же распахнула дверь и поприветствовала мисти Ливен.

— Мисти Эдвина должна вернуться с минуты на минуту.

— Я подожду, сколько будет нужно, — раздался в ответ мягкий голос гувернантки.

Так как двери в гостиную были нараспашку, ей достаточно было повернуть голову, чтобы увидеть меня с конфетой в руках. Улыбнувшись, я пригласила Илену составить мне компанию за чашкой чая.

Передав служанке верхнюю одежду, девушка опустилась на самый краешек кресла, аккуратно сложив руки на коленях. Она вся была собранной, аккуратной. Идеальной.

— Я слышала, что произошло на выходных, — сказала она, с сочувствием на меня глядя. — Очень рада, что вы не пострадали, но всё равно... Это такое потрясение. Это так ужасно!

Минна принесла ещё одну чашку, наполнила каждую ароматным горячим чаем, а уходя, прикрыла дверь в гостиную, чтобы нам не мешали.

— Да уж, — я мрачно усмехнулась. — Вечер выдался не для слабонервных.

Гувернантка хлопнула ресницами (видимо, так леди в её представлении выражаться не следовало) и продолжила вкрадчиво интересоваться: как я себя чувствую, не нужно ли мне чего-нибудь и всё в том же духе.

— Знали бы вы, какие только по столице не гуляют слухи! Одни утверждают, что искажённый вас серьёзно ранил, и теперь у вас на лице и теле навсегда останутся ужасные шрамы. Другие — что заразил неведомой болезнью. А есть и такие умники, которые заявили, что теперь вы тоже станете искажённой. Вот уж глупости!

Замолчав, Илена скользнула по моему лицу взглядом, долгим, внимательным, и до меня наконец-то дошло, откуда у этих сплетен растут ноги. Последствия Ведьминых капель! Сегодня пятна уже были едва заметные, и я благополучно про них забыла. Но Гратцвиг, по всей видимости, забывать не собирался. А записать в местные «зомби» жертву нападения — тут много ума не надо.

— Если вы о сыпи, так это у меня аллергия, — ответила с беззаботной улыбкой. — На финики. Совсем недавно выяснилось.

Гувернантка кивнула, немного неуверенно, немного с сомнением. Собиралась продолжить расспросы, уже даже открыла рот, но тут в холле хлопнула дверь. Илена сразу поставила чашку на стол, поднялась.

— Это, должно быть, моя ученица. Ваша светлость, была очень рада вас видеть.

— Взаимно, Илена. Взаимно...

Проводив гувернантку взглядом, я отправила в рот очередную сладость и покосилась на горку корреспонденции. Что ж, удачи мне.

Нежному голоску Илены в холле вторил голос Эдвины: раздражённый, капризный. «Племянница» явно была не в духе и, мягко говоря, не обрадовалась, что этот непростой для неё день продолжается. Гувернантку она поприветствовала так, словно вместо этого хотела обругать. Ещё через минуту послышался топот шагов — это Эдвина поднялась наверх, а следом — голос Вернера, непонятно кому сообщавшего:

— Я за эйрэ.

Когда возня в холле стихла, я мысленным пинком заставила себя приступить к обязанностям герцогини. Потянулась за первым конвертом и... пропала на целый час. Оказывается, просматривать корреспонденцию — занятие ужасно медленное! Муторное, совершенно неинтересное.

В большинстве конвертов обнаружилось пригласительные на званые вечера и чаепития. Также было немало писем с пожеланиями моей светлости скорее оправиться после двух нападений. В одном конверте с ажурным тиснением лежали билеты в оперу на эту пятницу, а в следующем... несколько лепестков розы: сухих, тёмно-бордовых. Почти чёрных. Они выпали из конверта, когда я достала листок бумаги, плотной, шершавой, пропитанной знакомым, очень знакомым ароматом. Аромат Вольмара. Именно он так взбудоражил меня на празднике. Точнее, они оба.

*С нетерпением жду следующей встречи.*

Подписи не было, как и не было указано, кому адресовали послание. Но и так ясно, что это привет леди Делагарди от Родингера.

Вот уж прицепился на мою голову...

Скомкав, раздражённо швырнула записку в огонь, стряхнула с юбки, как грязь, дурацкие лепестки. Потянулась было за очередным утешительным угощением (вечно этот тип портит мне настроение), но мне снова помешали.

Громкий крик разлетелся по дому, заставил испуганно замереть, а спустя мгновение я, сорвавшись с места, полетела наверх.

Искажённый? Убийство?!

После недавних событий мой разум ничто другое просто не посещало. Набегу схватила подсвечник. Такое себе оружие в борьбе с безумным, но всё же лучше, чем никакого.

Крик повторился, тут же сорвавшись на истошный визг. Жуткие, пугающие звуки. В классную комнату (а именно оттуда они долетали) я влетела почти одновременно с Полин. Она прибежала с одного конца коридора, я примчалась с другого, чтобы... Чтобы испытать чувство дежавю.

Источником визгов и криков была Илена. Снова. И снова девушка исполняла на столе невообразимые танцы, пока Эдвина... Нет, не сидела за партой, довольно усмехаясь, а лежала на полу, безвольно раскинув руки.

Искажёнными здесь, к счастью, даже не пахло.

— Что случилось?! — Уронив подсвечник, я подлетела к Эдвине, коснулась её щеки и тут же отдёрнула руку — кожа девочки была раскалённой. — Илена?!

Гувернантка жалобно заскулила:

— Они везде... Везде! Кусают меня... Куса-а-аю-ю-ют!

Обернувшись, я увидела, как она дрожащими пальцами начинает расстёгивать блузку, судорожно её срывает.

— Полин, сними её со стола!

— Но как же я... — Служанка стояла, прижавшись к стене и с изумлением смотрела, как гувернантка, скуля и рыдая, избавляется от одежды.

— Кыш! Убирайтесь! Слезьте с меня!!!

— Илена, на тебе никого нет! — не сумев сдержать раздражения, гаркнула я и легонько хлестанула Эдвину по щекам.

По-хорошему, надо было ударить от души, за то, что опять издевается над преподавательницей, но раскалённой кожи девочки было страшно касаться.

— Я... я не хотела, — чуть приоткрыв глаза, пробормотала она. Губы её побелели, растрескались, словно последние несколько часов она находилась под знойным солнцем. — Не... не нарочно...

И минуты не прошло, как прибежало ещё несколько служанок и, беря пример с Полин, замерло с широко раскрытыми глазами. На бессознательную мисти Фармор никто даже не обратил внимания, взгляды всей компании были устремлены на уже почти голую гувернантку.

Господи, она уже и панталоны развязывает!

— Не стойте столбами! — прикрикнула я на горничных. Троим велела скорее бежать за холодной водой и полотенцами, двум другим — попытаться как-то привести в чувство доморощенную стриптизёршу.

— Но как мы её оттуда снимем?

Именно на этом моменте, на моих окриках, лепетании служанок и чужих недоснятых панталонах, в классную комнату влетел Эндер.

— Что здесь... — Делаярди осёкся, во все глаза уставившись на полунагую учительницу.

Надо полагать, он, как и я, мчался сражаться с заражённым магией ненормальным, а вместо этого застал мисти Ливен в ненормальном состоянии.

И тут Полин наконец-то пришла в себя. Шустро запрыгнула на стол и загородила собой зарёванную девушку.

— Ваша светлость...

— У неё жар! — прервала я смущённое бормотание служанки, тем самым перетягивая внимание на себя и «племянницу».

Выругавшись сквозь зубы, Делаярди подскочил к девочке и, видимо, зная, что надо делать, сдёрнул с её шеи нежное девичье украшение. Кулон-звезда, сверкнув в его руке, тут же потускнел, а Эдвина прерывисто вздохнула. Медленно открыла глаза, вопросительно моргнула:

— Что... что происходит?

Спрятав украшение в карман, дракон отошёл к проблеме номер два. Илена больше не кричала, но продолжала скулить и плакать, в страхе озираясь.

— Отойди, Полин.

Поколебавшись, служанка исполнила приказ, отодвинулась на край стола, а дракон, подхватив гувернантку на руки, поставил её на пол. Накинул ей на плечи свой пиджак, проговорил вкрадчиво:

— Всё хорошо, мисти Ливен. Вы в безопасности.

Он ещё что-то говорил, чуть слышно шептал ей на ухо, осторожно поглаживая по спине, успокаивая, и с каждым словом взгляд девушки прояснялся. К ней возвращалось осознание, где она находится, но едва ли Илена понимала, что происходит.

Скользнув взглядом по себе нагой в мужском пиджаке, она напряжённо выдохнула:

— Вы...

Покраснела, вспыхнула и отскочила от Делагарди с такой прытью, как если бы её обнимала и шептала ей на ухо любовные признания большая жирная крыса. Одна из тех, что создала в её сознании Эдвина.

— Это возмутительно! — выкрикнула она истерично.

Сразу стало ясно: придётся Делагарди искать новую гувернантку.

— Позвольте мне всё объяснить, — мягко проговорил дракон. — Мы всё уладим.

Не знаю, уместно ли подобное сравнение, но его голос сейчас очень походил на воздушную сладкую вату. Не дракон, а прямо внимательный психиатр.

— Что уладим?! — вместо того чтобы успокоиться, Илена продолжала заводиться. — Такой позор! Такое унижение!

Она судорожно вцепилась в отвороты пиджака, стыдливо отвела взгляд, и Делагарди, больше не медля, распорядился:

— Полин, помоги мисти Ливен одеться и проводи в мой кабинет. Ранней, пожалуйста, отведи Эдвину в её комнату и побудь с ней.

Минне он велел отправляться с нами, чтобы помочь девочке подготовиться ко сну, Санну попросил подать в кабинет чай и к нему успокаивающих травок.

Скоро с нашей подачи бедная мисти Ливен на них подсядет.

Я помогла Эдвине подняться, вывела в коридор. В свою комнату она шла, не поднимая взгляда, и, пока переодевалась, не подавала ни звука.

Чтобы не сидеть сложа руки, я тем временем расстелила постель. Убрала триллион декоративных валиков с подушками, на которых сиротливо сидела всего одна кукла. Кажется, игрушки Эдвину действительно больше не интересовали.

И словно в опровержение моих слов, девочка выхватила у меня из рук куклу и забралась с ней в кровать. Положила рядом, заботливо накрыла одеялом. С нежностью, которая ей явно была не свойственна, коснулась золотистых кудряшек, поглаживая, а обернувшись ко мне, буркнула:

— Можешь идти. Я не нуждаюсь в няньках.

Не желая становиться свидетельницей очередной сцены в исполнении юной наследницы, Минна поспешила ретироваться. А я осталась. Опустилась на край кровати, поинтересовалась:



— Как ты?

— Замечательно, — и столько в голосе сарказма.

Немного поколебавшись, я всё же решила разобраться в ситуации. Не сказку же ей читать на ночь.

— Зачем ты это сделала?

— Сделала что?! — бросила Эдвина с вызовом.

— Снова воздействовала на мисти Ливен.

Она опустила голову и, дёрнув за вышивку на одеяле — синие выюнки с зелёными ростками, чуть слышно произнесла:

— Если скажу, что не специально, ты ведь всё равно не поверишь. Никто не поверит. Вы все считаете меня...

— А ты попробуй, — мягко перебила я девочку. — Расскажи.

Несколько секунд она молчала, словно сомневалась, стоит ли откровенничать с ненавистной тётёй или лучше грубо посоветовать ей убираться.

Было видно, Эдвине хотелось последнего, но вместо этого она со вздохом сказала:

— Дядя предупреждал. Говорил, что если попробую обратиться к дару, мне станет плохо. А я и не пробовала... Я просто так сильно на неё разозлилась! Я весь день злилась, на всех вас, а когда мисти Ливен принялась меня отчитывать за одно-единственное неделанное упражнение... Всё остальное я сделала! Всё! Полдня вчера на эти её задания потратила. А последнее просто не поняла. Хотела попросить её объяснить, а она заявила, что я самая ленивая её ученица. Ленивая и глупая. Меня такая злость взяла... Так захотелось, чтобы её кто-нибудь покусал за эти слова!

— И вот результат, — пробормотала я, размышляя над неприятным инцидентом.

Обманывает? Вряд ли. Эдвине неплохо удавалась роль девочки-ангела, но сейчас она даже не пыталась таковой казаться. И истинные чувства к гувернантке не скрывала.

— Руководство академии в курсе, что один дар в тебе уже проявился?

Эдвина покачала головой:

— Вроде дядя им ничего не рассказывал. Наверное, решил, что пока что и кулона хватит.

— Вас же будут учить контролировать силу?

Меня никто не учил, приходилось самой управляться с тенями. Первое время они так меня донимали, что, честное слово, иногда хотелось застрелиться. Но ничего, я выдержала. Научилась когда нужно на них прикрикнуть, отправить обратно, держать дистанцию. Конечно, тут не только моя заслуга. Помогли и книги, что приносил мне Кастен. Одну, по самоконтролю, я три раза перечитала. И после этого мои «отношения» с духами начали налаживаться. Я слышала их, а они начали меня слушаться.

— Нам сегодня выдали расписание на ближайший месяц. Нет там никаких уроков по самоконтролю, — призналась девочка. И тут же пренебрежительно фыркнула: — Да и зачем? Никто из моих одноклассников, всех этих чистокровных(!), ещё даже не догадывается, каково это ощущать в себе магию.

— Хорошо, — я задумчиво кивнула. — Им не надо — в них ещё не раскрылась магия. Ну а тебе-то могут назначить дополнительные занятия по контролю дара?

Эдвина выразительно хмыкнула:

— Считаешь, мне мало дополнительных занятий? — и тихо вздохнула: — После сегодняшнего дядя наверняка ещё добавит...

— Твой дар может быть опасен для окружающих, Эдвина. Такие занятия тебе точно необходимы, — сказала я, понизив градус тепла в голосе и добавив холода.

— Скорее, мне необходим опытный наставник. — «Племянница» же добавила в голос сарказма: — В моём случае — наставница. Но чему ты меня научишь, если сама без дара? Хотя ты и утверждаешь, что это не так, сама до сих пор ни-че-го не показала.

Она бы удивилась, узнав, сколько я перелопатила в своё время литературы на тему сдерживания магии. У нас, конечно, ситуации разные. Духи безвредны для окружающих, только мне мозги полоскали да нервы портили, а вот у Эдвины уже прекрасно получается полоскать мозги окружающим. И портить нервы.

— Завтра я или мы с Эндером съездим в гимназию, обсудим этот вопрос с директором и решим, как быть дальше.

Девочка удивлённо захлопала глазами:

— А наказание?

— Добавим тебе занятий по контролю дара — вот твоё наказание.

Удивление в глазах «племянницы» сменилось недоверием:

— Ты правда... это сделаешь?

— Что именно?

— Поедешь в гимназию, будешь... что-то решать? Для меня?

В такие моменты хотелось хлестануть по щекам Раннвей. Вот уж создала мне репутацию эгоистичной лентяйки, которую не заботит ничто, кроме себя любимой. Ну и, кажется... Вольмара. Увы, Раннвей здесь не было, а отвешивать оплеухи её лицу, себе то есть, — занятие вредное и бесполезное.

— Именно это я и собираюсь сделать.

Я поднялась. Эдвина, подтянув повыше одеяло, продолжала недоверчиво на меня поглядывать.

— И, пожалуйста, больше не пугай мисти Ливен. Нас всех. Если чувствуешь, что начинаешь злиться, встань и выйди. Приди ко мне.

Сомнительно, конечно, что после сегодняшнего гувернантка не уволится, вполне возможно, уже мчится от нас без оглядки, сверкая каблуками.

— Хорошо, — неожиданно серьёзно ответила Эдвина, не ёрничая и не фыркая.

Удовлетворенно кивнув, я направилась к выходу, но на полпути остановилась, услышав её слова:

— Просто... она такая неприятная. Так старается казаться милой при взрослых, а на самом деле... Лучше бы она сюда больше не приходила!

Обернувшись, я мягко произнесла:

— В жизни так не бывает: чтобы тебя окружали только приятные тебе люди. Всегда найдётся кто-нибудь, кто будет тебя раздражать или кого бы тебе хотелось избегать.

— Как я для тебя, а ты для меня?

Я покачала головой:

— Не знаю, что ты ко мне испытываешь, но я тебя, как видишь, не избегаю.

— Тебе ведь дядя сказал посидеть со мной...

— Спокойной ночи, Эдвина, — пожелала я рыжеволосой колючке и, притушив свет, закрыла за собой дверь.

\* \* \*

В коридоре я столкнулась с Делгарди. Он явно шёл к Эдвине разбираться — стальной взгляд дракона не сулил девочке ничего хорошего.

Прегравив ему дорогу, я попыталась сместить вектор его интереса:

— Эдвина уже спит. Удалось успокоить мисти Ливен?

— Я хотел с ней поговорить.

— Разве ты не этим занимался последние полчаса?

— Я имею в виду Эдвину, — «муж» мрачно сощурился. — Судя по всему придётся обвешать её артефактами, чтобы даже не смела...

— Не надо никаких артефактов, — перебила я. И пока у дракона округлялись глаза, очаровательно улыбнувшись, продолжила: — Составишь мне за ужином компанию? Я так проголодалась.

Делгарди, явно опешив от моего поведения, не сразу нашёлся, что ответить, послушно, как козлик на привязи, развернулся и последовал за мной к лестнице.

— Так что там с мисти Ливен?

— Она продолжит заниматься с Эдвиной. За двойную плату.

Я мысленно хмыкнула. А Илена не растерялась.

— Может, стоит поискать другую учительницу, раз они никак не найдут общий язык?

— Эдвина не сладила с десятком отличных гувернанток, вряд ли сладит с новой. К тому же, — Делгарди устало потёр глаза, — я просто не представляю, где её искать. Учительниц с хорошими рекомендациями и образованием, достойным наследницы Фарморов, не так уж много и все они нарасхват.

— Значит, мисти Ливен, — пробормотала я и снова посмотрела на палача. Впрочем, сейчас он таковым не выглядел — просто уставшим мужчиной. Под глазами серые тени, во внешних уголках глаз едва заметные морщинки. — Как прошёл твой день?

— Менее плодотворно, чем хотелось бы.

Мы вошли в столовую, и вокруг нас тут же засуетились служанки. Пришлось прервать разговор, пока они не ушли, отпущенные хозяином.

— Вообще никаких подвижек в расследовании?

Встряхнув салфетку, Эндер разложил её на коленях. Помолчал несколько мгновений, словно раздумывая, а стоит ли вообще

продолжать эту тему, а потом неожиданно произнёс:

— Единственное, что удалось обнаружить в банковской ячейке Келлера, — это странного вида маску. Отдали её на проверку. Может, конечно, и очередной тупик, но его ячейкой на днях интересовалась некая девица, назвавшаяся кузиной, хотя никаких кузин у Келлера не было.

— Что за маска?

Делагарди коротко описал находку, и я предположила:

— Может, Келлер коллекционировал древние реликвии? Ну мало ли, кто-то собирает старинные книги, кто-то обвешивает стены дорогими картинами. Вдруг эта маска стоит целое состояние?

— И как бы он позволил её на свою зарплату? — вопросом на вопрос ответил Делагарди.

Я неопределённо пожала плечами. Копил деньги? Украл?

— Вы же были у него дома. Видели там нечто подобное?

Дракон, уже собиравшийся отправить в рот сочный кусок стейка, вернул вилку обратно на тарелку, вскинул на меня взгляд.

— Ты кажется, забыла, что мы не напарники. Ты. Моя. Жена.

И зачем было акцентировать последние слова? Так и хотелось добавить: фальшивая и временная, но сдержалась. Хмыкнув, сосредоточилась на своём мясе, представляя, что вместо него нарезаю на кусочки Делагарди.

— Уже и спросить нельзя...

— Вернёмся к Эдвине, — резко сменил тему разговора «мой муж». — Я правильно понял, ты против подавляющих силу артефактов?

— Если ты не заметил, артефакты не помогают, — не удержалась я от шпильки. — Надо не подавлять её силу, а учить контролировать. Я завтра собираюсь в гимназию пообщаться с тамошним начальством. Если хочешь, можешь присоединиться.

Удивительно, но в этот раз он согласился сразу. То ли признал, что я права, то ли просто был настолько уставшим, что не желал спорить и препираться.

Остаток ужина прошёл в спокойной и, как ни странно, приятной обстановке. Мы мирно поели, обсудили моего нового охранника, Александра, и состояние Бальдера, после чего так же мирно разошлись по своим спальням.

— Сегодня, пожалуй, я дверь закрою, — сказала, прощаясь, имея в виду створку между нашими комнатами.

— Меня ты боишься больше искажённых? — с усмешкой поинтересовался Эндер.

— Твой мейст Реби-забыла-как-звать заверил, что сюда больше ни один искажённый не проскочит. Так что спокойной ночи.

Собиралась закрыть дверь, но дракон её придержал и, прежде чем я успела спросить, как это вообще понимать, сказал:

— Спасибо тебе.

— За что?

— За Эдвину. За то, что на всё это согласилась. Я так тебя до сих пор и не поблагодарил.

В зелёных глазах отражались отблески света, делая взгляд дракона мягче, теплее. А улыбка на губах, пусть и едва заметная, делала его ещё красивее.

Хотя куда уж красивее? И так уже у меня из-за него все мысли шиворот-навыворот.

— Отблагодаришь финансово, когда всё закончится, — выпалила и дёрнула на себя створку.

На этот раз та поддалась, закрылась с глухим стуком. А я мысленно *себя* стукнула. Отблагодаришь финансово? Замечательно, Женя. Bravo! Ответ, достойный меркантильной девицы, которую не волнует ничто, кроме собственной выгоды. Оно, конечно, так и должно быть, но...

Но зелёные глаза, чтоб их.

Мысленно на себя ругаясь, приблизилась к туалетному столику, чтобы снять украшения, распустить волосы. Приблизилась и застыла. Зеркало, словно водную гладь, покрывала мелкая, серебристая рябь.

## Глава 8. Кто же таится в зеркалах?

Рябь!

От нахлынувшей радости чуть сердце из груди не выпрыгнуло. Вильма любила выскакивать из зеркала, хотя могла просочиться сквозь любую поверхность, но, видимо, к зеркалам моя призрачная подруга питала особую слабость. Не зря же так любила перед ними красоваться.

Ну же, пожалуйста!

Упёршись ладонями в туалетный столик, я затаив дыхание подалась вперёд и... И всё закончилось. Ни ряби, ни серебристых отблесков.

Ну вот как так?!

Моргнула. Снова посмотрела. Нет, всего лишь моё обескураженное отражение.

Всё произошло настолько быстро, что спустя несколько мгновений стало казаться, что мне всё банально привиделось. Если верить нанятым Эндером магам, ни Вильме, ни какой-нибудь зловредной пакости сюда не пробраться. Тогда что это? Просто фантазия разыгралась?

Покосившись на дверь, отделяющую меня от дракона, в нерешительности подошла к ней, а потом осторожно приоткрыла. Просунув голову в образовавшееся пространство, сообщила Деллагарди:

— Пожалуй, сегодня оставлю открытой.

— И всё-таки я не такой страшный? — хмыкнул он и продолжил заниматься тем, что я прервала, а именно — раздеваться.

Решив, что конкретно этого «стриптиза» моя психика сегодня уже точно не выдержит, снова пробубнила что-то насчёт спокойных снов и вернулась к себе.

К счастью или нет, но из зеркала в тот вечер так никто и не выпрыгнул. Ни пока готовилась ко сну, ни потом, когда лежала в кровати, напряжённо кося на зеркальную гладь взглядом. Так незаметно и уснула, вот только отдохнуть спокойно в ту ночь не

получилось. Мне снилась какая-то блажь. Непонятно с какой радости в сон заглянула Шанетт, а с ней и описанная драконом маска. «Подруга» всё порывалась её надеть, кружила в лёгкой сорочке по незнакомой мне спальне и, словно дразня меня, Раннвей, подносила к себе вырезанные из дерева лики.

— Как думаешь, какое лицо мне пойдёт больше: доброе или злое?

— Шанетт, не надо! — голос вроде и мой, а звучит незнакомо. Тонкий, неуверенный, пронизанный страхом.

— Ой, да ладно тебе! Ну что может случиться? Я всего лишь приложу, и мы посмотрим...

Я вздрагиваю, услышав за спиной скрип двери, а следом чьи-то быстрые шаги. Шанетт бледнеет. У неё тут же пропадает желание что-то мерить. Бросив маску на кровать, почти испуганно мямлит:

— Мы просто дурачились...

Я оборачиваюсь на звук шагов и...

И просыпаюсь.

Открыв глаза, некоторое время осоловело рассматривала лепную красоту на потолке, пока остатки дурацкого сна продолжали расплзаться по уголкам разума. Шанетт, маска... Ерунда какая-то. Хорошо хоть не приснилась голая Илена и полуголый дракон.

Кстати, о драконах! Мы ведь утром собирались в эту их школу для недочешуйчатых богатеньких отпрысков.

Часы на каминной полке показывали половину девятого. Солнце, пусть и не яркое, но сулившее день сухой и погожий, лучами струилось в окна. Дёрнув за шнурок колокольчика, я отправилась в ванную, а когда вернулась, Полин и Минна уже хозяйничали в спальне.

— Доброе утро, ваша светлость! — с улыбкой воскликнули девушки.

Я предпочитала одеваться одна, без посторонней помощи (к служанкам никак не удавалось привыкнуть), но сейчас действовать надо было быстро. Поприветствовав камеристок, попросила их оперативно упаковать меня в платье и ещё оперативнее сделать причёску.

— Эйрэ ещё не уехал?

— Завтракает, — ответила Полин, умело скалывая медные пряди шпильками.

Без меня? Ладно.



Кивнув, терпеливо дождалась, когда с упаковкой леди Делагарди будет закончено и, сказав, чтобы приготовили верхнюю одежду, поспешила к Эндеру.

Столкнулась с ним в холле, а точнее, на лестнице.

— Уже готова!

— Сначала позавтракай. Мы не спешим, — решил для разнообразия начать день с улыбок Делагарди. Правда, почти мгновенно посерьёзnel и предупредил: — Эдвина в столовой.

— Как она?

— Сложно понять. За всё утро я от неё не услышал и пары слов.

Понятно, снова в себя ушла. Кивнув, я уже нацелилась на столовую, когда звон колокола сообщил о неожиданном госте.

— В последнее время ранние визиты приносят одни неприятности, — пробормотал Делагарди и, не дожидаясь служанок, отправился открывать.

— Должно быть, это Александр, — предположила я.

И не угадала.

Заявиться с утра пораньше решил Рейер Таубе.

— Поехали! — заявил он с порога.

Меня поприветствовал мимоходом, приподняв за тулью шляпу, и снова вперился взглядом в Делагарди.

— Опять кого-то убили? — спросил тот со вздохом.

— Если и убили, то я не в курсе, — с улыбкой ответил Таубе.

— Тогда передай Экебладу, что я подъеду позже и он выскажет всё, что ему вдруг срочно понадобилось мне высказать.

Следователь покачал головой:

— Я бы с радостью, вот только вызывает не он, а король. А он, как я слышал, ждать не любит. Даже драконов.

Король? Я мысленно присвистнула и поймала взгляд обернувшегося ко мне «мужа».

— В гимназию заедем завтра. Или, если успею, сегодня после обеда.

Правда, кислое выражение лица дракона откровенно намекало, что сегодня он уже никуда не успеет.

О королевской чете я была наслышана. О том, что королева вздорна и истерична, а её муж, пусть сам ждать не любил, ничего не

имел против, когда подданные часами простаивали под дверями его покоев.

Но может, Эндеру повезёт больше. Тем более что правитель сам заинтересован во встрече.

Позвав служанку, Делагарди велел принести пальто, а Рейер тем временем принялся интересоваться моим самочувствием. Дежурные вопросы, дежурные ответы... Просто чтобы избежать неловких пауз до возвращения Ильвы.

— Чем сегодня займёшься? — забирая у служанки верхнюю одежду, поинтересовался Эндер.

— Ещё не решила, — уклончиво ответила я, не желая вдаваться в подробности своего расписания.

Уже который день собиралась в гости к Фарморам, так почему бы не съездить сегодня?

— Как не решила?! — раздался позади голос Эдвины. Девочка стояла, скрестив на груди руки, и смотрела на меня так, словно взглядом пыталась приварить к полу. — Ты же... вы оба собирались со мной в гимназию. Ты ведь обещала!

— Собирались, — в своей излюбленной невозмутимой манере ответил Делагарди. — Но меня вызывает король. С руководством гимназии поговорим завтра.

Выражение лица «племянницы» в тот момент надо было видеть. Нет, не злость, не обида, не раздражение. Скорее, разочарование, в нас обоих, а особенно — в нелюбимой тёте. Такое очевидное, что я чуть рот от удивления не открыла, когда дракон будничным тоном, будто ничего не заметив, бросил:

— Тебя отвезёт Вернер, а я поеду с Рейером.

Быстро попрощавшись со мной и Эдвиной, он надел шляпу и вышел следом за напарником.

Что называется — мужчины.

— Так я и знала, — буркнула девочка. Сжала в кулаки руки, бросилась к лестнице, торопясь сбежать, как любила делать.

— Постой. — Я успела ухватить её за локоть. Эдвина резко развернулась.

Не знаю, может, показалось, а может, в голубых глазах действительно блеснули слёзы. Правда, девочка тут же отвела взгляд. Замерла.

— Что?

— Эндер не сможет, но я ведь свободна. Дождусь Александра... своего... эмм... водителя и приеду.

— Можешь не утруждаться.

— Эдвина... — Я погладила её по плечу, и девочка вздрогнула, словно не ожидала этой ласки. А может, ей были просто неприятны прикосновения Раннвей. — Твой наставник по закону — я, а не Эндер. Значит, мне и говорить с директором.

Несколько секунд она молчала, потом, шмыгнув носом, тихо произнесла:

— Ладно.

— Иди собирайся, — мягко сказала я, и юная Фармор, кивнув, стала подниматься по лестнице.

Не ураганом, как привыкла, а спокойно преодолевая ступень за ступенью.

Александр приехал около десяти. К тому времени я уже успела позавтракать, добавить лицу красок с помощью лёгкого макияжа, выбрать жакет и шляпку, которых мистис Мерит и мистис Стина пошили для меня с десятков. Тёмно-зелёный бархат верхней одежды и аксессуаров делал рыжие волосы Раннвей ещё ярче, добавлял в завитки вокруг лица огня, а в мои серые глаза — зелени, которой в них отродясь не было.

Пока наводила красоту, всё надеялась, что с зеркалом снова начнут происходить метаморфозы, но, увы, никаких метаморфоз замечено не было, и я окончательно утвердилась в мысли, что вчера мне всё просто привиделось.

— Для начала съездим в Тьюрильскую гимназию, — садясь в машину, сказала я своему охраннику, и тот с улыбкой кивнул.

В эту поездку тоже не было неловкого молчания. Александр любил поговорить, а мне, как оказалось, необходимо было выговориться. Без Вильмы, моей призрачной подружки, стало совсем туго... Не вдаваясь в подробности вчерашнего инцидента с гувернанткой, пожаловалась, что «племянница» меняет учительниц как перчатки.

— Нынешняя мне нравится, но категорически не нравится Эдвине. Как и я, в общем-то...

— Сложный возраст. — Александр вздохнул вместе со мной, видимо, из солидарности. И тут же с улыбкой, отразившейся в зеркале заднего вида, добавил: — Но я уверен, вы найдёте к ней подход. Так за неё переживаете... Дети это чувствуют. Понимают, когда их по-настоящему любят.

Я мысленно усмехнулась. Знай он, что никакая я не тётя, а просто ширма для драконьей наставницы на год, говорил бы совсем по-другому. Интересно, Эдвина обрадуется, когда я снова исчезну из её жизни? Наверняка. Вздохнёт с облегчением, а может, даже перекрестится.

Сомневаюсь, правда, что здесь крестятся.

Вероятно, мы приехали в разгар урока. Первый этаж гимназии встречал тишиной, разбавляемой гулким эхом наших шагов. Единственные, кто нас встречал, — это безмолвные статуи в нишах, такие огромные, что я по сравнению с ними казалась мелким насекомым. Статуи перемежались с витражами, и в такой погожий день, как сегодня, благодаря им мраморные полы холла были раскрашены многоцветьем отблесков.

— Знаешь, где находится кабинет директора? — обратилась я к Александру. И сама не заметила, как мы, перестав перед друг другом расшаркиваться, перешли на неофициальное обращение. Точнее, перестала я, а потом вынудила и своего охранника, запретив обращаться ко мне на «вы».

Как-никак они с Раннвей ровесники, да и титулов у Мориана хватало.

— Тут недалеко. Сразу за зеркальной галереей.

Миновав холл, мы вошли в просторный, бесконечно длинный зал, с одной стороны обнесённый всё теми же витражами, с другой — зеркалами, не менее огромными, чем статуи.

Пока шли, я невольно бросала на своё отражение взгляды. На своё и Александра. Больше здесь никого не было. Разве что...

— Что-то случилось? — недоумённо спросил мой охранник, когда я пулей метнулась к зеркалу в вычурной раме.

Опять показалось? Или я с ума уже тут схожу?

Нет, никакой ряби на зеркальной поверхности замечено не было, но я готова была поклясться, что видела промелькнувшую в зеркале фигуру.

Может, в гимназии водятся призраки? Ну то есть такие же, как Вильма, непокоенные души?

— Ваша светлость... Раннвей? — Александр явно не мог взять в толк, что со мной происходит.

И в этом я была с ним солидарна. Ни черта не понимаю...

— Всё хорошо? — Пока я косила взглядом во все возможные стороны, охранник продолжал беспокоиться.

— Всё-о-о... — Снова глянула на зеркала, но не нашла в них ничего, кроме растерянной себя и сбитого с толку молодого палача. Ну то есть ультора. — Всё отлично! — посмотрела на него, заставила себя улыбнуться. — Просто показалось, что на жакете пятнышко.

— А по сторонам вы... ты смотрела...

— Паук... тоже показался. Я их так боюсь! Просто с ума схожу от страха при виде даже са-а-а-мого маленького паучка.

Александр неуверенно кивнул. Вряд ли поверил, но допытываться, чего это я тут юлой кручусь, больше не стал. Бросив ещё один взгляд на своё отражение, я ускорила шаг, и вскоре мы уже стояли перед дверями, ведущими в приёмную директора.

— Надеюсь, он на месте. — Я первой шагнула в небольшую комнату, в которой нашлось место для пары диванчиков, книжного стеллажа и письменного стола.

За ним, просматривая кипу бумаг, сидел парень в очках. По всей видимости, секретарь. Прямо перед ним стояла печатная машинка. Молодой человек её даже не касался, что не мешало клавишам издавать громкие щелчки, как будто кто-то ударял по ним пальцами, а листку, вставленному в машинку, бодро двигаться: вправо, поворот, вверх.

При виде меня секретарь подскочил на ноги.

— Леди Делагарди!

Видимо, внезапное возвращение Раннвей и её (ну то есть наш с ней) успех у искажённых сделали леди Делагарди весьма популярной. Наверняка видит впервые в жизни, но узнал сразу.

— Я бы хотела поговорить с директором, мейстом...

— Гастфером, — чуть слышно подсказал Александр.

— Мейстом Гастфером, — повторила я и поинтересовалась: — Он у себя?

— Одну минуту. — Суетливо поправив очки, секретарь ринулся к двери, постучал осторожно, еле слышно, а потом, несмело её приоткрыв, исчез внутри.

Вернулся спустя минуту с улыбкой на губах.

— Мейст Гастфер ждёт вас. Прошу...

Так как обсуждение талантов Эдвины являлось темой весьма деликатной, личной, я попросила Александра подождать на диванчике, а сама пошла к местному начальству.

— Чай? Или, может, кофе? — засеменял за мной секретарь.

— От чая не откажусь, — улыбнулась ему и посмотрела на директора гимназии, пожилого дракона, открывавшего День приветствия на прошлой неделе торжественной и пафосной речью.

В отличие от своего помощника он суетиться вокруг меня явно не собирался. Кивнул вместо поклона и жестом указал на кожаное кресло возле рабочего стола. Сам, не дожидаясь, пока леди усядется, опустил в кресло напротив и вежливо, но вместе с тем как-то уж больно прохладно поинтересовался:

— Чем могу быть полезен вашей светлости?

Стену за спиной директора расчертили несколько книжных полок. Над ними красовалось зеркало в раме ещё более массивной и вычурной, чем те, что были в галерее. Её золотистый цвет пребывал в полнейшей гармонии с золотым тиснением на корешках книг и охровыми шторами, обрамлявшими окно сбоку.

— Я бы хотела поговорить о своей племяннице.

Директор, уж не знаю почему, усмехнулся и только после этого соизволил ответить:

— Я вас слушаю.

У него были пышные бакенбарды и, наверное, это единственное, что привлекало к его лицу внимание. Без них мейст Гастфер, даже несмотря на свою принадлежность к драконьему роду, выглядел бы совершенно невзрачно. Мелкие, невыразительные черты лица, тонкие бледные губы, почти сливающиеся с цветом кожи, зачёсанные назад уже полностью седые волосы. Даже костюм из дорогого блестящего сукна не придавал ему импозантности. Бальдер, обычный человек, по сравнению с этим драконом выглядел как мужчина из сказки. Или, скорее, любовного романа.

Запнувшись на этой мысли, весьма странной для меня, нетипичной, поспешила от неё отмахнуться и сказала:

— Я хочу, чтобы моей племяннице добавили занятий.

— Зачем? — Директор слегка нахмурился и, прежде чем я успела объяснить, с важным видом продолжил: — Не уверен, что дополнительные занятия помогут девочке со... скажем, такой родословной. Да, её мать была талантливой драконицей, но вот отец-человек... Да и в вашем роду тоже не обошлось без оплошностей.

Оплошностей? Это он так сейчас «деликатно» намекнул, что в Ранвей не проявилось ни одного дара?

Что там говорил Александр? Снобизм и правда здесь процветает.

— На мой взгляд, леди Делагарди, — напыщенно продолжал директор. — На взгляд преподавателя, умудрённого годами работы в этих стенах, обязан сказать, что вы зря отправили сюда девочку. Она лишь потеряет зря время, а впоследствии останется собой разочарована. Как в своё время разочаровались вы в собственных возможностях. Вернее, в себе из-за их отсутствия. — Он снова усмехнулся.

Скрипнула дверь — вернулся секретарь, чтобы поставить перед нами чашки и изящный чайничек. Оставалось дожидаться, когда он уйдёт, чтобы с удовольствием понизить градус спеси у этого умудрённого годами жизни, с позволения сказать, преподавателя.

С нетерпением глядя, как тонкая тёмная струйка бежит в чашку, я представляла, как вытягивается лицо этого хама, а хам тем временем с упоением со мной делился своим важным и бесценным мнением: с моей стороны, как наставницы, было огромной ошибкой отправить сюда Эдвину. Таковую же никчёмную, как и её тётя, да ещё полукровку.

Нет, он не сказал прямо, но эта мысль проскальзывала в каждой его фразе, в каждом взгляде.

— Я пытался поговорить с вашим мужем, ещё до того, как вы вернулись. Но эйрэ не желает слушать никого, кроме себя. — Мейст Гастфер поморщился. Воспоминания о разговоре с Делагарди явно были ему неприятны. — Я понимаю, дело в наследстве Фарморов, вашему супругу не хочется терять такие капиталы...

— При чём здесь мой супруг? Можно подумать, деньги достанутся ему! — не выдержала я и раздражённо посмотрела на неповоротливого секретаря.

Да когда же ты уже уберёшься!

— Ну как же! — хмыкнул Гастфер. — До того, как Эдвине исполнится двадцать один, эйрэ будет распоряжаться деньгами Фарморов, а я наслышан...

Не знаю, о чём он там был наслышан. Я попросту пропустила мимо ушей окончание очередной ядовитой фразы, потому что...

Потому что в зеркале за спиной директора вдруг появилась Вильма.

Появилась и не исчезла.

Ударила по нему ладонями, раз, другой, словно пыталась вырваться из зазеркалья. Но то почему-то не отпускало...

Вильма!

Не знаю, как не выпалила её имя вслух, как не подскочила. Осталась сидеть, во все глаза рассматривая призрака, позабыв и о хамоватом директоре гимназии, и о его помощнике с чаем.

Рот духа беззвучно раскрывался, как будто она что-то пыталась сказать, но не могла.

— Леди Делагарди, вы меня слышите? — осведомился непочтенный учитель с нотками недовольства в скрипучем голосе.

— Слушаю внимательнейше, — пробормотала я и поднялась. Обойдя помощника, а затем и стол, приблизилась к зеркалу. — Какое оно красивое. Старинное?

— При чём здесь зеркало? — растерянно пробормотал директор. — Мы говорили...

Вильма тоже продолжала говорить, а может, кричать, но криков её я не слышала. Коснулась зеркальной глади, в том месте, куда вжималась её морщинистая ладошка, и всё-таки услышала. Только не наяву, а где-то глубоко в сердце:

— Помоги мне... Помоги!

Мгновение, и старушка исчезла, словно её и не было. Вот только теперь я точно знала, что ничего мне не показалось. Это уже не первый раз, когда она пытается со мной связаться.

Вильму надо спасти. И как можно скорее! Не найду себе места, пока не вытяну её из этого харгового зазеркалья!

Обернувшись, одарила секретаря нетерпеливым взглядом:

— Вы ещё здесь? Может, нальёте чай и в вазу, чтобы задержаться?



— Леди Делагарди... — начал было с возмущением глава гимназии.

— А вы, мейст Гастфер, сначала выслушайте. Чтобы потом не выглядеть глупо. Впрочем, боюсь, последнего уже не исправить.

Зыркнула на секретаря — того тут же как ветром сдуло. Вернулась в кресло. Села. И глядя в глаза сереющему директору, произнесла:

— Возвращаясь к моей «пустышке»-племяннице... «Пустышке» в кавычках, потому что один дар в ней уже проявился. А ей ведь ещё нет и тринадцати.

Я бы с удовольствием подалась вперёд, чтобы захлопнуть мейсту Гастферу рот, но потом решила, что и так сойдёт. Пусть сидит с открытым, а я пока наслажусь моментом и чашечкой горячего чая.

Сказать, что грубиян-директор был в шоке, — это не сказать ничего. Молчание затягивалось. Он продолжал сидеть, уставившись на меня своими блёклыми глазами, и то ли не верил моим словам, то ли и вовсе сомневался, вменяема ли я.

Сделав глоток, я с мстительным удовлетворением продолжала:

— Эдвина способна создавать в чужом сознании несуществующие образы. На мне она, к счастью, не упражнялась, но вот её гувернантке досталось. И не раз. Думаю, вы понимаете, что такой дар не может оставаться без присмотра. Я, как её наставница, сделаю от себя всё возможное, чтобы помочь ей, но и вы в стороне не останетесь. Иначе не совсем понятно, за что мы платим целое состояние.

По правде говоря, я даже приблизительно не представляла, сколько стоит обучение в Тьюрильской гимназии. Но если верить Вильме, удовольствие это не из дешёвых. А Вильме я верила. Моему верному путеводителю в чужом, незнакомом мире и палочке-выручалочке. И я тоже должна, нет... просто обязана(!) её выручить.

А вместо этого протираю здесь юбку.

— Это... это невозможно... — наконец сумел выжать из себя пару слов господин дракон.

Ему явно понравилось пребывать в шоке. А вот мне не нравилось терять впустую время.

Пока он тут блеет...

— Такой дар... Он... Он просто не может сам по себе раскрыться! Нужно время, обучение, ряд ритуалов и... Ну вы же сами всё прекрасно понимаете!

— Может или нет — уверена, вы в состоянии проверить. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

— Проверим, — растерянно кивнул директор.

— Вот и отлично. — Я поднялась, отряхнула юбку от несуществующих крошек (увы, на угощения, кроме чая, секретарь зажмотился) и, прежде чем выйти, добавила: — Надеюсь, сегодня Эдвина вернётся с расписанием дополнительных занятий. И ещё больше надеюсь, что вы ни словом, ни даже взглядом не напомните ей о том, что она полукровка. Иначе я очень постараюсь (а я весьма старательна) донести до общества, что из себя на самом деле представляет Тьюрильская гимназия. Всего доброго, мейст Гастфер.

От спеси дракона не осталось и следа. То ли он всё ещё был под впечатлением от дара моей «племянницы», то ли помнил совсем другую Раннвей — на моё прощание он ответил невнятным и весьма застенчивым мычанием — пожелал мне хорошего дня.

Что ж, хочется надеяться, что одна проблема решена. А сейчас...

— Куда теперь? — выйдя из приёмной директора, осведомился Александр.

Поездку в загородное имение Фарморов снова пришлось отложить. Сначала Вильма, потом уже всё остальное.

— Скажи, Саш... — Я задумчиво закусил губу. — Когда ты здесь учился, вы случайно не проходили тему зеркал?

— Тему зеркал? — недоумённо переспросил начинающий палач.

— Я просто читала в одной книге...

Вспомнить бы ещё, как она называлась... Одна из рукописей, которые приносил мне горками Кастен. Пока крепла и набиралась сил после того как очнулась в новом мире, да ещё и с пугающим даром, я много читала и точно помню, что в одной из книг говорилось о зеркалах, как о тюрьмах для злых духов. Вроде бы их как-то можно было туда загонять. Вильма, конечно, ни разу не злой дух, и мне, наоборот, надо её из зазеркалья выгнать. Но всё же надо с чего-то начинать. А тут рядом со мной шагает дипломированный маг.

— Не вспомню название, но там говорилось, что зеркала могут стать для некоторых духов своего рода тюрьмой.

Во взгляде Мориана промелькнуло удивление.

— Почему тебя это интересует?

— Просто так, для общего развития. — Мы как раз вошли в галерею, но сколько я ни бросала на зеркала взгляд, ничего кроме бодро шагающей себя и задумчивого дракона не заметила.

Ладно, не отчаиваемся. Начали копать — докопаем и докопаемся.

— Ну, тут смотря каким учениям верить, — протянул Мориан. — Древние холийцы, например, считали, что зеркала — это дороги в иные миры, а наше отражение вовсе не отражение, а совершенно другой человек.

Нет, не моя тема.

— Ловушки, — попыталась вернуть охранника в нужное русло.

— Ловушки, ловушки... — Он сосредоточенно пожевал губами, а спустя мгновение радостно улыбнулся: — Точно! Проходили, учили и я даже помню пару книг.

— Они здесь, в гимназии? — Я сразу встала в стойку.

Александр покачал головой:

— В библиотеку гимназии нас точно не пустят, а вот в Королевской наверняка найдём всё, что надо. Если хотите, я вечером туда заеду, поищу, а завтра вам... тебе привезу.

— Давай лучше вместе заедем. — Улыбнувшись своему спутнику, я с боевым настроем направилась к паромобилю.

## Глава 9. Неожиданные встречи и предложения

Спустя где-то полчаса мы подъехали к Королевской библиотеке — строению весьма примечательному и интересному. Архитектор, его проектировавший, явно пытался выпендриться. Внешне оно напоминало высоченный цилиндр, увенчанный стеклянными куполами. Со стороны те походили на большие прозрачные пузыри, облепившие крышу. Выглядело это немного забавно, немного странно.

Зато оказавшись внутри, я мысленно похвалила неизвестного умельца. Благодаря стеклянным куполам зал библиотеки буквально утопал в дневном свете. Изнутри прозрачные полукружия отделяли друг от друга стрельчатые перекрытия, поддерживаемые изящными колоннами. По краям арочного входа возвышались статуи: античные девы в туниках. Взгляд одной был устремлён на раскрытый свиток, другая держала в руках книгу.

— Давно меня здесь не было, — пробормотал Александр. — Как выпустился из гимназии, так и забыл сюда дорогу.

— Я тоже это место плохо помню...

Точнее, совсем с ним не знакома, потому что никогда здесь раньше не бывала. Но Александру знать об этом не обязательно.

Пока Мориан оглядывался в поисках библиотекаря или кого-нибудь из помощников, отсутствовавших за высокой деревянной стойкой, я продолжала с интересом рассматривать длинные ряды столов и мягкие бархатные кресла. Посетителей в этот час было немного. Редкие места были заняты, но большинство пустовало. Стеллажи, расставленные буквой «п» по периметру зала, тянулись до самых сводов. Антресолей здесь не было, только ненадёжные на вид длинные лестницы.

Интересно, у них тут никто никогда не ломал себе шею?

— А вот и он! — с улыбкой проговорил Александр, когда из-за стеллажей показался пожилой мужчина. — Всё тот же мейст Брифин. Кажется, он работает здесь целое столетие.

Библиотекарь быстро сориентировал моего охранника. В какую секцию идти, с каких полок начинать поиски.

— Я всё принесу, а ты пока располагайся, — бросил он и поспешил в указанном пожилым мейстом направлении.

Находу снимая перчатки, я прошла вглубь зала. В ту его часть, что совсем пустовала. Сняв жакет, повесила его на ближайшую вешалку, туда же отправила и шляпку. Опустилась в обитое малахитовым бархатом кресло, продолжила осматриваться. Александр тем временем, проявляя чудеса ловкости и храбрости, поднимался по лесенке к самому верху.

— Раннвей? Какая неожиданная встреча.

Сложно описать эмоции, накатившие от одного лишь звучания его голоса. Голоса Вольмара Родингера.

Он? Здесь? Вот какого, спрашивается.

Стоило ему коснуться моего плеча, сжать его слегка, как накатила жаркая волна. Такие ощущения обычно бывают при любовной эйфории, когда только начинаешь испытывать это сладостное чувство. Но в моих чувствах (именно в моих, не Раннвей) присутствовала терпкая горечь. Она-то и помогла справиться со вдруг возникшим внутри пожаром, пресечь начало любовной лихорадки.

Родингер обошёл стол и, приставив к нему трость, устроился напротив.

— Думал, после случившегося муж тебя из дома не выпустит.

Откинувшись на бархатную спинку кресла, окинул меня взглядом, при этом не то лениво улыбаясь, не то плотоядно усмехаясь.

— Что ты здесь делаешь? — отбросив церемонии, сухо спросила я.

Дракон бросил по сторонам взгляд.

— То же, что и другие: пришёл почитать.

Перчатки он снял при мне же, серое пальто лишь удосужился расстегнуть. То ли уже собирался уходить и наша встреча просто досадная случайность, то ли за мной следили.

— Нас тогда так несвоевременно прервали, — протянул Родингер, скользя по мне взглядом. Откровенно бесстыжим и наглым.

— Наоборот, очень даже вовремя. Ты вёл себя недостойно.

— Раньше тебе это нравилось. — Он подался вперёд, буквально пожирая меня взглядом. — Моё недостойное поведение.

К щекам снова прилил жар, а внутри живота будто закрутился маленький ураган. Но именно это — непрошенные, нежеланные чувства — и заставило разозлиться.

С грохотом бухнув на стол сумочку (так себе, конечно, преграда, но пусть хоть что-то нас разделяет), я процедила:

— С тех пор многое изменилось. Изменилась я! Мне неприятны твои намёки и не надо смотреть на меня, словно я твоя собственность!

Моя отповедь его явно не впечатлила. Он лишь чуть слышно хмыкнул и продолжил гнуть свою линию:

— Но ведь раньше так и было. Если бы не сделка твоего покойного папаша с Делагарди, мы были бы...

— К счастью, я вышла за Делагарди, а не за тебя!

— А кто говорил про брак? — усмехнулся этот хам.

Ещё лучше. Мне сейчас только что без ложной скромности намекнули, что не стань я... ладно, Раннвей... леди Делагарди, с великодушной подачи этого недодракона превратилась бы в его любовницу.

Впрочем, оно ведь так и случилось. И брак с Эндером ему помехой не стал. Бальдер не фантазёр и не параноик. Раннвей действительно изменяла мужу. Может, отсюда и страх? Боялась, что Эндер узнает о романе. И что тогда? Драконы те ещё ревнивцы и собственники. А оскорбленный дракон, обманутый женой, — явление весьма опасное. Для Раннвей.

И вдруг Делагарди всё-таки узнал?

Решив, что сейчас не самое подходящее время для подобных размышлений, холодно посмотрела на Вольмара:

— Ты сказал, что пришёл сюда читать. Так, может, стоит пойти и почитать? — И выразительно замолчала, уже откровенно намекая, что общение «старых друзей» закончено, скатертью дорога.

Увы, дракон даже не почесался. Никак не отреагировал на мои слова и нагло продолжал:

— Помню, когда мы были в Астене, ты точно также очаровательно краснела. За несколько недель до твоего замужества... Хорошее было время. Не знаю, как Шанетт удалось уговорить старика-Фармора отпустить тебя, но именно тогда всё и началось. Между нами. Как сейчас вижу тебя в том соблазнительном светлом платье, позаимствованном у подруги. А после... — Меня одарили

очередной похабной улыбкой. — Без него. Ммм, незабываемые воспоминания.

Ну и ситуация вырисовывается. Получается, Раннвей лишилась невинности ещё до свадьбы. А что же Делагарди? Ничего не понял в брачную ночь?

Она у них вообще была, эта ночь?

— А потом...

Проклятое тело снова охватило проклятой дрожью, и я нервно выпалила:

— Хватит! Перестань напоминать о том, что было! Для меня всё это осталось в прошлой жизни. Я больше не желаю тебя видеть, Вольмар. Ты мне неприятен!

Надо же! У меня получилось выбить наглеца-дракона из образа самоуверенного соблазнителя. Улыбка исчезла с его лица, вместо неё к нему намертво прилипла гримаса злости.

— Ты забываешься, Раннвей, — процедил он, теперь уже не пожирая взглядом, а глядя так, словно готов был плюнуть в меня огнём.

Как же хорошо, что нынешние драконы не способны изрыгать пламя.

— Наоборот, я прекрасно помню, кто я. Леди Делагарди-Фармор! Моему мужу будет очень неприятно узнать, что некий лорд продолжает ей досаждать.

Родингер скривился, словно проглотил кусок тухлого мяса. В глазах полыхнуло то самое пламя, в котором он явно мечтал меня поджарить.

— А знаешь, что ему ещё будет интересно о тебе узнать?

— Всё в порядке, ваша светлость?

При виде Александра, нависшего над нами мрачным стражем, я испытала двойственное чувство. С одной стороны, обрадовалась: теперь-то уж этот... драконьей самки сын... точно оставит меня в покое. С другой — мне почти захотелось узнать, какой у него на Раннвей имеется компромат. Вряд ли собирался грозить рассказать Эндеру об их интрижке. В этом случае прилетело бы прежде всего самому Вольмару.

Но если не она, то что тогда?

— Эйрэ уже уходит, — сказала я, переводя взгляд с хорошего дракона на дракона-урода.

Последний неторопливо поднялся. Подхватил трость, перчатки и, даже не взглянув на моего охранника, попрощался:

— Был рад увидеться с тобой, Раннвей. С новой версией тебя, — зачем-то уточнил с усмешкой. — Так не похожей на ту, которую я когда-то знал.

Кивнув, направился к выходу, а я его провожала взглядом, словно в трансе. Последние слова Родингера мне не понравились. Мне вообще не понравилось ничего из того, что он сказал. Но эти его размышления про несхожесть... Вдруг что-то начнёт подозревать? Ещё не хватало, чтобы этот тип узнал обо мне правду! А значит...

А значит, надо держаться от него как можно дальше.

— Раннвей, — позвал меня Александр, заставляя оторвать взгляд от высокой фигуры дракона. — Ты в порядке? Выглядишь так, будто призрака повстречала.

Я встрепенулась и посмотрела на своего телохранителя:

— Уж лучше бы призрака, чем этого дракона... — Отвечая на недоуменный взгляд Мориана, нехотя объяснила: — Он был другом моей семьи. Что-то вроде того... Если честно, я не хочу о нём говорить. И видеть тоже.

— Я это учту, — с самым серьёзным видом кивнул парень. — И прослежу, чтобы он к тебе больше не приближался.

Вот и замечательно.

Заметив в руках у охранника книги, поинтересовалась:

— Нашёл?

— Не знаю, то ли это, что тебе нужно, но в этой книге говорится про зеркала-ловушки, а в этой про связанные с зеркалами ритуалы.

Супер! Может, повезёт найти какой-нибудь ритуал освобождения?

— К сожалению, эти рукописи забрать с собой не получится. Мейст Брифин говорит, они в единственном экземпляре.

— Значит, здесь почитаю, — не стала я расстраиваться.

Подтянула к себе оба томика, пухлых, в истёртых бархатных переплётках, и вдохнула ни с чем не сравнимый аромат старых книг.

— Мейст Брифин посоветовал заглянуть ещё в одну секцию. — Александр оглянулся, словно искал взглядом Вольмара.

— Иди, — я улыбнулась. — Не думаю, что он вернётся.



— Если что, я буду там, — сказал парень, указывая на угловые стеллажи.

Кивнув, я раскрыла первую книгу, про ритуалы, и стала внимательно её просматривать.

\* \* \*

*Эндер Делагарди*

— Он точно нас вызывал?

Рейер развёл руками:

— Так Руткер сказал. Не успел я приехать в управление, как он налетел на меня. Попросил мчаться за тобой как можно скорее, а потом ещё быстрее — во дворец. И вот мы здесь...

— Уже два часа, — с трудом давя в себе раздражение, заметил я. В который раз за это харгово утро покосился на дверь. За светлой эмалью и золотыми вензелями находился кабинет короля, Вильгельма Девятого.

Его величество не любил считать ни деньги, ни время. Чужое. Своё же он высоко ценил, как и себя в целом, хотя я никогда не мог понять, за что именно.

Слабый дракон, уже давно отживший своё.

У него так и не появилось наследника. Королева беременела часто, но неудачно, а в последнее время и беременеть перестала. Видимо, сил у её супруга уже даже на это не осталось.

Возможно, я слишком жесток и циничен, но я всегда считал и продолжаю верить, что во главе государства, тем более такого, как Кармар, должен стоять сильный правитель, а не... вот то, что представлял из себя его величество. Он был вспыльчив, импульсивен и едва ли мог похвастаться острым умом и твёрдой памятью, а с возрастом сдал окончательно. Многие из глав Высоких домов, затаив дыхание, ждали, когда Великий Дракон наконец-то призовет его душу, чтобы заявить права на Кармарский престол. Я в намечающейся вакханалии принимать участие не собирался, но, уверен, драконы вроде Шернвалей, Фегезаков и тех же Родингеров не упустят возможности погрызться за трон.

Оставался открытым вопрос: когда его величество наконец умрёт.

Слышал, в некоторых клубах на его смерть делали ставки, причём немалые. Кто-то прочил правителю весьма скорую кончину: что он

покинет нас уже до конца этого года. Другие были скромнее: предсказывали Вильхельму смерть в ближайшие пару-тройку лет.

— Я заметил, Раннвей держится молодцом, — прервал ход моих мыслей Таубе. — Другая бы на её месте после нападения — точнее, двух нападений! — носа из комнаты боялась бы высунуть, а твоя жёнушка куда-то явно собиралась. Словно ничего не случилось!

— К Эдвине в гимназию, — машинально ответил я, возвращаясь мыслями к непоседливой иномирянке, и чуть слышно добавил: — И одним харгам известно куда ещё...

Будь на её месте настоящая Раннвей, не то что из комнаты не показывалась бы, не слезала бы с кровати. Но Женя, казалось, уже и забыла о произошедшем. Неугомонная и слишком предприимчивая. Такое качество в женщинах казалось мне интересным. Раньше. Сейчас бы я предпочёл, чтобы она послушно исполняла роль жены и никуда не дёргалась.

Увы, мои предпочтения иномирянку волновали мало. Но, право слово, не сажать же её на цепь! Хотя в иные моменты я начинал думать: а почему бы и нет...

— Ты, кстати, ни слова не сказал мне про Каролу, — снова, явно пытаясь убить время, продолжил Рейер.

В просторном зале перед злосчастными дверями с вензелями мы были не одни. Желаящих получить аудиенцию у его величества собралось немало. Мы не желали, но и уйти не могли. Смиренно, харг его подери, ждали, когда король вспомнит, что собирался встретиться с агентами управления и наконец соизволит нас принять.

— А что о ней рассказывать? Ведьмины капли не её рук дело, поэтому она нам больше неинтересна.

— А ты ей? — покручивая в руках за полы шляпу, полюбопытствовал напарник.

Стоило вспомнить о жарком приёме, оказанном бывшей любовницей, как меня передёрнуло. Надеюсь, это было сиюминутное помрачение, и в будущем Ферзен не доставит мне проблем.

— Наши отношения остались в прошлом. — Заметив, что Рейера такой ответ не удовлетворил, быстро добавил: — Хватит об этом. Ты же знаешь, как я не люблю говорить на подобные темы.

Хмыкнув, он открыл было рот, явно не собираясь сдаваться, но, к счастью, в тот момент двери в кабинет короля распахнулись, и всё

внимание Таубе переключилось на молоденького лакея. В обязанности последнего входило вызывать счастливиц, которым повезёт увидеть его величество. Толпа в зале затаила дыхание. А я, оптимист, и вовсе сделал несколько шагов к слуге, но, увы, наши с Таубе имена так и не прозвучали.

— Это какое-то издевательство! — процедил напарник, с досадой глядя, как створки снова закрываются. — Можно подумать, нам больше делать нечего, кроме как торчать здесь весь день!

Я бросил на него предупреждающий взгляд, и Рейер замолчал. Правда, замолчал довольно выразительно, всем своим видом показывая, как сильно он негодует. В мыслях. Я же отошёл к картине, повествующей о буре и корабельных крушениях. Именно так я себя сейчас и чувствовал. Штормом и бурей.

К сожалению, королевский дворец — не то место, где можно показывать свои настоящие чувства.

Прошло ещё часа два, если не больше. За время ожидания мы успели изучить каждый пейзаж и каждый портрет. Посчитали вензеля на дверях и пуговицы на мундирах стражников. Внимательно, но без удовольствия оглядели из окон осенний парк.

Не знаю, что меня злило больше: такое отношение короля или то, что я мог бы съездить утром в гимназию. А вместо этого...

Ну вот какого харга?!

— Герцог Делагарди, господин Таубе! — позвал нас слуга, и злость на короля тут же пришлось быстро прятать. — Проходите, — лакей поклонился. — Его величество вас ожидает.

В последний раз я его видел на королевском приёме в честь... Уже не помню, по какому поводу меня приглашали тогда во дворец, но Вильхельм весной и Вильхельм сейчас, казалось, были двумя совершенно разными людьми. И в былое время король не мог похвастаться силой и крепостью, а сейчас перед нами предстал совершенно дряхлый старик. Всё его лицо избородили морщины, словно трещины на иссушенной земле. Они же вились тонкой, но густой паутиной на руках, безвольно лежавших на подлокотниках кресла, убегали, будто стыдливо прячась, под отвороты рукавов сюртука.

Одет он был просто, блёкло, и тот, кто не был лично знаком с правителем Кармара, мог бы запросто принять его за какого-нибудь

пожилого лавочника.

— Ваше величество... — В голосе моего напарника слышалась неуверенность, словно он сомневался, а тому ли дракону кланяется.

По всей видимости, для Рейера это была первая встреча с монархом и, судя по растерянному выражению лица сыщика, его ожидания не соответствовали реальности.

— Проходите, — раздался хриплый голос короля, и мы, подвластные слабому движению его руки, приблизились к креслу.

Сесть на диван, обрамлённый книжными стеллажами, нам не предложили, поэтому мы остались стоять, сверху вниз глядя на это жалкое подобие дракона.

— Я слышал, — продолжил король. Таким голосом, словно каждое слово давалось ему с трудом. — Вы, господа, в тупике.

— Простите, ваше величество... — начал было я, собираясь с предельным почтением объяснить ему, что за пару недель убийства не раскрываются.

Но Вильхельм снова взмахнул рукой, больше подходящей какой-нибудь экзотической мумии, и проговорил:

— Два убийства, два нападения — и ничего. Пока вы, господа, непонятно чем занимаетесь, было совершено ещё одно покушение. К счастью, не убийство — нечестивца удалось спугнуть. Но пострадать мог лорд Карриш. Мой дорогой друг, глава Палаты драконов. Личность выдающаяся и... — Король осёкся, закашлявшись, и к нему тут же бросился слуга с бокалом.

Несколько секунд длилось молчание. Вильхельм жадно пил, мы стояли перед ним, словно два провинившихся школьника, которых непонятно за что отчитывали.

— О нападении на лорда Карриша нам ничего неизвестно, — наконец сказал я, когда монарх, тяжело дыша, откинулся на спинку кресла.

— Неизвестно, потому что он отказался предавать этот злосчастный случай огласке. Карриш не любит, когда в газетах полощут его жизнь, но я обеспокоен. Очень.

— Он точно уверен, что на него напал искажённый? — спросил я, делая себе пометку в памяти: встретиться с Карришем.

— А вы считаете иначе? — с вызовом бросил король.

Я мысленно хмыкнул. К сожалению, в Гратцвиге и помимо искажённых хватает уродов.

— Я пока ничего не считаю, потому что ровным счётом ничего об этом происшествии не знаю.

— Ну так я вам и рассказываю, — всё больше раздражаясь, продолжал Вильхельм. — Совершенно покушение. Вчера поздно вечером. На моего друга и члена парламента. Это уже второй лорд из Палаты драконов, который едва не погиб за столь короткое время. Я уже молчу о вашем... как там его... Вашем коллеге!

— Хильмаре Стенбоке, — машинально подсказал Рейер, и король кивнул.

— Эндер, что происходит? — с упрёком обратился он ко мне, словно это я производил на свет искажённых. — Вы же уничтожили двоих, но мы никак не можем успокоиться. Откуда они берутся? И почему именно сейчас?

Я молчал. Ответов у меня не было, и от этого ощущение, что я — провинившийся мальчишка, только усиливалось.

— Держите меня в курсе, — наконец, явно устав от нашего присутствия, хрипло бросил правитель. Снова подозвал слугу с бокалом, снова сделал несколько жадных глотков. — И с Карришем... Пусть к нему, что ли, приставят охрану. Я не потерплю ещё одного убийства члена парламента!

Заверив, что обязательно о нём позаботимся (хотя это вообще не входило в наши обязанности), мы покинули кабинет короля Кармара.

— Думаешь, действительно искажённый? — спросил Рейер, занимая место водителя в машине.

— Сложно делать выводы, когда ни харга не знаешь.

Ни харга не знаешь — в последнее время это наше с Таубе константное состояние.

— Значит, нужно навестить лорда Карриша и услышать из первых уст, что с ним стряслось.

Нам повезло застать дракона дома и он оказался столь любезен, что не стал отказываться от встречи.

Как выяснилось, лица нападавшего он не видел. Вчера вечером он выходил из кареты, собираясь домой, когда убийца атаковал сзади. Ранил и, может быть, всё-таки убил бы, но его спугнули патрульные. К счастью для нас, Карриша никто не кусал, а удар в плечо пришёлся

обыкновенным ножом. Не похоже на искажённого и сам лорд не считал, что на него напало чудовище.

— Скорее всего, просто уличный грабитель. Будь это действительно искажённый, моя дорогая Анна уже готовилась бы к похоронам. Его величество преувеличивает.

Может, и так, но в чём-то Вильхельм был прав: второй парламентарий за один месяц. Один убит, другой ранен. Тут хочешь-не хочешь, а начнёшь строить теории заговора.

— Может, у меня что-то с мозгами, но разве нашему королю не должно в этом году исполниться шестьдесят? — пробормотал Таубе, когда мы уже прощались.

— Так и есть, — кивнул я.

— Но ему меньше ста не дашь!

— Говорят, он рано состарился из-за болезни.

— Болезни, названия которой никто не знает, — хмыкнул напарник.

Я неопределённо пожал плечами. Состояние короля долгое время держалось в тайне, а когда стало очевидно, что с ним что-то происходит, придворные целители рассказали придворным о редчайшей болезни, одолевшей его величество. Не знаю, ложь или правда, но Вильхельм даже смутно больше не походил на того монарха, каким был когда-то.

Попрощавшись с Таубе, я поехал к Бальдеру. Мой верный слуга уверенным шагом шёл на поправку, и это не могло не радовать. Рвался домой, но Браден ни в какую не согласился его отпускать.

— Я хочу ещё за ним понаблюдать. До конца недели, — заявил он при пациенте, который чуть не позеленел от злости и разочарования.

Бальдер не привык отдыхать и наверняка по ночам видел кошмары, в которых дом без его недремлющего ока харги разбирали по камешкам.

— У нас всё в порядке, а ты отдыхай и поправляйся.

— А знаете, эйрэ, кто ещё отдыхает? — недовольно фыркнул упрямец. — Вся ваша прислуга! Ну кто их там проконтролирует? А кто приструнит, когда будет нужно? Вряд ли леди Делагарди озаботится подобными вопросами...

— Ещё несколько дней, и будешь дома.

В ответ на мои слова ободрения Бальдер буркнул что-то неразборчивое и вернулся к чтению газеты. Я же отправился домой. С надеждой в сердце, что хотя бы сегодня обойдётся без скандалов и эксцессов.

В холл входил, едва не затаив дыхание. Отдал служанке пальто, коротко поинтересовался:

— Всё в порядке?

Ильва, явно понимая, что имею в виду, с улыбкой кивнула:

— Мисти Ливен уже ушла. Занятие прошло хорошо... Эмм... тихо.

Ну вот же оно — счастье!

— Где сейчас Эдвина?

— Мисти Эдвина и её светлость в столовой. Ужинают. Хотели дождаться вас, но время уже позднее, а мисти Эдвине скоро пора будет отдыхать.

— Спасибо, Ильва, — поблагодарил я горничную за обнадёживающий отчёт и, немного освежившись в ванной комнате, отправился в столовую.

Эдвина и Женя ужинают вместе... Интересно. И страшно одновременно. Думал, после сегодняшнего, девочка вообще на нас не посмотрит, но каково же было моё удивление (если не сказать — шок), когда я застал свою племянницу мирно беседующей с иномирянкой. Ключевое слово — мирно! Спокойно. Я даже заметил мимолётную, но всё-таки улыбку, промелькнувшую на губах Эдвины.

Это вообще что?!

Может, я пьян и мне всё мерещится? Но ни в какие кабаки по дороге домой не заезжал, был только в госпитале, а оттуда, как образцовый семьянин, сразу в лоно семьи.

— Всё хорошо? — спросил настороженно.

Женская половина семьи Делагарди перевели на меня взгляды, и Женя, чуть слышно хмыкнув, сказала:

— И тебе добрый вечер, Эндер. Как прошла встреча у короля?

— Лучше не спрашивай.

— Настолько плохо?

— Скорее, бесполезно.

С наслаждением, которое не описать словами, опустился в кресло. Ко мне тут же подскочила служанка, чтобы наполнить тарелку пусть и немного остывшей едой, но сейчас самой для меня вкусной и

желанной. А после того как бокал наполнился вином, я окончательно почувствовал себя драконом, честно заслужившим один спокойный вечер дома.

— А вот у Раннвей, наоборот, день прошёл с пользой, — заявила Эдвина, отчего я едва не поперхнулся терпким напитком.

Воззрился на свою «благоверную», гадая, можно уже начинать бояться или паниковать всё же ещё рано.

Напряжённо поинтересовался:

— Что ты сделала на этот раз?

— Поговорила с мейстом Гастфером! — вместо иномирянки ответила Эдвина. Да и не ответила — радостно возвестила. — Меня сегодня проверяли. И вот что мне дали!

Хвастливо протянув мне правую руку, она продемонстрировала браслет с эмблемой гимназии на тонком овале из чёрного серебра.

— Учителя все были в шоке, когда поняли, каким даром я обладаю. Сказали, что без браслета мне вне гимназии не обойтись.

Я вопросительно посмотрел на племянницу:

— То есть когда я дал тебе подавляющее силу украшение, ты потом на меня ещё несколько дней обижалась, а сейчас едва не светишься от счастья?

— Тут другое! — весело отозвалась девочка. — Меня не заставляли — я сама его надела. А главное, видел бы ты их лица! А уж лица моих одноклассников — это вообще отдельная история! Я... я первая среди них удостоилась браслета!

Хвастливо задрав подбородок, Эдвина вернулась к десерту, а я перевёл взгляд на Женю. Суд по выражению её лица раскаянья в том, что всё решила за меня, она не испытывала. Одарив меня очаровательной улыбкой, словно та могла затмить её самовольство, произнесла:

— К тому же от этого артефакта Эдвине не будет так плохо, как было вчера. Браслет просто не допустит спонтанных выплесков силы, а насчёт намеренных...

— Я поняла, — заполнила многозначительную паузу девочка. — Никакого намеренного обращения к дару. По крайней мере, пока не научусь с ним справляться!

— Я не то имела в виду, — начала было иномирянка, но Эдвина уже подскочила с места и, пожелав нам спокойной ночи, поспешила



прочь из столовой. — Последние её слова прозвучали пугающе... — добавила она чуть слышно, проводив девочку взглядом.

Залпом осушив бокал, я осведомился:

— Ничего мне не хочешь объяснить?

Она закусила губу, словно задумавшись на мгновение, и пока я, сам не знаю зачем, гипнотизировал взглядом её рот и эту самую закусенную губу, девчонка подалась ко мне, накрыла мою руку своей (вот что замышляет!) и вкрадчиво так сказала:

— Это всё потом... Поможешь мне вернуть Вильму? У меня есть план, есть всё необходимое. Кроме дракона. Александр не подойдёт. Во-первых, он не должен знать, что я общаюсь с духами, во-вторых, вряд ли тебе понравится, если я уединюсь с ним глубокой ночью.

— Точно не понравится! — ответил я прежде, чем успел осмыслить всё, что она произнесла.

— Тогда решено! — Женя просияла, и её лицо окрасилось румянцем. Предательски соблазнительным, я бы даже сказал — опасным. Опасным для меня. — Ты и станешь моим подопытным крол... Я хотела сказать, моим помощником-драконом. Только здесь, — она со вздохом огляделась, — в доме, напичканном охранными чарами, провести ритуал не получится. Поэтому как насчёт номера в отеле? Снимем на ночь! Мы же супруги. Нам можно.

И замолчала, ожидая моей реакции.

## Глава 10. О том, как не стоит уединяться в номере отеля

*Женя Исаева*

Посиделки в библиотеке не прошли даром. Конечно, нам пришлось изрядно попотеть, а точнее, проторчать там до самого вечера, но оно того стоило! Способ вытащить Вильму из зазеркалья был найден, и я почувствовала, что начинаю расслабляться. Может, конечно, и рано — старушка ещё не найдена, но с надеждой всегда жить легче. И веселее.

Улыбнувшись (наверное, до самых ушей) Александру, попросила отнести книги обратно. Кроме одной.

— Пока будешь расставлять, я ещё немного почитаю.

— Можем оставить всё как есть. Помощники библиотекаря потом сами всё расставят.

Я бросила взгляд на терпеливо дожидавшихся в стороне молодых парней и мягко, но с непреклонными нотками в голосе сказала:

— И всё же помоги им. Мы и так задержались до самого закрытия.

Не знаю, что Мориан подумал — наверное, решил, что это очередной каприз сумасбродной леди, — но книги послушно собрал и отправился расставлять. Я же тем временем выхватила из стопки листков один, притянула к себе пишущие принадлежности и быстро переписала все этапы нужного ритуала с поэтическим названием «Раскрытие зеркального капкана».

Оставалось надеяться, что всё пройдет успешно и я не призову какую-нибудь левую душу. А ещё — что этот обряд действительно работает, а не является лишь плодом воображения неизвестного дракона.

Ко всему прочему имелась небольшая загвоздка. Точнее, две загвоздки. Во-первых, даже будучи зрящей, я не могла просто взять и притянуть к себе душу. Всегда нужна так называемая наживка — кто-то из близких умершего. Если у Вильмы и оставались в живых родные, я о них ничего не знала. Сама я, видимо, была для неё недостаточно

родной, а может, возникшая после смерти связь во внимание не принималась, иначе бы уже давно увиделась со своей подругой.

К счастью, тут мне мог помочь Делагарди. Это если верить словам дракона, составившего подборку связанных с зеркалами обрядов.

Вторая проблема — дом ультора, в который ни одному духу теперь даже не сунуться. Но и тут я, немного пораскинув мозгами, нашла решение. Нам просто нужно выбраться в какое-нибудь другое место. А куда можно выбраться по-быстрому, не тратя ни времени, ни усилий? Правильно, в гостиницу.

Это-то я и собиралась озвучить «благочестивому» сразу по его возвращении. Общение с Эдвиной (на удивление приятное!) отвлекло от мыслей о Вильме, и время до прихода Эндера пролетело незаметно.

Усталый вид дракона немного понизил градус моего ажиотажа, но стоило Эвдине удрасть из столовой, как я всё ему сразу выложила. Выпала на одном дыхании и замолчала, с надеждой глядя на хмурого палача, грозу всех искажённых и просто вконец уставшего дракона.

— То есть ты предлагаешь провести ритуал, о котором мало что знаешь, как и в целом о свойстве зеркал, а в качестве наживки собираешься использовать меня?

Я открыла было рот, собираясь облечь голую суть, изложенную драконом, в привлекательную «обложку» из красивых слов, но «муж» продолжал:

— И как ты ещё сказала? Превратить меня в подопытного кролика?

— Не кролика, а помощника. Оговорила просто. — Сама не веря, что это делаю, подалась к Делагарди, накрыла его руку своей ладонью и, продолжая смотреть глазами кота из культового мультика, добавила: — Мне нужна твоя помощь. Очень. А Вильме нужна я. Как уже сказала, я не могу попросить Александра, при этом не раскрыв своего дара.

— Но от задуманного не откажешься?

Качнула головой, поджала губы.

Тяжело вздохнув, Делагарди откинулся на спинку кресла, разрывая наше прикосновение. Глотнул вина, явно размышляя над моими словами, а может, гадая, как бы меня послать поделикатнее. Я же продолжала сидеть, затаив дыхание. Ожидая его решения.

Ждала чего угодно, но не такого:

— Возможно, это и не такая уж плохая идея. Если повезёт, твоя подружка расскажет нам хотя бы что-то о той тени.

Надо же! Мои старания оценили. В кои-то веки...

— Обязательно расскажет! — с жаром заверила я. — Если Вильме удалось что-то узнать, она не станет молчать!

А вот нам пришлось ненадолго умолкнуть. Вернулась служанка, чтобы поинтересоваться, желает ли эйрэ десерт. От десерта он отказался, заявив, что сладостями он и его очаровательная супруга наслаждаются в ресторане отеля «Кармарские сумерки».

— Там подают лучшее в Гратцвиге мороженое. И эклеры, — обращаясь ко мне, сказал «благоверный».

— Ах, помню эти эклеры! — подыграла я и попросила горничную принести мою верхнюю одежду.

Быстренько собравшись, мы поехали в «Кармарские сумерки». Листок с ритуалом ждал своего звёздного часа в моём ридикюле.

\* \* \*

*Эндер Делагарди*

Должно быть, я сошёл с ума. Иначе как можно объяснить то, что я с такой лёгкостью согласился на её авантюру? Ради расследования? Наверное. Если честно, я и сам не был уверен, почему сказал «да». Но в тот момент, когда меня коснулась маленькая тёплая ладошка, когда пальцы иномирянки накрыли мои, понял, что отказать ей не смогу при всём желании. Да и не было у меня такого желания. Было другое, но...

Но расследование, Эндер. Этот призрак нам нужен. Если действительно получится освободить его, как утверждает Женя, возможно, получится узнать больше о тени.

Именно это я повторял себе, везя её в «Кармарские сумерки». Свою липовую жену, с которой заключил договор на год. Деловой. Простой и понятный. Единственное, что нас связывает — это Эдвина. Ну и странный дар Жени, который может оказаться полезным.

Всё!

Больше мне от неё ничего не нужно. Больше...

— Ты чего такой насупленный? — раздался голос иномирянки, игриво подхватившей меня под руку.

Погружённый в мысли, не заметил, как мы вошли в фойе, и Женя тут же вошла в роль. Включила в себе Раннвей, милую,

очаровательную драконицу, доверчиво льнущую к супругу. Вдохнул аромат её духов и вдруг понял, что мне нравится этот запах. Ранней любила удушающую сладость, от Жени же пахло свежестью, свободой. Солью, морским бризом, с лёгким, едва уловимым цветочным флёром.

— Приём, приём. Земля вызывает дракона. — Девушка легонько пихнула меня локтем в бок, снова возвращая в реальность.

В этой реальности мы уже успели подойти к длинной мраморной стойке, из-за которой нам приветливо улыбнулся портье.

— Ваша светлость, — ещё шире улыбнулся мужчина, — желаете столик в ресторане? У нас как раз остался один свободный...

— Желаем снять номер, — ещё крепче прижалась ко мне «жёнущка».

— Номер? — Портье в удивлении вскинул брови, явно удивлённый, на кой харг супружеской паре сдался номер. Вот если бы мы были любовниками...

Мысль о Жене в роли моей любовницы со всем отсюда вытекающем увела было меня не в те дали, но голос иномирянки снова вернул в здесь и сейчас.

— С просторной спальней и зеркалами. Побольше зеркал...

Брови портье снова поползли вверх. Наверное, у него, как и у меня, была богатая фантазия, и в данный момент он живо представлял, зачем нам в спальне могут понадобиться зеркала.

Кашлянув, я поспешил сказать:

— У нас в доме ремонт. Леди Делагарди не переносит резкие запахи, которых, увы, не избежать во время реставрации.

— Спать из-за них не могу, — подтвердила «моя половина» и забавно наморщила носик, всем своим видом показывая, как ей неприятны резкие запахи.

— Да, да, могу себе представить, — закивал сотрудник отеля. Отвернувшись, снял с доски ключ с серебряным брелоком, имитирующим не то заходящее солнце, не то половину лепёшки и протянул его мне. — Наш лучший номер.

— С зеркалами? — недоверчиво уточнила иномирянка.

— В спальне имеется трельяж и одно напольное зеркало.

— Принесите ещё два, — распорядилась Женя, а я забрал у портье ключ.

— Ваш багаж? — заикнулся было он, но поняв, что следом за нами не вошёл ни слуга, ни водитель, отпустил без дальнейших вопросов.

Я повёл «жену» к левитационной платформе, на которую нас с поклоном пригласил ещё один сотрудник отеля в тёмно-зелёной униформе.

— Четвёртый этаж, — сказал я, взглянув на номер, выгравированный на серебряной «лепёшке», и платформа медленно поползла вверх.

Заряженный магией механизм чуть слышно скрежетал, и это единственное, что нарушало тишину, пока мы поднимались. А оказавшись в номере, просторной гостиной, Женя стала придирчиво осматриваться. Приблизилась к зеркалу на стене в тяжёлой резной раме, сказала:

— Это тоже возьмём.

— Не хочешь рассказать, как будет проходить обряд? — с усмешкой поинтересовался я, наблюдая за озирающейся девушкой.

— Нам нужны зеркала...

— Это я уже понял.

— И чем больше, тем лучше. Так будет проще заметить Вильму и попытаться её вытащить. Каждое зеркало своего рода дверь. Больше дверей, больше выходов.

Иномирянка замолчала, когда в дверь постучали. Принесли затребованные напольные зеркала, которые она попросила сразу отнести в спальню. А заодно снять со стены то, что заприметила в гостиной.

— Да, его сюда, к стене прислоните. Прямо напротив кровати. Отлично!

Эти двое оказались более сдержаны на эмоции, но уверен, тоже успели себе напридумывать. А может, уже настолько привыкли к заскокам постояльцев, что просто не обращали на странные просьбы внимания.

Проводив носильщиков, я вернулся в спальню.

— Что дальше?

— А дальше... — Девушка на пару мгновений замялась, а после, кашлянув, тихо сказала: — Нам с тобой придётся раздеться.

Тут уже и я вопросительно вскинул брови и совершенно справедливо поинтересовался:

— А мы сюда точно пришли спасать твою Вильму?

«Жена» вспыхнула и возмутилась:

— У вас, мужчин, только в одну сторону идут мысли!

— А куда им ещё идти, когда тебя приводят в спальню и сразу, можно сказать, с порога предлагают раздеться?

Фыркнув, она раскрыла сумочку и протянула мне сложенный вдвое листок бумаги:

— В книге было написано, что лишняя одежда может мешать. Налаживать с зазеркальем связь... Мне в моей практике она никогда не мешала, но раз уж там так сказано...

Я пробежался по строчкам взглядом.

В гимназии тема зеркал освещалась, но очень поверхностно. В Кармаре и соседних королевствах верили в Великого Дракона и злых духов, которых называли харгами. В Чёрную Матерь, Майвор, и Пепельную деву, Найву. Ни в нашей религии, ни в наших легендах не было ни одного упоминания о мирах, сокрытых в зазеркалье, о зеркальных тюрьмах либо зеркальных ловушках. Но это не значит, что того, во что мы не привыкли верить, не существует. В некоторых заокеанских странах зеркала считаются священными, а во многих племенах Гайры избегают, например, смотреть в воду, опасаясь увидеть там своё отражение. Аборигены считают, что за тонкой гранью прячутся могущественные, опасные твари. Через отражение они способны пробираться в мир живых, завладеть телом и сознанием человека.

Вернув листок Жене, я сухо поинтересовался:

— А если бы я не согласился? Ты бы то же самое проделала с Александром?

— Ну ты же согласился. Смысл теперь возмущаться? — хмыкнула иномирянка.

Отвернувшись, стала неторопливо, явно без особого желания расстёгивать платье. Глядя на неё (по-другому почему-то не получалось), я снял сюртук, стянул через голову рубашку.

— Штаны можешь оставить!

Мне показалось, или её голос дрогнул от волнения?

Не сдержавшись, поддел девушку:

— А они не будут мешать налаживанию... кхм... связи?

— Ты видел, что там написано? — немного повернув голову, спросила Женя и тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: — Полностью обнажаться нет необходимости. Ладони, ступни, грудь... Чтобы между сердцем взывающего и искомой душой не осталось преграды.

Грудная клетка, по всей видимости, за преграду не считалась.

— Я просто хочу, чтобы у нас всё получилось.

Не знаю почему, но мне вдруг стало весело. Волнующаяся Женя выглядела забавно и мило. Такая Женя притягивала не только взгляд. Хотелось подойти к ней, откинуть на плечо волосы и помочь избавиться от каждой шёлковой и атласной «преграды». Медленно, наслаждаясь ощущением тёплой кожи под пальцами. Снять с неё платье, корсет, сорочку... И при этом ласкать её, проводя ладонями по плечам, талии, позвоночнику. В идеале не только ладонями и не только до талии. Можно и дальше, губами, пока мы оба окончательно не растворимся в этом увлекательном занятии.

— Я готова.

Девушка обернулась, и я понял, что тоже готов. Но только не к обряду.

Харг бы побрал мою бурную фантазию!

— А как же волосы? — бросил, скользя по ней взглядом. Даже по моим ощущениям, слишком пристальным и слишком жадным.

— А что с ними? — зарделась моя «супруга», успевшая избавиться не только от корсета и юбок, но и от сорочки, в снятии которой мне так хотелось оказать ей посильную помощь.

Распущенными волосами она стыдливо прикрыла грудь, оставляя простор для запретных мыслей и грёз.

— Они не будут мешать ритуалу?

Иномирянка снова вспыхнула:

— Волосы — это часть тела!

— Как скажешь, — согласился я, решив, что так и правда будет лучше. Меньше искушений — меньше шансов, что я окончательно сойду с ума.

Избавившись от обуви, сел в своеобразный круг, сформированный зеркалами. Женя опустилась напротив. Юркнула на пол, на ковёр,



скрестив стройные ножки в панталонах. Больше на ней ничего не было... не считая волос, и это одновременно и радовало, и раздражало.

Хрупкая, изящная и вместе с тем такая... манящая.

Вот уж странно, Раннвей меня никогда не привлекала. Она выглядела слишком худой, слишком болезненной и слишком хрупкой. Но совсем в ином смысле: казалось, стоит лишь раз её коснуться — и она, как статуэтка из тончайшего фарфора, сразу разобьётся. Фигурой Раннвей напоминала недозревшего подростка. И я, как ни пытался, так и не смог увидеть в ней женщины, которую хотелось бы желать и уж тем более любить.

Ещё и её извечный ко мне страх...

Женя протянула руки, и я, будто заблудившийся путник, угодивший в плен прекрасной лесной нимфы, накрыл её ладони своими. Сплёл наши пальцы. Её были тёплыми, мягкими и немного подрагивали.

— Надеюсь, драконья магия в твоей крови сумеет её притянуть. А я уже как-нибудь вытащу. — Слабо улыбнувшись, она бросила взгляд на листок бумаги, белеющий на тёмном ворсе дорогого умерского ковра, и снова посмотрела на меня.

— Готов?

К ритуалу, Эндер. К ритуалу.

— Подопытный кролик в вашем полном распоряжении, леди, — ответил я, пытаясь шуткой разрядить явно наэлектризованную обстановку.

Казалось, искрами вокруг нас был заряжен сам воздух. Вполне возможно, что казалось только мне — Женя выглядела собранной и сосредоточенной, как и полагается при проведении ритуала.

В который раз отвесив себе мысленный подзатыльник, кивнул и стал произносить аккуратно выведенные на листке слова. Посмотрим, насколько сильна во мне драконья магия. И насколько умела в своём даре иномирянка.

Прочитав до конца, я замолчал, бросил по сторонам взгляд. В зеркалах по-прежнему отражались мы: я и моя «жена». На духов — ни злых, ни потерявшихся — ничто даже не намекало.

Закусив губу (второй раз за этот странный вечер), девушка вздохнула:

— Надо повторять. Пока не появится.

Или пока я не охрипну, или не сойду с ума от желания откинуть ей на спину эти злосчастные пряди. Волосы у Раннвей бесспорно были красивыми, но, как по мне, уж слишком длинными: скрывались не только аккуратную грудь, но и плоский животик. Полоску кружев панталон и...

— Эндер?

Поняв, что я снова потерялся в своих мыслях, плотских и, наверное, низменных, далёких от мира духов и магии, продолжил произносить слова, уже по памяти. Второй раз, третий... А за ним ещё и ещё, с каждым разом замечая, как тускнеет её взгляд. Как надежда гаснет, и всё, что остаётся в Жене — это горечь разочарования.

— Должно быть, я что-то делаю не так, — прошептала она чуть ли не со слезами на глазах. — Или недостаточно сосредоточена, или неправильно текст переписала... Растяпа! А может...

— Нужно время, — мягко перебил её я. — И терпение. Если не получится сегодня, вернёмся ещё раз. И так до тех пор, пока не вытащим твоего призрака.

Или пока я, уступив соблазну, не совершу какую-нибудь глупость.

Благодарно улыбнувшись, иномирянка кивнула и мы продолжили призывать духа.

Я не солгал, ритуалы действительно не проводились по щелчку пальцев, нужны были не только терпение и сила, но и концентрация. Вот с последним проблемы были явно у меня. И тем не менее я не сдавался, продолжал повторять слова обряда. Снова и снова, пока не заметил, как гладь зеркал начинает темнеть, как будто тускнея в свете бра. Да и сами светильники притушились, а пламя над свечами тревожно затрепетало. Одна свеча даже успела погаснуть.

— Ты это видишь? — взволнованно выдохнула Женья.

— Проблемы со светом?

— Нет... эт-т-то... — Скованная, напряжённая, она перевела взгляд с одного зеркала на другое и вдруг, испуганно вскрикнув, подалась ко мне, словно ища защиты.

От неожиданности я откинулся на спину, Женья полетела на меня, а спустя мгновение (сам не понял, как так получилось) сверху уже был я.

\* \* \*

*Женья Исаева*

Желание вернуть Вильму помогло справиться и со смущением, и с тем другим чувством, которое нет-нет да и заволакивало разум, стоило дракону оказаться рядом. А сейчас он был очень близко, на расстоянии вытянутой руки. Его пальцы касались моих, непроизвольно их поглаживая, но я старалась не отвлекаться. Очень старалась!

Вроде получалось...

Я концентрировалась на своём даре, на Вильме, изо всех сил пытаюсь разглядеть свою призрачную подругу в отражении зеркал. Её, а не меня и палача: его обнажённую грудь, твёрдые плечи, плоский живот, изрезанный кубиками пресса.

Угу, получалось. Вроде бы...

Отругав себя в мыслях, уже не знаю какой по счёту раз за последние полчаса, снова бросила взгляд в зеркальную гладь и... чуть не поседела от страха. В полумраке, затянувшем спальню, отчётливо различила духа. Только не свою милую старушку, а «чернильную кляксу», с которой уже была знакома. А может, это была другая... У этой «красавицы», в отличие от кукловода искажённых, имелось лицо. Или скорее жуткая-прежуткая морда. Чудовищный оскал и затянутые туманным бельмом глаза я хорошо запомнила. Как и когтистую ручищу-лапу, потянувшуюся было ко мне из зеркала. И я, не помня себя от страха, потянулась к Делагарди. Мгновение спустя оказалась в его объятиях. Я на нём, а потом он... на мне.

Несколько секунд он смотрел мне в глаза, я — в его. Не ядовито-зелёные, а в сгустившейся вокруг нас тьме почти чёрные. Смотрела и понимала, что взглянуть куда-то ещё просто не в состоянии. Страшно! А ещё... Было сложно отвести от него взгляд.

— Женья... — Он подался ко мне, полностью накрывая собой, тяжестью своего тела, а я...

Я проблеяла:

— Там... тьма. Ну то есть клякса! Я...

И секунды не прошло, как Эндер поднялся, машинально положил руку на бок, словно в поисках пистолета. Но пистолета с ним не было. Да и какой от него толк, когда речь идёт о тени.

Когтистой, зубастой и омерзительно пугающей тени.

— Где она? — резкие, чеканные слова.

Приняв сидячее положение, усилием воли заставила себя взглянуть на зеркала. Одно, другое, третье... Ни в одном не было тени.

— Ушла, — пробормотала я растерянно, продолжая скользить взглядом по серебристой глади.

Тьма, накрывшая нас удушающим пологом, отступила, рассеялась, светильники снова разгорелись. А может, они и до этого нормально горели, просто моё воображение решило добавить драмы.

— Точно её видела?

— Так же отчётливо, как вижу сейчас тебя.

— Та самая? — Делгарди повернулся ко мне, но было видно, что он по-прежнему напряжён, сосредоточен и готов начать действовать в любое мгновение.

— Сложно сказать. Эта как будто была... более пугающая.

Если быть более пугающей вообще возможно.

Поднялась и, обхватив плечи руками, поспешила к кровати, на которой оставила свои вещи. Продолжать, понятное дело, не хотелось. Это могло быть опасно и чревато страшными последствиями. Не терпелось отсюда убраться. Что же касается зеркал... Боюсь, в ближайшее время я даже в лужи буду бояться смотреть.

— Давай уйдём отсюда, — попросила, спешно одеваясь.

— Уверена, что тени здесь нет?

Оглядевшись, покачала головой. Присутствия духа я не чувствовала. Оставалось надеяться, что он так и остался там, за зеркальной чертой, и я не натворила никакой глупости.

Чертыхнувшись, попробовала затянуть корсет, но пальцы не слушались, соскальзывали со шнуровки, предательски дрожали.

— Давай помогу. — Не дожидаясь ответа, дракон встал сзади и принял на себя бразды правления дурацким элементом женского туалета.

Пока его пальцы умело управлялись со шнуровкой, а тёплое дыхание щекотало мне плечи, я нервно дёргала себя за кончики волос. Странный вечер. Странная тень и ещё более странный Делгарди, который, кажется, едва меня не поцеловал. Если бы вовремя не вспомнила о том, что именно бросило меня в его объятия, его светлость уже всю бы нарушал условия нашего контракта.

Что же касается меня...

— Извини, — послышалось тихое. — Больше этого не повторится. — Помедлив, Эндер отстранился.

Кивнула и взяла в руки корсаж.

— Ты не мог бы...

— Выйти?

— Отвернуться! — поправила его нервно, совсем не желая, чтобы меня оставляли наедине с зеркалами.

И кажется, не только здесь. Сегодня ночью дверь между нашими спальнями снова будет открытой и все последующие ночи, чует моё сердце, тоже.

## Глава 11. Докучливое прошлое эйрэ

В следующие два дня я и Королевская библиотека Кармара стали не разлей вода. Вместе с Александром я приезжала туда к открытию, а уезжала, когда помощники библиотекаря во главе, собственно, с самим библиотекарем своими покашливаниями и мельтешением перед глазами начинали намекать, что пора бы нам уже и честь знать.

Мориан очень помогал. Таскал книги, вместе со мной читал. Не уверена, что этот процесс вдохновлял его так же, как какое-нибудь расследование, но он сам подписался на это. А может, нянчится со мной его заставили. Наверное, всё-таки второе, чем первое.

— Извини, — как-то сказала я, оторвавшись от очередной бесполезной книжки.

Нет, я многое узнала про зеркала и гипотетические миры зазеркалья (каждый автор представлял их по-разному), но так и не выяснила, как помочь Вильме. Снова попробовать провести тот обряд? Опасно. Ещё призову какую-нибудь клыкастую дрянь, похлеще той, что за искажёнными шастает, а потом придётся думать, как загнать её обратно.

Но и сдаваться я тоже не собиралась.

— За что? — Мориан тоже оторвал взгляд от книжного разворота.

— Уверена, что ты не так представлял свою службу в следственном управлении. Вместо настоящей работы вынужден возиться с помешанной на зеркалах девицей.

Александр улыбнулся:

— Во-первых, я люблю читать. За последние дни о зеркалах я узнал больше, чем за несколько месяцев в гимназии. Во-вторых, мне нравится проводить с тобой время. Было бы ещё интереснее, если бы я понимал, зачем тебе всё это. — Он покосился на три высоченные стопки книг, образующие между нами своеобразную баррикаду.

Я тихонько кашлянула и выдала нечто маловразумительное:

— Меня всегда интересовала эта тема. Но как тебе, наверное, известно, в гимназии я надолго не задержалась — оказалось, что мне там делать нечего. Потом была помолвка, свадьба, а после... эмм... обитель. В том месте... где я четыре года находилась, не было ничего

про зеркала. А сейчас у меня полно времени, которое совершенно нечем занять.

В общем, выкрутилась.

Не знаю, удовлетворился ли Александр таким ответом, но копать не стал. Он у нас тактичный мальчик, к тому же понимает, что допытываться не имеет права.

В пятницу мы пробыли в библиотеке только до обеда и снова всё было без толку. Я бы с удовольствием снова осталась здесь до закрытия, но на вечер у нас с «мужем» была запланирована вылазка в оперу. Сопровождать его на светские мероприятия — одно из основных условий контракта. К тому же мне и самой было любопытно, какие в местных театрах дают представления.

Мы с Кастеном были пару раз в заправских театрах Пограничья (не считая того, в котором я по глупости своей стала драконьей добычей), но уверена, они и в подмётки не годились столичному театру. И труппы здесь выступают совсем другие.

Пообедав и немного отдохнув, стала собираться. Выбор вечернего туалета пал на платье из изумрудного шёлка и бархата. Ну прямо под цвет глаз Делаярди. Глубокое декольте и открытые плечи оттеняло светлое кружево. Из него же был сделан веер, по пластинам которого вился изящный золотой узор. Белоснежные перчатки до локтей и бинокль, который с трудом удалось утрамбовать в маленькую сумочку, довершали образ леди Высокого дома. Ах да, ещё были атласные туфельки и бриллиантовая парюра: серьги, два колечка и увесистое ожерелье. О брачном браслете тоже не забыли: без него не обходилось ни одно светское событие.

Корсет мне затянули так, что я решила до конца вечера больше не дышать. Не напрягаться и даже не пытаться — всё равно ничего не выйдет. А если в театре будут предлагать закуски и шампанское, боюсь, в меня не поместится ни пузырьёчка, ни даже самого крохотного кусочка. И даже если всё-таки поместится, сразу выйдет.

Когда Делаярди постучался в мою спальню, чтобы узнать, готова ли его ненаглядная, застал меня при полном параде. Почему-то осёкся, так и не договорив слова приветствия, и несколько секунд просто скользил по мне взглядом.

— Что-то не так? — спросила, поправляя надетые поверх перчаток браслет и кольца.

Его драконство сразу отмер:

— Всё хорошо... Отлично! Вернее... я хотел сказать, что ты выглядишь отлично.

— Под стать вашей светлости, — я кокетливо улыбнулась.

Нет, я не собиралась с ним кокетничать и строить ему глазки, но видимо, роскошный наряд оказывал на его хозяйку пагубное влияние.

Да, во всём виновато платье. И украшения, и перчатки. Всё они, коварные.

— Если ты готова, можем выезжать, — продолжил Эндер, вместе с тем продолжая скользить по мне взглядом.

Тут же приблизилась Минна, чтобы набросить мне на плечи накидку из белоснежного пушистого меха. И я, подхватив юбки, кивнула Эндеру.

Одетый во фрак, белоснежный жилет и бабочку в тон ему и рубашке, он выглядел как ожившая мечта любой почитательницы романов о пылких чувствах и неукротимой страсти. Я любовные романы редко читала, а значит, и «мечта» в нескольких сантиметрах от меня была не моя.

Да, точно не моя.

\* \* \*

В машине мы почти не разговаривали. Впереди сидел Вернер, умело управляясь с этим фырчащим агрегатом, а потому приходилось помалкивать. Ни про расследование не спросишь, ни про Вильму не расскажешь. Впрочем, рассказывать было нечего. Я упёрлась лбом в стену, и это действовало на нервы. Одна лишь мысль о том, чтобы сдаться, вгоняла меня в такую тоску, что хотелось не то начать стонать, не то и вовсе заскулить как побитая собака.

Но не стану.

Женя Исаева не привыкла опускать руки и сейчас не буду изменять своим привычкам. Пусть я и выгляжу как нежная пташка Раннвей, но внутри совсем другая.

Чтобы хоть немного отвлечься от мрачных мыслей, спросила, как там поживает в больнице Бальдер.

— Ему уже намного лучше. На выходных за ним ещё понаблюдают и, если всё так и останется в порядке, отпустят.

Это значило, что следующая неделя начнётся с возвращения злюки-дворецкого.



— А что же наши выходные... — начала я и выразительно посмотрела на «благоверного».

— А что с ними?

— Свежий воздух, деревня, новые знакомства, — напомнила о следственных планах и моей скромной роли в деле убитой помощницы мистис Стины.

Делагарди слегка нахмурился:

— Не передумала?

— С чего бы?

— Я решил, ты снова захочешь в библиотеку.

— И мне, и Мориану нужна короткая передышка. Мне — от книжек, Мориану — от меня.

Кивнув, дракон согласился:

— Значит, завтра утром поедем в Корвин. — И добавил, прекрасно понимая, что Вернер нас слышит: — Твои услуги не понадобятся. Я сам поведу.

— Как будет угодно, эйрэ, — отозвался водитель и снова сосредоточился на дороге.

А я на театре, к которому мы не спеша подъезжали. Увенчанное светлым перламутром куполом, будто сделанным из слоновой кости, здание было щедро залито огнями. Фонари вдоль подъездной дороги и вокруг фонтана с девой, удерживающей в руках арфу, отбрасывали по сторонам блики тёплого света. Он отражался от стёкол паромобилей, подобно маленьким золотым рыбками нырял в воду, брызгами рассыпающуюся вокруг каменной красавицы. Расходящаяся подковой лестница тоже была ярко освещена, и по ней, явно никуда не торопясь, поднимались разряженные театралы. На многих леди были меха или как минимум отороченные мехом накидки. Мужчины все до единого во фраках и в блестящих цилиндрах. Лакеи с почтительными поклонами распахивали перед каждой парой двери и приглашали внутрь.

Я с интересом рассматривала всех и каждого, не забывая уделять внимание и богатой архитектуре театра. Перила с ажурной балюстрадой, колонны, взмывающие к самому куполу, обрамлённому статуями девушек и юношей в античных тогах, такими же искусными, как и та, что мечтательно нам улыбалась посреди фонтана.

— Нравится? — подавшись ко мне, шепнул Эндер.

Немного смутившись, кивнула:

— Очень красиво.

В прошлой жизни я часто бывала в театрах в качестве артистки, а теперь буду только зрительницей. С тех пор как стала Раннвей ни разу не села за пианино. Раньше просто не представлялось возможности, а в доме дракона я обходила рояль десятой дорогой. Четыре с половиной года, новое тело... Боюсь, я не смогу исполнить даже самого простейшего этюда.

— О чём задумалась? — спросил эйрэ, помогая мне выйти из паромобиля.

— О музыке, — ответила я.

Больше ничего сказать не успела — нас заметили. Сначала приблизилась пожилая чета, чтобы поздравить меня со счастливым возвращением к родным пенатам. С ними мы тащились до лестницы, где эстафету перехватила супружеская пара помоложе, чтобы сказать примерно то же самое. Делагарди умело перетягивал на себя внимание жаждущих пообщаться, отвечал на вопросы, пока я очаровательно улыбалась и кивала, кивала и улыбалась.

Рано или поздно ажиотаж вокруг Раннвей стихнет, и тогда станет легче. А пока что придётся побыть гвоздём программы — мне за это платят. Точнее заплатят в будущем осуществлением мечты о тихой жизни в своём собственном домике подальше от теней, драконов, искажённых.

В фойе театра людей было если не море, то как минимум нескромных размеров озеро. Мы честно старались не задерживаться, но приходилось останавливаться чуть ли не на каждом шагу. Покивать, поулыбаться, пообщаться... Эндер мастерски играл роль светского джентльмена, и я старалась ему соответствовать.

Лишь на несколько секунд маска очаровательной леди сошла с лица, когда на ступенях лестницы, ведущей в ложи, я заметила дружную тройцу: Шанетт, Вольмара и Лейфа. Странная компашка тоже вперилась в меня взглядами, и по коже поползли мурашки. Что, если подойдут? Заговорят? Шанетт это дело любит: подходить, прилипать и болтать. А я рядом с Родингером становлюсь немного дурной. Не хочу дурнеть здесь, когда рядом столько людей.

— Так душно... — Я демонстративно взмахнула веером и, наплевав на правила приличия, попросила «мужа»: — Мы не могли бы

подняться в ложу?

— Конечно, любимая, — с самой тёплой из всех возможных интонаций отозвался мой спутник.

Извинился перед парочкой леди, приклеившихся к нам банными листами, и повёл наверх. К счастью, к другой лестницей, а не к той, которую забаррикадировали своими телами мутные друзья Раннвей.

Моё состояние не укрылось от внимания Делагарди.

— Ты побледнела.

— Увидела Шанетт и испугалась, что она опять пристанет на полвечера.

Дракон негромко хмыкнул:

— Она это может и тут, боюсь, ничего не поделает. Флеминг непрошибаема. Только и остаётся, что бежать от неё без оглядки.

Его шутка помогла расслабиться, я снова заулыбалась. В конце концов мы всё-таки добрались до ложи, правда, и там не обошлось без назойливого общества. Обмахиваясь веером, я скользила взглядом по партеру, по задрапированной красным бархатом сцене. Скорее бы уже начался первый акт, чтобы сидящая справа от меня пожилая матрона наконец умолкла.

Вскоре моим страданиям пришёл конец. Свет начал гаснуть, а музыка, до сих пор служившая ненавязчивым фоном, зазвучала громче.

— Начинается. — Я улыбнулась трещотке, и её ярко подведённый губы нехотя сомкнулись.

Не знаю как ультор, а я оперу всегда любила и следующие полтора часа искренне наслаждалась выступлением талантливой труппы. Особенно меня покорила голос солистки, казалось, проникавший в самую душу. Она мастерски передавала все эмоции, не играла, а проживала каждую сцену. Таким артистам я верила, в таких влюблялась и такими восхищалась, по-доброму завидуя их таланту.

Когда занавес опустился, даже почувствовала укол сожаления. Антракт? Вот зачем вообще...

— Не желаешь прогуляться? — Эндер поднялся с кресла.

Снова терпеть на себе назойливые взгляды и улыбаться, пока не начнёт неметь челюсть? Не желаю, но надо. К тому же справа уже распахнула свой алый «клювик» болтушка, и я прытко вложила ладонь в руку «мужа».

— С удовольствием, милый.

«Клювик» разочарованно захлопнулся. Пока мадам выуживала свои пышные телеса из кресла, мы уже успели выскочить из ложи и отойти на приличное расстояние. В общем, спрятались.

— Шампанского? — предложил мой заботливый дракон.

— Не откажусь. — Я снова раскрыла веер. В галерее из-за большого скопления зрителей было душно, если не сказать жарко.

— Продержишься без меня несколько минут?

Бросив по сторонам взгляд и не обнаружив ни Шанетт, ни её кавалеров, уверенно кивнула:

— Думаю, не пропаду.

Делагарди ушёл, а я встала возле приоткрытого окна. Просачивавшийся в щель осенний воздух приятно освежал, прохладной лаской скользил по обнажённым плечам. Пламя в настенном канделябре пугливо подрагивало, но не гасло. Я старательно делала вид, будто смотрю в окно, на окружавший театр вечерний парк, и очень не желаю, чтобы меня отвлекали от этого наиувлекательнейшего занятия.

Пару минут работало, а потом совсем близко раздался звонкий женский голос:

— Леди Делагарди!

Нехотя обернулась и встретила взглядом с прекрасными голубыми глазами:

— Боюсь, мы раньше не были друг другу представлены. Карола Ферзен. Близкая знакомая вашего супруга. — И словно уточняя (можно подумать, у меня гарем из мужей), с теплотой и лаской в голосе добавила: — Эндера Делагарди...

Близкая знакомая?

Помимо воли я нахмурилась и окинула девицу уже боле пристальным взглядом. Молоденькая. Не многим старше Раннвей. Каштановые волосы были собраны в нарядную причёску, украшенную не то бриллиантовым, не то инкрустированным фальшивыми камнями обручем. Светлое, с жемчужными переливами платье, тончайшая талия и пышная грудь, к которой красотка постаралась привлечь максимум внимания. Из глубокого декольте её прелести едва не вываливались. Личико смазливое. Не прямо чтобы писаная красавица,

но довольно миленькая. Или это мне не хотелось причислять её к писанным красавицам.

Она ещё толком не успела ничего сказать, а в сердце уже будто заноза попала.

— Рада, что вы благополучно возвратились, — тем временем, так и не дождавшись от меня никакой реакции, продолжала девушка. — Такому мужчине, как Эндер, не пристало оставаться без любящей и заботливой женщины.

— К счастью, у него есть я, — немного более мрачно, чем собиралась, ответила я.

— Есть сейчас, — хмыкнула мадам. — А вот четыре года назад... — И замолчала, явно надеясь, что я начну её расспрашивать.

Расспрашивать я не собиралась, хоть какую-то часть меня так и подмывало забросать её, как дробиками (острыми!), дюжиной вопросов. Но приходилось держать лицо. Тем более здесь, в театре. Громкий голос Каролы привлекал внимание окружающих, которого и так хватало.

Леди Ферзен слегка нахмурилась, поняв, что разговор идёт не по плану, она не получила реакции, на которую рассчитывала, и с придыханием выпалила:

— Пока вас не было, заботиться о нём приходилось мне.

Заботиться в постели, я так понимаю. Понять что-либо другое здесь не представлялось возможным.

— Предлагаете вас поблагодарить?

— Нет, всего лишь хочу предупредить. — Она сделала ко мне ещё один шаг и, раскрыв перьевой веер, чуть ли не на ушко, как доброй подруге, прошептала: — Скажем так, добрый совет от женщины, которой безразлично благополучие Эндера. Уделяйте мужу больше внимания, чтобы он снова не начал искать его в чужих объятиях. Но, увы... Видимо, вы недостаточно стараетесь, потому как буквально несколько дней назад он снова ко мне приезжал.

Снова. Ко мне. Приезжал.

Внутри что-то полыхнуло, а может, взорвалось, и держать лицо стало почти нереально. Не знаю, как сдержалась и не запихнула перья клятого веера язве в рот. Думаю, это было бы проще простого — такого поворота никто не ожидал от леди Высокого дома.

Представив Каролу с веером во рту, холодно поинтересовалась:

— Вы этим гордитесь?

— Чем именно? — захлопала аккуратно покрашенными ресницами красавица.

Нет, просто миленькая. И то, когда держит рот закрытым.

— Ролью подстилки. Вы с такой гордостью сообщаете, что ублажаете моего мужа: это очень похоже на гордость. А я бы на вашем месте стыдилась. Но видимо, все мы разные. И некоторых женщин... леди, — тут я презрительно хмыкнула, — всё устраивает. Устраивает роль развлечения на ночь.

Кажется, я немного увлеклась, забыла, что надо бы шептать, и вместо этого высказала своё мнение о такой разной женской природе весьма громко. Карола вспыхнула, побагровела и... замахнулась на меня веером.

— Ах ты ж...

Я оторопела. Но не от угрозы веера, а от того, что леди Ферзен вспыхнула не только фигурально, но и вполне себе реально. Из канделябра, возле которого мы бодались, вдруг выскользнула одна из свечек, чтобы благополучно приземлиться на шлейф сварливой леди. В полёте пламя не успело погаснуть, жадно лизнуло шёлковую ткань, а та, будто только того и ждала, вспыхнула ярко.

Запахло жареным. Ну то есть паленым, и счастливые свидетели этой душеспалательной сцены (боюсь, нам с Каролой суждено затмить громкую премьеру) дружно ахнули.

Я отпрянула, уворачиваясь от веера, и тактично заметила:

— Вы горите...

— Ещё бы мне не гореть после таких грязных обвинений! — выпалила кра... просто миленькая. — Да вы... А я...

Тут, с опозданием, она поняла, что в галерее действительно тянет дымом. Просачивавшийся в приоткрытое окно воздух поспособствовал быстрому воспламенению, и шепотки за спиной у любовницы дракона перешли в испуганные крики.

В следующее мгновение к нам протиснулся сам виновник всего произошедшего. Быстро оценив ситуацию, он не придумал ничего лучшего, кроме как плеснуть на шлейф шампанским сразу из двух бокалов, и огонь заплясал с ещё большим энтузиазмом. Карола, завизжав, попыталась крутануться, чтобы лично обзреть всю степень свалившегося на неё бедствия, но Делагарди действовал быстрее.

Швырнув бокалы на пол, начал топтаться по некогда изумительному шлейфу, а мадам Ферзен в безуспешной попытке повернуться запуталась в пламенеющих юбках и рухнула на пол.

Спустя ещё пару секунд к Эндеру присоединились другие джентльмены, чтобы от души потоптаться по леди. Ну то есть по её одежде. Видимо, решили, что такая возможность вряд когда-нибудь ещё представится, а потому надо отрываться.

Я бы и сама насладились этой сценой, а может, посочувствовала бы любовнице «мужа», но в какой-то момент она перестала меня заботить. Я просто выпала из реальности, когда увидела, как на подоконнике, озорно улыбаясь и по-детски болтая в воздухе ногами, сидит Вильма.

Моя Вильма?

От изумления машинально ущипнула себя за руку, но на этот раз старушка не исчезла. И видела я её не в зеркале, а прямо перед собой, на подоконнике. Весёлую и очень довольную.

— Вот она я! — радостно объявило привидение. — Много времени прошло? Чувство такое, будто меня здесь целую вечность не было!

— Одна неделя, — ответила я, не особо беспокоясь, что кто-то заметит разговаривающую с самой собой леди Делагарди.

Сейчас звездой программы была подкопчённая любовница моего фальшивого муженька, вокруг которой уже успела образоваться внушительных размеров толпа. Сочувствующие, переживающие и просто преисполненные любопытством. Заметив, как к толпе спешат работники театра, поманила за собой Вильму.

— Давай отойдём.

Моего исчезновения никто не заметил. Дойдя до конца галереи, я шмыгнула в дамскую уборную и прислушалась. Тихо. И пусто. Подойдя к зеркалу в массивной золочёной раме, увидела в его отражении раскрасневшуюся себя и улыбающуюся проказницу.

— У меня к тебе миллион вопросов.

— То же самое, родная. То же самое... — И прежде чем я успела хоть что-нибудь спросить, Вильма весело поинтересовалась: — Ну как? Понравился мой фокус со свечой? Вот уж прилипла! Надо было огреть её всем канделябром, но прицепили на совесть — не отдерёшь, хоть я и пыталась.

А раньше и пёрышко не с первой попытки сдвигала...

— Как ты вообще смогла выдержать свечку?

Вильма важно расправила плечи:

— Место, в которое утащила меня та чернильная жуть, конечно, не рай, но там есть сила, Женя. Настоящая силища! Сначала было очень страшно, я ото всех пряталась, а потом, когда поняла, что они делают, для чего используют зеркала и любые другие отражающие поверхности, решила действовать. Они питаются энергией. Живой материей, которую черпают из людей через отражения. Ну и я тоже попробовала... Чтобы с тобой связаться, чтобы сказать, что жива. Если так вообще можно обо мне сказать... И ты не подвела! Сразу за дело взялась.

— Погоди... — Я тряхнула головой, пытаюсь упорядочить всё, что сказала Вильма. Не уверена, что получилось — в мозгах была каша, которая сейчас кипела и бурлила. — Что это за место? От кого ты пряталась? От теней вроде той, что утащила тебя в зазеркалье? Они из любого отражения могут черпать эту самую... живую материю?

Покосившись на зеркало, поспешила отвернуться. Да чтоб я ещё хоть раз на себя взглянула!

— Место — без понятия, — ответил мой источник странной и немного пугающей информации. — Табличек там никаких, как ты понимаешь, не было. Теней... не то чтобы много, но с десяток я точно насчитала. И да, они все похожи, но в то же время разные. Какие-то сильнее, опаснее, а другие совсем слабые. Вот как я была в самом начале. Что же касается энергетического вампиризма...

Вильма замолчала, а я задержала дыхание. Не дождавшись ответа, выпалила:

— Ну!

— Что ну? — хмыкнула старушка. — Тут тоже всё мутно. Абы из кого, насколько поняла, тянуть не станут. Просто не смогут! Им нужно не то разрешение, не то приглашение... К сожалению, подружек я там себе не нашла, чтобы поболтать по душам. Как уже сказала, вообще им не показывалась. Боялась. Лишь когда та дрянная морда попыталась потянуть энергию из тебя и твоего дракона, вмешалась. А ты её очень даже пригласила — она там чуть с ума не сошла от счастья. Но я ей помешала!



Ещё выше задрал подбородок, всем своим видом показывая, как сильно она собой гордится, Вильма важно проплыла по туалету. Я ею тоже очень гордилась. Получается, если бы не она, знакомство с той когтистой мадам могло закончиться не просто стрессом, но и потерей энергии? Интересно, насколько пагубно это отражается на здоровье? Это был бы единоразовый вампиризм или она потом при любой возможности мной и Эндером «закусывала» бы?

Брр!

— Понятия не имею, как так вышло, но я вместо неё хлебнула драконьей силушки. И кажется, твоей немного угостилась. Вы-то, миленькие, и помогли мне выбраться. Оказавшись на этой стороне, первым делом попыталась пробиться к тебе домой — невозможно! Там всё закрыто. Можно сказать, заколочено! Безобразия какое-то...

— Это всё Делагарди. — Я развела руками, получив в ответ возмущённое восклицание, и поспешила добавить: — Боится, что помимо тебя в дом ещё что-нибудь проникнет, поэтому решил подстраховаться.

— Наверное, это правильно. — Вильма вздохнула. — Но я так привыкла тебя навещать...

Ответить я не успела, осеклась. Дверь в уборную приоткрылась, пропуская невысокую темноволосую леди. При виде меня она запнулась, а после короткого замешательства сказала:

— Леди Делагарди, вас его светлость повсюду разыскивает. Переживает.

Уже закончил со своей ненаглядной? К которой приезжал на этой неделе.

Кобель он.

Я снова помрачнела. Не хотела, не собиралась, но оно как-то само помрачнелось. Поблагодарив незнакомку, бросила взгляд на Вильму, с пониманием хмыкнувшую, и пошла к переживающему кобелю-дракону.

Последний обнаружился неподалёку. Заметив меня, бросился навстречу, недобро щуря свои ядовитые зелёные глаза.

— Ты где была?

— В дамской комнате, — ответила, растягивая губы в фальшивой улыбке. — Отошла, чтобы не мешать тебе заниматься любовницей.

Удалось потушить полыхающее между вами пламя? Надеюсь, леди Ферзен сильно не пострадала?

Судя по выражению лица дракона, он собирался предъявить мне пару-тройку упрёков. А то как же! Взяла и без спроса отошла на несколько метров. По его драконьему мнению подобное неповиновение явно заслуживало как минимум выговора, а лучше — домашнего ареста.

Но стоило мне закончить, как выражение лица Делгарди резко поменялось. Раздражение в глазах сменилось удивлением, а может, непониманием, мол, чего это я возмущаюсь. Нет, лично мне до одного места, тоже драконьего, с кем он там отводит душу, но если после этих его отводов любовницы будут шастать ко мне, чтобы поделиться своими кулуарными приключениями, я буду возмущаться. И имею на то полное право! Особенно когда шлю... дама лёгкого поведения рассказывает об этом при свидетелях, явно стремясь выставить Раннвей Делгарди дурой, которую муж обманывает, даже особо не шифруясь.

Нет, пока Раннвей — это я, унижать себя не позволю.

— С леди Ферзен всё в порядке, — только и нашёлся, что сказать обманщик.

— Очень за неё рада, — соврала, продолжая фальшиво улыбаться. — Вернёмся в ложу? Антракт уже закончился.

К моей немалой радости в галерее мы были одни, если не считать сотрудника театра в чёрном смокинге и белых перчатках. Тот неподвижно стоял у стены, старательно делая вид, что является её прямым продолжением. Ничего не видит и не слышит, и до нас ему нет никакого дела.

Всем бы так...

— Поехали лучше домой, — предложил Эндер.

Но я упрямо отказалась.

— С чего бы? Представление ещё не закончилось, и я хочу его досмотреть. В отличие от того, что произошло здесь, на глазах у десятков людей, оно мне понравилось.

И не дожидаясь ответа дракона, направилась в ложу.

## Глава 12. Суматошное утро

На следующее утро меня ждали, как это водится, две новости: хорошая и плохая. Плохая заключалась в том, что инцидент с Клариссой, Каролой или как её там родители назвали, не укрылся от внимания местных папарацци. Не успела войти в столовую, как со своего места подскочила Эдвина:

— Так это правда? Ты не обманщица?!

Я напряглась, смутно представляя, о чём это она. Любитель разъезжать по дамам на завтрак ещё не явился, а потому некому было объяснить, что имеет в виду Эдвина. Кроме самой Эдвины.

Поэтому осторожно поинтересовалась:

— Это ты о чём?

— Я слышала, как шептались утром служанки, а потом вот... — Она схватила приготовленную для главы семейства газету. — Тут про тебя написали. И не только про тебя... — щёки девочки порозовели. — В общем, читай.

С этими словами она протянула мне свежий выпуск «Хроник Кармара». Опустившись на своё место, я заскользила по статье взглядом. Увы, первая полоса была посвящена не громкой премьере или какому-нибудь важному событию, произошедшему вчера в столице, а совершенно неважной мне. И Кароле-Клариссе. И, конечно же, дракону, которого две дамы якобы не поделили.

Да пусть забирает его с потрохами! На кой он мне сдался?

Через год забирает, когда мы с ним благополучно распрощаемся.

— Эдвина, в газетах пишут много глупостей и то, что здесь говорят обо мне и твоём дяде...

— Хочешь сказать, это не ты её подожгла? — с явным разочарованием протянула «племянница».

Я вернулась к статейке, хоть не скажу, что получала удовольствие от её чтения.

*Леди Делагарди в долгу не осталась. На недвусмысленные заявления об измене ответила весьма своеобразным образом — попыталась испепелить соперницу, причём не взглядом, а в прямом смысле слова. Если бы не подоспевший вовремя виновник скандала,*

*неизвестно, выжила бы леди Ферзен или ещё одна наследница Перерождённых отправилась бы к отцам-драконам.*

*Напомним, что на прошлой неделе были убиты два сильнейших дракона, и на саму леди Делагарди дважды совершалось покушение. Но младшая дочь Хеймера Фармора оказалась не из пугливых и спокойно разъезжает по городу в компании молодого ультора или неверного мужа. Более того! Как вчера выяснилось, покойный отец зря называл её пустышкой — дар в Раннвей Делагарди-Фармор всё-таки пробудился. И весьма опасный, хочу я вас заверить.*

*По крайней мере, опасный для любовниц нашего ветреного эйрэ.*

Иронией была пропитана каждая фраза, и по-хорошему надо было бы подпалить что-нибудь и этому глашатаю правды. Исковерканной, приукрашенной. Из слов столичного писаки выходило, что я намеренно собиралась сжечь Катрину. Тьфу ты, Клариссу! Каролу? Короче фанатку моего дракона. Вернее, не моего, но...

Всё же временно моего.

Совершенно запутавшись в собственных мыслях, не сразу обратила внимание на ветреного эйрэ. Последний вошёл в столовую с классическим выражением на лице: то ли не выпался, то ли драконье чутьё подсказывало, что на страницах периодических изданий он не найдёт сегодня ничего для себя приятного.

— Доброе утро, — буднично сказала я, бросив взгляд на Эдвину.

Последнюю, как ни странно, не смутили разглагольствования о любовных связях дяди. Похоже, все её мысли занимал дар Раннвей. И наверное, это-то как раз было и неплохо. Во-первых, в глазах девочки в кои-то веки читалось уважение. Хоть уважать меня за то, что чуть не спалила... кхм... соперницу, явно не стоило. И тем не менее внутри вдруг стало тепло от её взгляда. Во-вторых, теперь никто не посмеет вякнуть, что я — пустышка. Возможно, и найдутся сомневающиеся, но большинство, уверена, признают Раннвей равной. А это не могло не радовать.

Ну и в довершении ко всему — ветреный эйрэ. Всё-таки большинство шпилек и копьев были направлены в адрес дракона (заслуженно), и я решила, что не стоит ничего подпаливать папарацци.

Пусть живёт дальше.

— Доброе, — ответил Эндер с таким видом, словно за ночь убили ещё пару десятков ульторов.

Сел за стол, сам налил себе кофе, не дожидаясь служанки, и принялся завтракать, старательно делая вид, что слева от него не лежат любимые «Хроники Кармара».

Не выдержав, Эдвина осторожно поинтересовалась:

— Не будешь читать?

— Некогда. — Дракон лишь мельком взглянул на газету и невольно поморщился, явно прочтя заголовок самой важной на сегодня хроники: «Пламенная драма в столичном театре».

Племянница разочарованно вздохнула:

— Там говорится о Раннвей. И о её даре. А ещё... — Не сдержавшись, девочка хихикнула, но поймав суровый взгляд дяди-палача, вынуждена была примолкнуть. Правда, ненадолго. И минуты не прошло, как она весело попросила, обращаясь ко мне: — А покажешь ещё что-нибудь? Поджигать ничего не надо, дяде не понравится, — хитро на него покосилась и тут же добавила: — Но вот, напиме-е-ер... хм... Можешь придвинуть ко мне сахарницу?

Я мысленно выругалась и почувствовала на себе пристальный взгляд дракона, который, несмотря на свои пристальные взгляды, отрываться от завтрака и приходить мне на помощь не собирался.

Пришлось самой выкручиваться:

— Признаться, я всё ещё учусь контролировать дар. Не всегда получается с ним совладать. В основном сила пробуждается, когда я испытываю сильные эмоции, вот как вчера. А когда я спокойна...

Удивительно, но вместо очередного разочарования в тётке я увидела в глазах наследницы Фарморов понимание:

— У меня то же самое, — со вздохом призналась Эдвина. — При мисти Ливен приходится себя прямо-таки сдерживать, а вот в другие моменты... Учитель Стальд говорит, что это нормально. Когда дар только раскрывается, он как маленький дикий дракончик: глупый, непослушный, своевольный. Тебе бы тоже походить на его занятия. Жаль, ты для них уже слишком старая.

Почувствовала, как губы сами собой растягиваются в улыбке. Сказано это было не со зла — девочка искренне считала, что её тётка, разменявшая третий десяток, уже находится в том возрасте, когда учиться чему-либо слишком поздно. Ещё пару годков, и можно будет смело отправляться на погост.

— Дядя, может, покатаемся сегодня в Гринвидском парке? — сменила тему «племянница». — Погода такая хорошая, а мне не надо ни с мисти Ливен заниматься, ни в госпиталь. В последний раз мы там были ещё летом.

Заранее предчувствуя, какие эмоции вызовет в девочке ответ Эндера, я пожалела, что не закончила завтракать раньше. Сбежать бы сейчас куда-нибудь...

Словно откликаясь на мои мысли, в столовую вошла служанка.

— Ваша светлость, — обратилась ко мне с коротким книксеном, — леди Флеминг интересуется, могли бы вы её принять?

Шанетт? С утра пораньше и без приглашения... На такое были способны только она или Данна Левенштерн.

Можно было, конечно, сказать, что больная, пусть бы катила себе обратно. Но тогда не получится сбежать из гостиной. Лучше уж Эдвина пусть злится на Эндера. У нас с ней только начали завязываться нормальные отношения.

— Проводи её в гостиную, — ответила я, сдёргивая с коленей салфетку. Извинилась перед стабильно мрачным драконом, улыбнулась предвкушающей приятный день «племяннице» и отправилась привечать лучшую подругу Раннвей.

Последняя уже успела переместиться в гостиную и теперь, сидя на диванчике, бросала по сторонам взгляды. При виде меня Шанетт поднялась, раскрыла руки для объятий.

— Ах, дорогая, это так ужасно! Представляю, каково тебе сейчас!

Я позволила себя обнять и, подражая Шанетт, поцеловала воздух возле её лица.

— До сих пор не верится, что Эндер... Твой Эндер...

— Всё в порядке. — С трудом получилось выжать из себя улыбку.

— Да какое там в порядке? Он тебе изменяет! — всплеснула руками Флеминг.

— Мы вчера всё обсудили. Меня ведь долгое время не было...

— Но он ведь был в курсе, где ты и что с тобой, — ретиво перебила «подруга». — Я бы ещё могла с тобой согласиться, если бы он, как и все мы, считал тебя погибшей, а так... Нет, не могу простить и понять.

Можно подумать, Делагарди изменял лично ей, а не мне. Ну то есть не Раннвей.

— Как ты помнишь, я тоже не без греха, — с усмешкой сказала я и внимательно посмотрела на Флеминг, ожидая её реакции.

Та вернулась на диванчик:

— Вот тебя, милая, как раз понять можно. Сложно противиться таким чувствам, какие были у тебя к... *нему*. А что сейчас? — Она вскинула на меня заинтересованный взгляд. — Вчера мне показалось, что ты нас избегала. Или... избегала только Вольмара?

Вас всех и каждого в частности.

Не дожидаясь, когда ей ответят, Шанетт продолжила:

— Понимаю... Ты пытаешься построить семью с Делагарди, а Вольмар одним своим видом напоминает о том, что между вами было. Сумасшедшие чувства... Признаться, иногда я даже тебе завидовала. — Она меланхолично вздохнула. — Помнишь, когда вы сбежали на выходные в Провинс, и это за неделю до свадьбы... Думала, ты уже не вернёшься, не выйдешь замуж за Делагарди. Помнишь эту вашу поездку, полную мгновений любви и страсти?

Она пытливо посмотрела на меня, и я неуверенно кивнула. В ответ Шанетт тихонько усмехнулась.

— Вы были красивой парой, Раннвей. Такие чувства не забываются...

Эта её игра в «помнишь — не помнишь» вернула меня в странный сон с пугающей маской. Мелькнула мысль спросить, а вдруг это было не сном, а явью, но что-то внутри тревожно звякнуло, побуждая остановиться.

— Извини, Шанетт, но я не могу сегодня уделить тебе много внимания. У нас с Эндером были планы.

— С изменщиком? — Флеминг презрительно фыркнула, но всё же поднялась следом за мной. — Ну раз так, значит, не буду тебя задерживать. — Она снова шагнула ко мне, чтобы одарить поцелуями возле щёк. — Помни, дорогая, если тебе когда-нибудь захочется поговорить... о чём угодно... я в твоём полном распоряжении. Мне ты можешь доверить всё самое сокровенное.

Кивнув, я позвала служанку, чтобы проводила леди Флеминг отсюда куда подальше. Когда за гостьей закрылись двери, бросила взгляд на часы, мерно тикающие над камином, и постаралась выбросить болтовню Шанетт из мыслей. Сосредоточилась на насущном: поездке в Корвин и допросу покойницы.

\* \* \*

В холле Шанетт столкнулась с драконом, о чём я узнала уже от самого дракона, когда мы отправились в Корвин.

— Что называется, почувствуй себя преступником, — пробормотал Делагарди, выруливая с нашей тихой улочки на более оживлённую, мгновенно окунаясь в шумную атмосферу Гратцвига.

— Не преступником, а изменщиком, — справедливости ради отметила я, а потом, не сумев укротить свой длинный язык, добавила: — И обманщиком.

— Интересно, когда я успел обмануть леди Флеминг? — мрачно усмехнулся Эндер.

— При чём здесь Шанетт? Я говорю о себе.

Делагарди покосился на меня с таким видом, словно хотел сказать, что его мнимая жена слегка забылась. Я так не считала, а потому решила внести в наши отношения (сугубо деловые) ясность:

— Твоя любовница вчера пыталась меня унижить. Уверена, будь на моём месте настоящая Раннвей, и у неё бы это получилось. На что-то, а на разборки со всякими шала... дамами я не подписывалась.

Пальцы дракона сжались на руле с такой силой, что стало даже немного тревожно: а мы вообще сегодня выедем из города.

— Карола — не моя любовница.

— Хочешь сказать, этот ферзь в шелках всё придумала?

— Хочу сказать, что наши с ней отношения закончились задолго до того, как я познакомился с тобой.

— А в этот понедельник что было? — не стоило, но я продолжала допытываться. Нет бы язык прикусить, но почему-то было важно услышать ответ. — Одолела ностальгия?

И снова пауза. Длинное такое молчание.

Весьма и весьма раздражающее.

— Я заезжал к ней, чтобы поговорить о тебе, — наконец признался палач. — Точнее о Ведьминых каплях.

Всего лишь поговорить? Вон оно как...

— Ты подозревал свою бывшую лю...

Нет, не буду произносить это слово. От него даже становится немного тошно.



— Зелье Эдвине подбросили с запиской, якобы от Каролы. Уже позже мы узнали, что за день до этого приезжала помощница портнихи, которая и принесла капли. Вместе с запиской.

Я покусала нижнюю губу. Если бы не было известно об участии погибшей помощницы, я бы тоже подумала на Каролу. Даже без всяких записок. Уверена, эта дамочка способна на многое. Непонятно, на кой харг она в прошлом сдалась дракону.

Именно в прошлом, потому что... Дракону я сразу поверила. Уж лучше верить ему, чем какой-то склочной особе.

— Всего этого можно было бы избежать, будь ты со мной откровенен.

— А как на счёт тебя, Женя? — с усмешкой покосился на меня Эндер. — Сомневаюсь, что ты со мной полностью откровенна и всё мне рассказываешь.

Туше.

— Например, я так и не услышал от тебя о том, что произошло в театре. Или в тебе ни с того ни с сего пробудился ещё один дар, в чём я очень сомневаюсь. Или свечи вдруг сами собой научились выскакивать из канделябров, что, согласишься, тоже странно. Или, — он негромко хмыкнул, — вернулась твоя Вильма, но ты мне ни вчера, ни сегодня не сказала ни слова.

Потому что вчера была смертельно на тебя обижена и лишь сегодня... сейчас(!)... узнав правду, немного отошла.

Не дожидаясь ответа, дракон поинтересовался:

— Она сейчас здесь?

— Нет, но обещала присоединиться.

Собравшись с мыслями, я рассказала о появлении Вильмы и её кратком отчёте о мире зазеркалья. О таящихся в нём бесплотных вампирах, одного из которых мы с Эндером едва не пригласили.

— Получается, тень... или тени, что следовали за искажёнными, пришли оттуда, — не сводя с дороги взгляда, задумчиво проронил он.

— Твоя подруга утверждает, что они не могут приходить в наш мир по своему желанию. Значит, их кто-то пригласил.

— Может, сами искажённые? — неуверенно предположила я и, вдохновлённая своей версией, продолжила: — Может, они потому и стали искажёнными — тени свели их с ума!

— И наделили нечеловеческой силой? — с сомнением протянул ультор. — Искажёнными не становятся по щелчку пальцев. Нужен эликсир на основе огненной крови.

— Но ты же сам говорил, что в крови наших жмуриков... ну то есть искажённых никаких эликсиров не обнаружили. К тому же каждый, кто их принимает, оказывается под пристальным наблюдением, но ни Келлер, ни этот второй в списках принявших не числились. Разве не так?

Делагарди нехотя кивнул.

— И тем не менее осечки случаются. Даже те, в ком раскрывается магия и на первый взгляд кажется, что с ними всё в порядке, со временем могут заболеть. Уже не говорю о подпольных, запрещённых в Кармаре зельях, изготавливаемых непонятно где и непонятно из чего. — Ещё одна усмешка и тихие слова: — Иначе бы нам, ульторам, было не за кем охотиться.

Я ничего не ответила. Просто пожала плечами и подумала о том, что будь так называемые чудо-эссенции чуточку дешевле, и люди не вливали бы в себя неизвестного происхождения пошла в надежде обрести дар и как результат — изменить свою жизнь.

Пусть не каждый одарённый в этом мире причислялся к элите, но если у тебя есть сила, даже самая посредственная, перед тобой открываются многие перспективы. Маги везде востребованы. Не только в Кармаре — во всём мире.

Жаль, на драконов огненная кровь не действует. Если бы это было так, уверена, отец Раннвей не побоялся бы рискнуть жизнью дочери и влил бы в неё пару-тройку эликсиров.

— Далеко до Корвина? — спросила я, когда городские пейзажи сменились уютным пригородом: маленькие домики с где-то ещё зелёными, а где-то уже охровыми палисадниками, широкие просёлочные дороги и поля, в этот погожий осенний день щедро залитые солнцем.

Сразу вспомнилась Эдвина и её надежды на приятную субботу в компании дяди. Которым я, получается, помешала.

— Пару часов.

— Эдвина меня, наверное, снова ненавидит.

— Нет, потому что я пообещал, что завтра буду в полном её распоряжении. И ты, надеюсь, тоже. Кроме конной прогулки она

стребовала с меня поход по магазинам.

Семейный день? Я кивнула. От работы не отлынивают. А Эндер и его племянница — моя работа.

Пока ехали в Корвин я всё ждала, что появится Вильма, но её не было ни видно, ни слышно. В голову уже начали лезть тревожные мысли — мало ли, куда за это время угораздило влезть неугомонного духа. К счастью, на подъезде к нужной нам деревушке Вильма изволила объявиться. Вынырнула прямо из панели управления машиной, оснащённой всевозможными рычагами и кнопками, и весело спросила:

— Ну, что я пропустила?!

С трудом подавила желание схватиться за сердце. Вместо этого лишь вздрогнула и осуждающе посмотрела на старушку:

— Я же просила вот так не появляться.

А та, переместившись на заднее сидение паромобиля, с ложным раскаяньем сказала:

— Ну прости, милая. Просто меня со вчерашнего дня переполняют эмоции. И подумать не могла, что так сильно соскучусь по этому миру! Мне во стольких местах ещё надо побывать, столько увидеть! Но главное, конечно, ты и ваша с драконом романтическая поездка.

— Она не романтическая... — начала было я, но тут же умолкла, напоровшись на взгляд того самого дракона.

— Здравствуй, Вильма, — будничным тоном, словно всю жизнь общался с духами, поприветствовал он мою подругу.

Всего два коротеньких слова, а тень уже успела стусеваться.

— Его я рада видеть особенно, — выдохнула она томно.

— Так и передать?

Старушка смутилась ещё больше.

— Ну тебя, Женя! Я просто...

— О чём вы говорите? — вмешался Эндер.

— О драконах и их влиянии на легковозбудимые эфемерные сущности, — сказала я, и Вильма в ответ возмущённо запыхтела.

— М? — переспросил Делгарди, но объяснений так и не дождался.

Бросив взгляд на улочку, по которой мы проезжали, я на какое-то время позабыла и о нём, и о Вильме. Ну прямо как кадры из старых

английских фильмов... Именно в такой деревушке я мечтала когда-нибудь купить дом. Спокойной, уютной, гостеприимной. Выложенные серым камнем невысокие заборчики огораживали ухоженные огороды и одноэтажные домики. Калитка и ставни каждого были выкрашены в разные цвета. Где-то зелёные, где-то синие, красные или оранжевые. Мы остановились возле небесно-голубой с металлической табличкой, на которой было выгравировано «Мейст и мистис Эрроу». Обнаружив, что калитка не заперта, вошли в аккуратный дворик, явно холимый своими хозяевами, и увидели женщину, развешивающую меж двух порывших яблонь свежевystиранное бельё.

## Глава 13. Дерзкое привидение

При виде нас женщина растерянно перекинула через верёвку наволочку и, позабыв закрепить её прищепкой, поспешила навстречу.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — В её голосе слышалось почтение и немного, самую малость беспокойства.

— Мистис Эрроу? — на всякий случай уточнил Эндер.

Хозяйка уютного домика кивнула.

— Я... — Вспомнив, что не один, дракон тут же поправился: — Мы приехали поговорить о вашей племяннице, Лейни Мартин. Наверное, вы уже в курсе, что с ней стало.

Ещё один кивок и тихие слова:

— На днях заезжал констебль из Гратцвига, рассказал нам о несчастье. Бедняжка... Удалось выяснить, что произошло? — Она несмело посмотрела на Эндера. — Мне толком ничего не объяснили. Сказали лишь, что возможно убийство. Но кто? Кто мог желать Лейни зла? Разве что какой-нибудь столичный душегуб... Она всегда была такой доверчивой девочкой...

Женщина вздохнула, хоть я бы не сказала, что она выглядела такой уж опечаленной случившимся в семье несчастьем. Грустной — да, но не больше. Я бы на её месте по-другому себя вела и испытывала куда более сильные чувства. Например, если бы что-то случилось с Эдвиной...

Тут же одёрнула себя, мысленно напомнив, что Эвина не моя племянница. И вообще, Женя, сосредоточься! Ты на задании.

Вильма ненадолго исчезла, чтобы, как она выразилась, осмотреться. Уж здесь-то, в маленькой деревеньке, точно никто не ставил на дома охранные заклинания, и духу было, где разгуляться, куда заглянуть и за кем пошпионить.

— Ведётся расследование, — обтекаемо ответил Эндер и сразу продолжил: — Мистис Эрроу, меня зовут Эндер Делагарди, я один из ульторов следственного управления Гратцвига. Мы могли бы пройти в дом? У меня к вам имеется несколько вопросов.

— Ультор? — женщина побледнела и, кажется, даже собиралась отшатнуться, но в последний момент взяла себя в руки. — Разве

Лейни... Хотите сказать, она стала одной из них? Чудовищем?

— Не стала, — поспешил заверить Делагарди. — Но возможно, ваша племянница связана с расследованием, которое я веду. Поэтому...

— Да, конечно, проходите, — засуетилась хозяйка. Поспешила к крыльцу, машинально расправляя юбку, после чего принялась приглаживать волосы и бормотать: — Может, чаю? Кофе, увы, варить не умею. Муж утверждает, что он у меня получается на редкость отвратительным. За кофе — это к Гриндеру. Но он сейчас у старосты, помогает выносить мебель. Его дочка, не Гриндера — старосты, сегодня выходит замуж. Такое событие для нашего Корвина! Жених не местный, из Билгури, приедет со всей своей роднёй и друзьями. Давно в Корвине не было таких пышных гуляний. Мы вот тоже гостей из Билгури привечаем, и я пеку на вечер пироги с ягодами и яблоками.

Она ещё что-то говорила, про пироги, гостей, намечающееся веселье. Мы с Делагарди молча слушали и бросали по сторонам взгляды. Простенько, чисто, уютно.

Мистис Эрроу привела нас в небольшую гостиную и пригласила присаживаться на потёртый диванчик, сама же поспешила на кухню, чтобы организовать нам чай с пирогами.

— Ты не представил меня, — сказала я, оглядываясь на окошко, закрытое ажурной гардиной. Та едва заметно подрагивала, пропуская в комнату свежий, напоенный запахами земли и трав воздух.

— И не собираюсь. И тебя прошу молчать. Говорить буду я.

— И духа допрашивать тоже? — Я скептически хмыкнула.

— Допрашивать будешь ты, но не в этой комнате. Я не хочу, чтобы кто бы то ни было узнал о твоих способностях.

Приходилось признать, дракон прав. Пусть мы и не в Гратцвиге, но осторожность всё равно не помешает.

— Попробую выманить духа, — неуверенно ответила я. — Главное, чтобы получилось его призвать.

Вскоре вернулась хозяйка, с чайничком, полным ароматного крепкого чая, и румяным пирогом, подававшим большие надежды. Вот только мне сейчас было не до сладостей — надо сосредоточиться на Лейни и её родственнице.

Позабыв о наставлениях «благоверного», открыла было рот, но Делагарди заговорил первым:

— Мистис Эрроу, расскажите нам о своей племяннице. Попробуйте её представить, как будто она сейчас рядом. Здесь, с нами. Уверен, вас многое связывает.

Удивлённо вскинув брови от такой просьбы, мистис Эрроу пробормотала:

— На самом деле не так уж много. Когда Лейни жила в Корвине, её воспитанием занималась моя мама. А когда матушки не стало, девочка решила попытать счастья в Гратцвиге. Она редко к нам приезжала. Да что там... Почти никогда не писала! Забыла о нас, окунувшись в новую жизнь. Мы стали ей не нужны.

Женщина вздохнула, а я обменялась взглядом с ультором. В моём взгляде наверняка читалась досада. Даже родственная связь может ослабнуть, а то и вовсе порваться, если не напитывать её эмоциями. И судя по всему, между Лейни и мистис Эрроу никаких эмоций, родственных чувств, уже давно не было.

— И всё же попробуйте. Представьте её, — настаивал Делагарди.

— Но... зачем? — окончательно растерялась хозяйка.

— Так надо, — вкрадчиво проговорил дракон и улыбнулся.

Той самой улыбкой, которая даже меня способна была убедить в любой глупости. А мистис Эрроу и вовсе растаяла. Смущённо опустила глаза, кашлянула и сказала:

— Я попытаюсь. — Глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, и начала: — Лейни была...

Пока она говорила, я концентрировалась на даре зрящей. Увы, дух Лейни я призвать не могла, но должна была почувствовать его присутствие, если у мистис Эрроу всё же получится. Поначалу ничего не происходило, и досады в моих взглядах, бросаемых на Делагарди, с каждой минутой становилось больше.

Но потом что-то поменялось. В голосе, в интонации хозяйки. В ней стало больше тепла, эмоций, которые были так необходимы, чтобы притянуть в мир живых дух погибшей девушки.

— Я так и не познала счастья материнства, и Лейни, когда была маленькой... — Мистис Эрроу мягко улыбнулась. — Я радовалась каждому проведённому с ней мгновению, каждой секундочке. Очаровательная была малышка. Добрая и некапризная. Именно такой я представляла в мечтах свою дочку...

Она продолжала говорить, делясь давними воспоминаниями о маленькой девочке, к которой когда-то была привязана. И минуты не прошло, как я ощутила знакомый, пробирающийся под кожу холод. Вскинула взгляд, осмотрелась. Туманный сгусток, возникший в углу гостиной, скользнул по старенькому секретеру и, продолжая приобретать очертания высокой девушки, поплыл к нам.

Я тут же поднялась.

— Мистис Эрроу, я могу воспользоваться вашим туалетом?

— Конечно, леди, — немного смущённо улыбнулась женщина, вероятно, смущаясь своего скромного туалета. — Последняя дверь по коридору.

Я кивнула, не сводя с духа взгляда, и одними губами приказала следовать за мной. Вышла, обернулась — душа Лейни просочилась сквозь столик с пирогом и медленно, будто того не желая, поплыла за мной.

В туалет я не пошла — юркнула в ближайшее помещение, оказавшееся кухней, прикрыла дверь. Тень прошла сквозь неё без всяких проблем и замерла в шаге от меня.

Прошелестели тихие слова:

— Что тебе надо, зрящая?

— Правда. Кто тебе приказал подбросить Эдвине Ведьмины капли? Зачем?

Несколько секунд Лейни молчала, а потом вдруг рассмеялась. Её смех походил на шелест листвы в кронах деревьев, потревоженных порывом ветра.

— Думаешь, я возьму и всё выложу? Тебе?!

— Тебя убили, Лейни, — напонила тени. — Убили и сбросили, как мусор, в реку. Неужели ты не хочешь наказать своего убийцу? Почему он пытался мне навредить? Зачем я ему нужна?!

Мой голос стал резче, жёстче, и дух с явной неохотой продолжил:

— С чего ты взяла, что ты кому-то здесь нужна? Им... нам(!)... нужно другое: сокровище Фарморов. Но ты не сокровище. Ты всего лишь... — Лица тени видно не было, но мне всё равно показалось, что я различила презрительную усмешку. В каждом её движении чувствовалось презрение и надменность, словно она была королевой, а я всего лишь скромной помощницей модистки.

— Кто тебя нанял? На кого ты работала?



— Лучше тебе не знать его имя, — неожиданно зло прошипел призрак. — Будешь спать спокойнее. Здесь. Сейчас. Пока не уснёшь вечным сном. Навсегда!

На какое-то мгновение я опешила. Мне, конечно, встречались разные призраки, но такого я видела впервые. Злобного, наглого и явно с перекрученными мозгами. Понятно, что у духов нет мозгов, но...

Но и у Лейни при жизни их, похоже, тоже не было.

— Почему ты его защищаешь? — Я вглядывалась в туманные черты лица и видела в них лишь злость и раздражение. — Боишься? Так уже поздно бояться — тебя и так убили.

— Убили? — Или мне показалось, или губы из марева искривились в презрительной ухмылке. — Я сама выбрала свой путь и сделала шаг в новую жизнь. Меня ждёт скорая награда, а тебя...

— Мисти?

Позади что-то хлопнуло, и я резко обернулась. У двери, стеклянной, в широкой деревянной раме, ведущей во двор, стоял мужчина средних лет. По-видимому, тот самый Гриндер, который считал, что его жёнушка не умеет варить хороший кофе.

Скользнув по мне взглядом, мужчина стащил с головы выгоревший на солнце кепи и уже не так настороженно, а скорее, удивлённо поинтересовался:

— Леди?

— Я искала туалет и заблудилась, — очаровательно улыбнулась вконец растерявшемуся Гриндеру.

Оправдание, конечно, так себе. Это ведь не дворец и даже не дом Делагарди, чтобы в нём теряться, но улыбка сработала: как-никак я тоже драконица.

Не задавая вопросов, на которые имел полное право, мужчина пробормотал:

— Последняя дверь по коридору.

— Благодарю, — подарила ещё одну улыбку, а стоило отвернуться, тут же поджала с досадой губы — Лейни исчезла, и вряд ли удастся снова её призвать. Идти на контакт она явно не желала, а заставить говорить упрямого духа... Не представляю как.

Бывало, мне попадались несговорчивые души, но большинство всё же любили пообщаться и радовались, когда родные их призывали. Но это явно не тот случай. Лейни плевать на родных, плевать, будет ли

наказан её убийца. Да и вообще, было ли убийство? Что это вообще значит: я сама выбрала свой путь? И о какой новой жизни она говорила...

Вернувшись в гостиную, застала Делагарди прощающимся с супружеской парой.

— Благодарю за помощь, мистис Эрроу. Мейст Эрроу...

— Да какая от нас помощь! — всплеснула руками хозяйка. — Мы почти не знали взрослую Лейни. Боюсь, вы только потеряли с нами время.

Дракон ничего не ответил. Только пожелал супругам хорошего праздника и поинтересовался, готова ли я отправляться. Кивнув, первой вышла на крыльцо, подняла взгляд к небу. Всего каких-то полчаса назад оно было голубым, облепленным белыми облаками, а теперь голубизна пропала. Спряталась за серой, тяжёлой пеленой, набухающей грозой.

Бум! На нос угодила крупная холодная капля, грозя осенним ненастьем.

— Ещё раз спасибо, — прощаясь, сказал Делагарди и поспешил к калитке.

Я поплелась следом, хмурясь вместе с небом. Наверное, я слишком наивна. Вот на что надеялась? Что мы по-быстрому узнаем имя заказчика и сегодня же его арестуем? Увы, реальность оказалась совсем другой. Мало того что эта злюка ничего толком не сказала, так ещё и поставила перед фактом — моей жизни по-прежнему грозит опасность.

И что же получается? Ведьмины капли и искажённые — дело рук одного и того же человека? А может, группы заговорщиков... Секты? Лейни ведь обмолвилась, что загадочное сокровище Фарморов нужно *им*, а не *ему*.

В общем, чем дальше в лес, тем больше вопросов и тревог.

В машине к нам присоединилась Вильма. Вовремя. Эндер как раз начал интересоваться, чем интересным я могу его порадовать. Пришлось «радовать».

— Разговор получился... кхм... странным, — начала я и рассказала об общении с помощницей модистки. Обо всём, кроме угроз в свой адрес. Дракону только дай повод запереть меня в четырёх стенах и удерживать там до второго пришествия.

— Интересненько! И на какую такую новую жизнь она надеется после смерти? — хмыкнула Вильма.

А Делагарди, пусть её и не слышал, невольно поддержал:

— Странные размышления о новой жизни. Это же как надо было задурить девушке голову, чтобы она себя убила.

— Думаешь, это всё-таки было самоубийство?

Эндер неопределённо пожал плечами:

— Ещё раз поговорю с Шультенем, нашим патологоанатомом. И встречусь с другими помощницами портнихи. Их допрашивал Рейер. Возможно, что-то упустил.

— А я всё проконтролирую, — заговорщически пообещала Вильма.

К счастью, дракон по-прежнему её не слышал, иначе бы страх как «обрадовался» такому сопровождению.

— А ты? Ничего не узнал от мистис Эрроу?

Не сводя с дороги взгляда, «муж» поморщился:

— Она много знает о девочке Лейни и совершенно ничего не знает о Лейни повзрослевшей. Увы...

Мы уже успели выехать из Корвина и теперь катили по просёлочной дороге. По лобовому стеклу медленно ползли пока ещё редкие дождевые капли, но сгустившиеся сумерки непрозрачно намекали, что в любой момент мелкая морось может смениться проливным дождём.

— Может, я с тобой загляну к помощницам? — ни на что особо не надеясь, спросила я и ойкнула, неожиданно подскочив на сиденье.

В следующее мгновение паромобиль фыркнул, заскрежетал колёсами и остановился. Как вкопанный. Посреди совершенно пустой, изрезанной колеями дороги.

Делагарди попробовал привести машину в движение, но, видимо, сегодня был не наш день. Допотопный по моим меркам транспорт работать категорически отказывался.

— Проклятье! — подвёл итог своим попыткам Эндер и с досадой ударил кулаком по панели управления.

Словно в наказание за грубое обращение с машиной, по лобовому стеклу забили крупные, частые капли, и паромобиль, запыхтев, пошёл паром. Ну то есть угрожающе задымился.

— Выходим. Быстро! — тут же скомандовал дракон, и нас обоих в одно мгновение вынесло под дождь.

— И что теперь? — быстро превращаясь в мокрую сосульку (похолодало за считанные минуты), спросила я, отходя от дымящегося транспорта на безопасное расстояние.

Бросив взгляд на дорогу, с одной стороны затемнённую полосой леса, с другой — посеребрившими в сумерках полями, Делагарди решил:

— Возвращаемся в Корвин. К счастью, недалеко отъехали.

Также к счастью, в машине обнаружился зонт, правда, он нам не особо помог. И пяти минут не прошло, как мы промокли насквозь, к подолу моей юбки налипли комья грязи, и в целом состояние было такое, что хотелось пойти в посадку, найти ближайшую корягу, сесть на неё и начать себя жалеть. А может, ругать. За то, что с допросом не сложилось, за то, что так не вовремя сломалась машина и теперь мы неизвестно когда вернёмся в Гратцвиг.

Но дракон упрямо шёл вперёд, и мне приходилось делать то же самое. Плестись, утопая новыми туфлями в чавкающей грязи.

Очаровательно.

— Думаешь, у кого-то в Корвине имеется машина?

Обернувшись, палач с усмешкой выговорил:

— Скорее, телега или какая-нибудь столетняя повозка. Как бы там ни было, придётся переждать непогоду здесь.

— Пойду пока узнаю, где вам, бедненьким, можно будет приткнуться, — тут же среагировала Вильма и исчезла за пеленой дождя, чуть слышно бормоча: — С этой их свадьбой попробуй ещё найди, где остановиться.

Помощь старушки оказалась бесценной. Вместо того чтобы бродить по Корвину в поисках приюта мы сразу отправились в харчевню, на втором этаже которой располагались комнаты. Почти все уже были заняты, кроме одной. С одной узкой кроватью. Понятное дело, я не роптала. Единственным моим желанием сейчас было снять с себя мокрую одежду, закутаться в одеяло и сидеть так, пока снова не начну чувствовать своё заледеневшее тело.

— Давай помогу.

Это было первое, что я услышала от дракона, когда дверь в минималистические «хоромы» захлопнулась. Сразу поняв, о чём он и

не имея ни малейшего возражения (только не сегодня!), повернулась к нему спиной, приподняла мокрые, прилипшие к шее и плечам волосы.

Мои заледеневшие пальцы наотрез отказывались слушаться, а вот Деллагарди — ничего, быстро справился с заданием: избавил меня от корсажа и расстегнул пояс юбки.

— Дальше сама или... Я могу, — вызвался с готовностью.

И Вильма в предвкушении поддакнула:

— Пусть он сможет!

— А ну брысь отсюда! — шикнула на вездесущую старушку. Никаких границ и понимания ситуации. Обернувшись, поспешила уточнить: — Это я не тебе, а...

— Понял уже, — усмехнулся Эндер и, бросив по сторонам быстрый взгляд, оставил затею «мочь» дальше.

— Снимай всё и в кровать. Я пока распорядюсь насчёт обеда и попытаюсь узнать, как отсюда можно добраться до Гратцвига. — С этими словами он вышел из комнаты, оставив меня один на один с веселящимся духом.

— Снимай всё и в кровать... Люблю решительных мужчин!

Я бросила на старушку мрачный взгляд:

— Ты не могла бы... не быть здесь, когда я не одна.

— Стесняешься?

— Есть такое понятие, как личные границы, которые нельзя нарушать.

— Ладно-ладно, — пошла на попятную любопытная. — Я всё равно собиралась на храмовую площадь. Там с утра столы выставляли, а где теперь будут праздновать — непонятно. Надо всё выяснить.

И, как обычно, проконтролировать.

Вильма исчезла, и я вернулась к прерванному занятию. К счастью, бельё было не мокрым, а лишь чуть-чуть сыроватым. Развесив панталоны, сорочку и чулки на стульях, смущённо оглядела всё это дело. Живописный, конечно, натюрморт, но лучше пусть сохнет там, чем на мне.

Забравшись под старенькое, но чистое одеяло, наконец-то позволила себе расслабиться. Сидела, прислушиваясь к доносящимся снаружи звукам. То тут, то там хлопали двери, звучали весёлые голоса. По-видимому, харчевню наводнили гости со стороны жениха. Эндер не возвращался и, когда в дверь постучали, я настороженно сказала:

— Да?

— Эйрэ велел принести обед и ванну, — слышался звонкий девичий голос. — Можно войти?

Повыше натянув одеяло, разрешила:

— Входите!

Ванной оказалась деревянная бочка, к которой приставили маленькую лесенку из трёх ступенек. Два крепких парня быстро натаскали воды, а девушка с заткнутым за пояс фартуком принесла поднос с едой и вином. Ничего необычного, но, стоило ощутить аромат мясного рагу, как я почувствовала, что умираю от голода.

— Эйрэ также велел забрать ваш жакет и платье, чтобы привести в порядок.

Кивнув, проводила служанку взглядом, а когда дверь за ней закрылась, поднялась с кровати. Прежде чем «утонуть» в бочке, сунула в рот несколько ложек рагу. Умопомрачительно вкусно! А хлеб, ещё тёплый, свежееиспечённый, буквально таял во рту.

Закрыв дверь на ключ — на всякий случай, забралась в воду. Надеюсь, дракон не вернётся в ближайшие полчаса, иначе будет вынужден стоять под дверью. Ну или мне придётся оперативно выныривать из этого блаженства.

Делагарди не вернулся, и следующие минут двадцать, если не больше, я кайфовала, согреваясь в горячей воде, в которую даже добавили ароматные травы.

Когда «ванна» почти остыла, выбралась из лохани, завернулась в оставленное служанкой полотенце, и только успела это сделать, как в дверь постучали.

— Это я, — слышался голос моей пропажи.

Увы, белье ещё не просохло, поэтому пришлось открывать в полотенце. Впрочем, дракон повёл себя по-джентльменски: едва мазнул по мне взглядом и прошёл внутрь. Снял пальто, ещё больше промокшее за время поисков, повесил его на крючок, обернулся.

— Удалось что-нибудь найти?

Делагарди покачал головой:

— Как и ожидал, о паромобилях здесь только слышали. В ближайшие часы дождь вряд ли прекратится, поэтому придётся заночевать в Корвине.

— В этой комнате? — уточнила зачем-то, хотя ответ был очевиден.

— К сожалению, других вариантов нет. Деревня переполнена. Нам вообще повезло, что нашёлся хотя бы этот угол.

Я неуверенно покосилась на узкую койку. Нет, для одного человека она вполне даже, но вот вдвоём будет тесно. Придётся очень постараться, чтобы сохранить расстояние между нами.

В пару сантиметров.

Проследив за моим взглядом, «благоверный» с усмешкой заверил:

— Не волнуйся, я не забыл о твоих страхах. Буду спать в кресле.

Я с сомнением покосилась на не очень глубокое и даже на вид жёсткое кресло, а Эндер тем временем приблизился к столу.

— Уже обедала?

— Только собиралась.

— Тогда я вовремя.

Почувствовав, как к щекам приливает румянец, сдёрнула с его стула штаны, быстренько перевесила себе за спину.

— А ты... не хочешь... эмм... раздеться?

— Если только леди настаивает, — улыбнулся Делагарди.

— Я просто... переживаю о твоём здоровье!

— Не стоит. Драконы редко болеют, а я не болею вовсе.

И тем не менее пиджак и рубашку он снял. Избавился и от брюк, оставшись в одних подштанниках, что добавило в комнатушку пару-тройку градусов. Я как-то сразу позабыла, что ещё какой-то час назад умирала от холода. Наоборот, теперь бы не помешало сбросить и полотенце...

Подумав так, мысленно на себя выругалась и уткнулась взглядом в тарелку, стараясь не смотреть на сидящего напротив полууголого мужчину.

Постепенно градус смущения понизился. Стоило перестать обращать внимание на рельефный торс дракона, как жизнь сразу наладилась. И даже дождь за окном, за пеленой которого просто невозможно было рассмотреть Корвин, был не способен испортить мне настроение. Хоть я и предпочитала ненастным дням погожие и солнечные, но сейчас ливень оказался как нельзя кстати. Помогал расслабиться и настроиться на вечер, а также ночь в компании Делагарди.

— Ещё вина? — Не дожидаясь ответа, он щедро плеснул мне в бокал крепкого напитка, после чего вылил остатки в свой.

Придерживая одной рукой полотенце, которое почему-то то и дело норовило сползти вниз, сделала небольшой глоток и сказала:

— Надеюсь, Эдвина не будет переживать. Мы обещали вернуться к вечеру...

— Это не делает мне чести, но я часто задерживаюсь в отъездах. Она уже привыкла, — на губах дракона появилась грустная улыбка.

— Хорошо, если так, — пробормотала я и снова пригубила вина.

— Скажу, чтобы принесли ещё, — решил, поднимаясь, «благоверный». Надел явно не успевшую просохнуть одежду и, несмотря на мои робкие протесты против винных излишеств, отправился вниз.

Пока дракон охотился за вином, я проверила своё исподнее. К счастью, оно уже успело высохнуть, а потому коварное полотенце было уволено и отправлено на крючок у входа. Сама не знаю зачем (наверное, просто от нечего делать), покрутилась перед зеркалом, рассматривая своё лицо и немного распушившиеся от дождя волосы. Расчесала пальцами пряди, прикрыв ими, как бронёй, все свои скромные выпуклости. На всякий пожарный. Конечно, во взгляде дракона не было даже намёка на интерес, но памятуя наш вечер с зеркалами, а ещё винную добавку, за которой он подался...

В общем, чем скромнее, тем безопаснее.

Правда, не скажу, что из зеркала на меня смотрела недотрога и скромница. Щёки предательски порозовели, губы почему-то тоже стали ярче, а в глазах появился непонятный блеск, который мне одновременно и нравился, и нет.

Ох, нарываешься, Женя. Нарываешься...

Услышав, как скрипнула дверь, юркнула обратно за стол и сделала вид, что смотрю не то в окно, не то на подоконник, на котором одиноко чах один-единственный цветок.

— Это должно быть получше, — сказал Делагарди, откупоривая добытую внизу бутылку.

Подался к моему бокалу, и я предупредила:

— Мне совсем чуть-чуть. Можно сказать, на пробу.

Взгляд дракона скользнул по приодевшейся мне, и румянца на щеках стало больше.



Улыбнувшись, он наполнил бокал на треть и, пока то же самое проделывал со своим, сказал:

— Предлагаю ещё раз обсудить всё, что произошло со дня нашего знакомства. Возможно, я что-то упустил...

— Мы упустили, — поправила я и с удовольствием приготовилась к мозговому штурму.

Помимо бутылки «муж» принёс сыр и фрукты, а вино с сыром и фруктами... В общем, одной пробой мы не ограничились. Обсудив нападение на дирижабле и всё, что было известно об убийствах ультора и политика, переключились на нашу семейную вечеринку. Ведьмины капли, попытка не то убить меня, не то выкрасть...

Незаметно разговор сосредоточился на Вольмаре Родингере, которого Делагарди причислял к подозреваемым.

— Думаешь, он как-то связан с искажёнными?

— У него точно были связи с Келлером, — кивнул Эндер. — Хоть Родингер и утверждает, что был просто клиентом банка и портсигар забыл там случайно, а про маску ничего знать не знает: мол, чего только его компания в Кармар не поставляет... Прямых доказательств его причастности к убийствам и нападениям пока нет, но он у нас под присмотром.

— Если Лейни состояла с ним в сговоре, получается, это он пытался мне навредить. И он же натравил на меня искажённых... Зачем? — Я подняла на дракона глаза. — Чем ему не угодила Раннвей?

— Мне бы и самому хотелось это понять, — задумчиво проговорил Делагарди, после чего, осушив бокал, в упор посмотрел на меня. — А ты что о нём думаешь?

Я поёрзала на стуле, собираясь с мыслями и подбирая слова:

— Тип явно скользкий. И порой даже неприятный. Но Раннвей он, кажется... нравился. — Бросила на дракона исподлобья взгляд, но не увидела в чертах его лица ни удивления, ни досады. — Ты знал...

— Догадывался. Родингер был частым гостем в доме Фарморов. Ходили слухи, что у него к Раннвей чувства и стоит ждать предложения, но предложение так и не было сделано. Видимо, — мрачная усмешка, — оказалась не нужна пустышка.

— А тебе вдруг понадобилась, — не удержалась я от замечания.

Дракон потянулся за бутылкой.

— Мне пришлось на ней жениться.

— Пришлось?

Он поморщился, словно вместо ароматного напитка хлебнул скисшее молоко.

— Не хочу об этом говорить. Это никак не касается всего, что происходит сейчас. Лучше расскажи о себе. Ты как-то обмолвилась, что была замужем.

— Была. Неудачно. И тоже не хочу об этом рассказывать.

Он понимающе кивнул и снова поинтересовался:

— А в том мире у тебя кто-то остался? Кто-то, кто был тебе дорог. Или кому ты была дорога.

Слово за слово и от расследования и Родингера мы переключились на моё прошлое, а потом коснулись и прошлого дракона. Эндер рассказал о своих покойных родителях, об учёбе в гимназии и службе в армии. О том, как стал одним из самых молодых ульторов Кармара. После него этого звания в столь молодом возрасте удостоился только Александр.

Я даже не заметила, как стемнело, а свечи почти догорели. Дождь за окном и не думал стихать, а в нашей комнатке было так тепло и уютно, что в какой-то момент мелькнула мысль, что я была бы не против здесь задержаться. И в целом этот странный день мне... понравился.

Наверное, всё дело в вине, и только в нём, но между нами больше не возникало неловких пауз и продолжительного молчания. Наоборот, хотелось о многом его спросить и самой рассказать как можно больше. И говорить, говорить, говорить... Кажется, я готова была болтать до самого утра или как минимум до рассвета, но в какой-то момент начала зевать и тереть, как маленький ребёнок, глаза.

— Уже поздно. Тебе надо отдохнуть. — С этими словами дракон поднялся.

— Я... — широкий зевок, который поспешила прикрыть рукой, — совсем не устала.

— У тебя уже глаза закрываются. — Он подарил мне тёплую улыбку, согревшую не хуже любого камина, и я вдруг почувствовала, что действительно устала. И надо бы поскорее добраться до постели, иначе был риск уснуть лицом в остатках сыра и фруктов.

Продолжая зевать, забралась в кровать, накрылась до подбородка одеялом. Делаярди меж тем устроился в кресле. Ну как устроился...

Просто сел в него, устроив ноги на деревянном стуле, и задул догоравшие на столе свечи.

Мелькнула мысль позвать его, но я тут же запихнула её куда подальше. Потому что дальнейшие мысли, уже подбирившиеся к моему хмельному сознанию, были далеки от невинных и напрямую противоречили условиям нашего контракта.

Поэтому продолжила мучиться угрызениями совести молча, никого никуда не приглашая. Правда, хватило меня ненадолго. Стоило повернуться на бок, как я тут же провалилась в сон. Или, скорее, в кошмар. Комната, до этого такая милая и уютная, вдруг наполнилась тьмой: густой, удушающей, тошнотворной. Я лежала, сжавшись в комок, и с отчаянной беспомощностью наблюдала за тем, как клочок тьмы, отделившись от чернильного мрака, начинает ползти по стене, постепенно приближаясь, протягивая ко мне свои щупальца-лапы. И я ничего не могла с этим сделать, только и оставалось, что захлёбываться беззвучным плачем. Пыталась закричать, но с губ сорвалось лишь жалкое подобие стога. Тень приближалась, разрастаясь, готовая накрыть меня собой, словно мертвенным саваном. В отчаянье снова попробовала позвать на помощь, и почувствовала, как щёки обжигают горячие слёзы.

Вот сейчас, ещё немного...

Но ничего не случилось. Страх неожиданно отступил. Я не открывала глаз, но сразу поняла, что что-то изменилось. Больше не дрожала от липкого озноба, от ужаса беспомощности, мне снова стало тепло и спокойно. Сильные руки скользили по моей спине, гладя, успокаивая, баюкая и защищая. А губы, горячие и мягкие, касались щеки, заставляя дрожать, но уже не от страха.

— Всё хорошо. Я рядом, — звучали слова, в которых я сейчас так нуждалась.

\* \* \*

*Эндер Делгаарди*

Мы могли бы уехать из Корвина ещё этим вечером. Один из родственников счастливого жениха, из городских, прикатил на новеньком паромобиле, который с гордостью демонстрировал всей округе. Выкупить машину не составило бы труда, достаточно выписать чек на сумму, превышающую её стоимость. Да и не отказывают драконам...

Но почему-то уезжать из Корвина не хотелось. Не хотелось возвращаться в Гратцвиг, где Женя спрячется от меня в своей спальне, а я снова до позднего вечера просижу в кабинете, пытаюсь сложить фрагменты головоломки, которые никак не складывались. Нам определённо ещё не хватало многих пазлов.

В таверну возвращался, стараясь прятаться под навесами деревенских лавок, но это не особо помогало. Было такое ощущение, словно я полдня плавал в речке — настолько мокрой была моя одежда.

Чувствуя себя полным идиотом, сказал, глядя в стену из дождя:

— Если ты сейчас здесь, Вильма, и слышишь меня, Жене о машине ни слова. Или я очень постараюсь, чтобы она с тобой вообще больше не встречалась.

Услышала. Швырнула в меня камешком, отскочившим от моего пальто и с тихим «бульк» угодившим в лужу. Не то давала понять, что всё поняла, не то возмущалась моим угрозам. Всё равно. Главное, чтобы не разболтала Жене, что я, сам не понимая зачем, хочу провести с ней время наедине.

Не то чтобы у меня были по отношению к девушке недостойные мысли, но... Но увидев её в одном лишь полотенце, понял, что подобные мысли всё-таки имеются. Сейчас они заполняли мой разум, как заполняет дрожжевое тесто кастрюлю старательной хозяйки. С каждой минутой, каждым взглядом, брошенным на иномирянку, их становилось всё больше. А выдержки во мне всё меньше.

Да и как тут оставаться невозмутимым, когда перед тобой, на расстоянии вытянутой руки, сидит само искушение. Этот её румянец на щеках, эти чувственные, едва приоткрытые губы, покатые плечи, изящные ключицы... Всё в ней казалось таким сексуальным, таким соблазнительным.

В какой-то момент поймал себя на мысли, что больше не отождествляю её с Раннвей. Лицо, может, и одно, но вот выражение совсем другое. Другой взгляд, другая улыбка, цвет глаз. Сейчас они как будто ещё больше потемнели, словно подстраиваясь под цвет грозового неба. Тонкие пальчики непроизвольно ласкали ножку опустевшего бокала, а я только и думал о том, что точно также они могли бы скользить по моим плечам, когда я...

Так, ладно.

Озвучив первый попавшийся предлог — нам не хватает вина, оделся и сбежал вниз. По-хорошему надо было сразу под осенний ливень, чтобы охладиться, остыть, но сегодня я достаточно «гулял» под ливнями, а потому просто взял бутылку самого лучшего пойла, что имелось в этой забегаловке, сыр, фрукты и отправился искушаться дальше.

Женя, словно и не замечая, в каком я состоянии, увлечённо обсуждала моё (или уже наше с ней) расследование, а я пил вино и убеждал себя, что контракт — наше всё. В конце концов, я дракон слова и не имею права его нарушать. Даже если бы это было лишь устное соглашение, даже если очень хочется...

— У тебя уже глаза закрываются, — нашёл предлог прервать эту чехарду в мыслях.

Поднялся, пока не передумал, и постарался сосредоточиться на кресле. Видавшая виды тусклая обивка, растрескавшиеся ножки... Концентрируемся, Эндер, концентрируемся. На ножках кресла, а не на стройных, соблазнительных ножках в панталонах.

Стоило Жене спрятаться от меня под одеялом, как дышать стало легче. Придвинув к музейному экспонату стул, кое-как уместился в скрипучей мебели, задул свечи и вообще перестал двигаться, боясь потревожить сон иномирнянки.

К счастью, уснула она быстро. К несчастью, я никак не мог уснуть. И дело вовсе не в жёстком кресле, а в том, что я, словно приворожённый, продолжал смотреть на девушку. Харг побери, она меня притягивала даже под одеялом! Даже спящая Женя была соблазнительно прекрасна.

— Идиот... Какой же ты идиот, — в который раз отругал себя за эти мысли и тут же замер, прислушиваясь.

Нет, не почудилось.

Женя всхлипнула, сжалась в комок. Даже во тьме, густой и вязкой, мне было отлично видно, как дрожат её плечи, а пальцы лихорадочно сжимают края одеяла. Она плакала. Беззвучно, но от этого не менее отчаянно. Плакала от безысходности, от страха. Даже не будучи эмпатом, я в полной мере ощутил эти горькие чувства, едва не утонул в них. Едва не захлебнулся.

— Не надо... — не то прошептала, не то мне показалось.

Кошмарный сон не отступал, и я, наплевав на все свои установки, бросился к девушке. Обнял её, прижал к себе: дрожащую, напуганную, такую хрупкую. Прошептал какую-то глупость, о том, что я рядом, и невольно прижался к раскалённому виску губами. На несколько секунд она замерла в моих руках, а потом открыла глаза. Полные слёз, они блестели даже во тьме, словно её рассеивая. Отталкивая от нас этот давящий мрак. Вокруг Жени не могло быть ничего, кроме света.

— Эндер... — выдохнула мне в губы.

И я понял, что никакой я не дракон слова. И вообще выдержка у меня ни к харгу, а сила воли...

Рядом с иномирянкой её просто не существовало.

Прекрасно осознавая, что делаю, и тем не менее не способный остановиться, коснулся уголка сладких губ своими губами: мягко, осторожно, наслаждаясь этим невинным касанием, как самой искушённой лаской. Провёл по спине ладонью, торопясь приподнять сорочку, чтобы ощутить под своей кожей её кожу. Такую нежную, такую горячую... Другой рукой коснулся мочки уха, обвёл пальцами изгиб шеи и те самые ключицы, что весь вечер не давали мне покоя.

Удивительно, но она не пыталась меня оттолкнуть, а когда подался к ней, чтобы повторить поцелуй... потянулась в ответ. Послушно раскрыла губы, впитывая моё дыхание. А я пил её, и харг побери, мне это безумно нравилось.

Нравилось касаться, ласкать, целовать, пока не закончится воздух в лёгких. Пока от нехватки кислорода не закружится голова, а может, от желания не останавливаться. Скользнуть губами по шее, а ладонью накрыть нежное полукружие. Легко сжать его, не до боли, а чтобы услышать, как она сладко стонет. Как её тело наполняется желанием, таким же сильным, ослепляющим, почти болезненным, что остановиться уже просто невыносимо...

Легко надавил ей на плечи, чтобы накрыть своим телом, и тут громкий звук за спиной, словно со стола слетела бутылка, заставил обернуться, а Женю напряжённо отстраниться.

Пару секунд я вглядывался во тьму, и то же самое делала иномирянка. После чего не то возмущённо, не то смущённо выпалила:

— Вильма!

## Глава 14. Места развлечения мейстов

*Женя Исаева*

— Ну наконец-то он вышел!

Это было первое, что я услышала от Вильмы утром следующего дня. Обернулась, не зная, как себя с ней вести и как реагировать на её полуночную выходку. По-хорошему следовало поблагодарить за то, что вовремя остановила, но почему-то хотелось треснуть вездесущую призрачную старушку по её призрачной голове.

— Эндер отправился распорядиться насчёт завтрака и снова поискать транспорт.

— Бедолага... Вчера обыскался, а теперь ещё и сегодня придётся по всей деревне рыскать.

Мне показалось, или в голосе духа звучал сарказм?

— А ты... ничего полезного для нас не нашла?

— Ты имеешь в виду паромобиль, который за пару часов доставил бы вас в город? — зачем-то уточнила Вильма и немного погодя добавила: — Нет, никакие чужие машины на глаза не попадались.

Я приблизилась к окну и оглядела пустынную улочку. К утру непогода стихла, а сейчас маленькие домики, щедро умытые дождём, и вовсе блестели в лучах солнца, словно наполированные.

— Эндер сказал, что на паромобиль не стоит рассчитывать. Но может, повезёт раздобыть какое-нибудь ладно и того, кто согласится нас отвезти. Сложно представить дракона в качестве извозчика...

— Я пришла поговорить о том, что случилось ночью! — неожиданно выпалила Вильма, прервав мои рассуждения.

Обернувшись, я мягко улыбнулась духу:

— Всё в порядке, не надо извиняться. Наоборот, это мне стоит поблагодарить тебя, что не позволила совершить ошибку.

Издав нечто похожее на «пф!», Вильма экзальтированно воскликнула:

— Да дракон с вами, влюблёнными голубками! Хотите милуйтесь — хотите шарахайтесь друг от друга. Я сейчас о том!

— А о чём? — растерянно пробормотала я.

— О тени, Женя. Одной из тех, что приходила сюда, пока ты спала.

Я нахмурилась, вспоминая минувшую ночь. Когда Вильма прервала... то, что однозначно стоило прервать, дракон объяснил своё... эмм... непристойное поведение тем, что мне приснился кошмар. Я якобы плакала во сне, и он, обеспокоенный моим состоянием, решил убедиться, что со мной всё в порядке. Правда, способ избрал не совсем стандартный, а я спросонья...

В общем, невиноватая я. Это всё он. А я просто не разобралась в ситуации после сна.

Как-то так...

— Ну, чего молчишь? — нетерпеливо проговорила Вильма. Даже руки на груди скрестила, всем своим видом показывая, как она недовольна поведением Жени-Раннвей.

— Молчу, потому что не помню никакой тени. Вроде бы мне приснился плохой сон. Вроде бы...

Несмотря на то, что я была закутана в простыню, по телу пробежал холод. Это что же получается, на меня снова напали, я об этом ничего знать не знаю и, если бы не Вильма с Делаярди...

— Вообще ничего не почувствовала? — настороженно, словно не веря моим словам, уточнил призрак. — Ты же сразу улавливаешь присутствие духов.

Я неопределённо пожала плечами. Получается, что не всегда и не всех. Утром у меня и мысли не было ни о какой тени. Только и мучилась (и продолжаю мучиться) угрызениями совести и чувствую лёгкое головокружение, усталость, как в первые дни в доме Делаярди. Да это и понятно! После того как дракон вернулся в кресло, а я чуть не сгорела от смущения, уснуть больше не смогла. Ворочалась с боку на бок до самого утра. Потом вроде забылась лёгким сном, но его оказалось недостаточно, чтобы как следует отдохнуть и быть готовой к новому дню.

Кофе бы сейчас, да побольше. И поменьше мыслей о тени и поцелуях дракона.

— Наверное, хорошо, что этот главнокомандующий понаставил в доме охранку, — совершая по комнате круг почёта, задумчиво пробормотала старушка. — Не только мне не пробраться, но и кляксе



вход заказан. Но мне все это очень, Женя, очень не нравится. И это ещё мягко сказано.

Мне тоже не нравилось. И снова передо мной стал непростой выбор: рассказать о случившемся дракону, рискуя свободой, или оставить это между мной и Вильмой. В конце концов, она права: дома я в безопасности, а подобные ночёвки с выездом вряд ли ещё повторятся. По крайней мере, не в ближайшие одиннадцать месяцев. За это время в следственном управлении Гратцвига наверняка сумеют разобраться и с искажёнными, и с тенями.

По крайней мере, я только на это и уповала.

В дверь постучались, но вместо «мужа» в комнату вошла служанка. В руках девушка держала поднос с нашим завтраком, с её предплечья свисало моё очищенные, старательно выглаженное платье.

— С жакетом тоже почти закончила. Скоро принесу, — отчиталась она и, поинтересовавшись, угодно ли мне ещё чего, удовлетворилась «нет, спасибо» и вышла.

Туалет здесь был на этаже в количестве аж одна штука. К счастью, свободный, к несчастью, как и вчера, не самый чистый. Быстро одевшись, я сделала вылазку из комнаты, а когда вернулась, застала Деллагарди, расставляющим на столе тарелки с чашками.

— У меня хорошие новости, — не оборачиваясь, сказал он.

— Удалось найти экипаж? — обрадовалась я.

— Лучше. — Наполнив чашки кофе, дракон бросил на меня взгляд из-за плеча. — Приехал Вернер. Эдвина с утра пораньше закатила истерику, мол, с нами что-то случилось, и потребовала срочно нас разыскать. К счастью, Вернер знал, куда мы отправились, и не пришлось задействовать полицию.

— Ты же говорил, что она привыкла к твоим затяжным отъездам. — Я стояла в дверях, не решаясь пройти в комнату, приблизиться к дракону. Казалось, стоит только сделать к нему шаг, как по телу снова побегут уже знакомые волны дрожи, и я снова опьянею от этого странного чувства.

Опасного чувства. Несвоевременного и нежеланного. Вчера мне хватило пары секунд, чтобы сойти от него с ума.

— Я не учёл, что пообещал ей конную прогулку и магазины. Ради них Эдвина меня даже из-под земли достанет. Что уж ей какой-то Корвин.

\* \* \*

Завтрак прошёл в неловком молчании и явном отрицании ночных событий. И Делагарди, и я делали вид, что ничего не случилось. Что нам обоим сумасшествие в кровати просто приснилось.

Вильма исчезла ещё до того, как я вернулась из туалета. Наверное, в кои-то веки вспомнила о личных границах и решила не мельтешить перед глазами. Хотя пусть бы и мельтешила себе на здоровье. Возможно, я бы тогда меньше смущалась дракона.

— Если готова, можем ехать, — не успели мы закончить завтракать, предложил Эндер.

Я кивнула и быстренько надела жакет. Оглядела комнату, желая убедиться, что ничего не забыла. Но стоило взгляду зацепиться за кровать, как в груди промчался маленький ураган, а дыхание перехватило от воспоминаний о чужом дыхании на моих губах.

Плохая, плохая кровать!

— Я буду внизу! — выпалила и, не дожидаясь ответа, стрелой бросилась к лестнице. Оттуда на улицу к машине и скучающему неподалёку Вернеру.

— Леди Делагарди! — обрадованно поприветствовал меня водитель, но тут же, скользнув по моему лицу взглядом, стал серьёзным, если не сказать обеспокоенным. — Всё в порядке? Вы будто от призрака убегали...

— Я просто... разминалась, — ляпнула первое, что пришло в голову. Повела плечами, руки раскинула в стороны. — Стараюсь быть активной, чтобы не заплыть жиром.

Вернер окинул меня ещё одним взглядом, словно пытался понять, где там и что вообще может заплыть. В его глазах явно читалось, что лишняя жировая прослойка не то что не помешает, а сделает леди ещё краше.

Мужчины... Ничего не понимают.

— Не сможешь? — Я кивнула на дверцу паромобиля, и водитель отмер, распахнул её передо мной с лёгким поклоном.

Не успела устроиться на мягком кожаном сиденье, как подоспел Эндер. В отличие от меня глава Высокого дома выглядел слегка помято. Его одеждой никакая служанка не занималась и спал он всю

ночь не на кровати, хоть и пытался отвоевать там для себя пространство. И меня заодно завоевать...

Так, Женя, хватит про кровать!

В Гратцвиг мы вернулись ближе к полудню и договорились сразу, дабы избежать гнева племянницы, отправиться на прогулку.

— Переодеться хотя бы можно будет? — спросила я, вспомнив о красивейших амазонках, что пошили для меня портнихи. И их помощницы. Одна из которых...

Ладно, не будем портить себе настроение в такой погожий воскресный день.

Эндер опустил взгляд на свои измятые штаны:

— Переодеться будет нужно, иначе, боюсь, меня не поймут.

Я чуть слышно усмехнулась. Ох уж это не в меру придирчивое высшее общество.

За всю дорогу мы, понятное дело, тоже не обсуждали наши ночные «бодрствования», а дома стало уже не до этого. Оказалось, там нас ждала не только Эдвина.

По воскресеньям особняк Делагарди становился будто необитаемый. Большинство слуг в этот день брали выходной, оставались только Вернер, кухарка и пару служанок. Но сегодня мы не успели переступить порог, как я насчитала аж четырёх горничных в холле. Одна старательно натирала полы, другая полировала перила, третья то же самое проделывала с растениями в больших кадках: шлифовала тряпкой каждый листок с таким усердием, словно ждала, что под зелёной оболочкой скрывается золото — надо только лишь до него добраться. Четвёртой повезло и того меньше — она стояла на вершине очень ненадёжной на вид конструкции: стол и на нём опасно поскрипывающая лестница. Пристав на носочках, девушка вытирала пыль с хрустальных висюлек люстры. Занятие нудное, тяжёлое, муторное.

— Осторожнее, Тиа! — с тревогой сказала я и обернулась к вошедшему следом дракону, взглядом спрашивая, что вообще здесь происходит.

— С чего это вы вдруг затеяли генеральную уборку? — нахмурившись, потребовал объяснений глава дома, но ни одна из горничных ответить не успела.

Голос, недовольный и громкий, раздавшийся в одном из коридоров, заставил служанок ещё усерднее тереть и полировать, а нам стало ясно, кто стал причиной испорченного для многих домочадцев выходного.

И минуты не прошло, как эта самая причина, прихрамывая и опираясь на трость, важно выплыла в холл.

— Бальдер? — Делагарди нахмурился ещё больше. — Ты что здесь делаешь? Тебя не должны были выписать раньше понедельника, и то, если только лекарь Браден позволит.

— Сказать бы, где я видел вашего лекаря, — проворчал дворецкий. Правда, тут же опомнился и, с явным трудом поклонившись своему господину, продолжил уже совсем другим тоном: ровным и невозмутимым: — Я в отличной форме, эйрэ, и нужен здесь, когда там совершенно бесполезен.

Ещё бы! Там наверняка медсестёр не построишь, а здесь вон какое раздолье.

— Я так понимаю, никто из врачей не в курсе, что ты сам себя выписал? — прекрасно зная ответ на свой вопрос, всё же спросил «благоверный».

— Искать врача по всему госпиталю в воскресенье — гиблое дело. Я решил не тратить впустую время.

А провести его с пользой. Для своей властной натуры, но уж никак не для бедных девушек в передниках.

— А это... — начал было Эндер, собираясь разобраться с домашним рабовладельчеством, но спасению горничных помешал ураган в лице Эдвины.

— Наконец-то вы вернулись! — выпалила, слетая по лестнице, девочка. — Я так ждала! Так...

В отличие от нас она к прогулке уже была готова, собрана и причесана. Запнувшись на последней ступеньке, Эвина внимательно нас оглядела и, переведя взгляд на Эндера, с нарастающим беспокойством продолжила:

— А чего это ты такой? Только не говори, что мы сегодня никуда не поедем и...

Её голос упал, взгляд померк, и я поспешила ответить:

— Почему не поедем? Ещё как поедем! Дай нам пятнадцать минут, и мы в твоём полном распоряжении.

«Племянница» недоверчиво на меня покосилась:

— Ты поедешь кататься с нами?

— Если ты не против моего общества, — улыбнулась девочке, и та к моему облегчению кивнула. Всё ещё настороженно, но главное: согласилась, приняла. — Что ж, тогда не будем терять время, — бодро сказала я и поспешила к лестнице.

А проходя мимо доморощенного генерала с тростью, услышала удовлетворённое:

— Неплохо, леди. Очень неплохо.

\* \* \*

*Эндер Делагарди*

— Видел отчёт по маске? — поинтересовался Таубе, не успел я забраться к нему в машину.

— Когда бы? Меня на выходных не было в городе, — ответил я, невольно возвращаясь мыслями в минувшую субботу. А потом в воскресенье, которое, несмотря на мою нелюбовь к магазинам и неспешным прогулкам в Гринвидском парке, где собиралась докучливая знать, осело в сознании множеством тёплых воспоминаний.

Сколько бы Эдвина ни пыталась делать вид, что ей плевать на тётю, было видно, Женя ей нравится. Иногда, забыв о роли колючки, которую так старательно исполняла, она смотрела на неё совсем другими глазами. С интересом, надеждой, радостью. Что бы Эдвина ни говорила, втайне она была рада возвращению Раннвей.

Вот только Женя — не Раннвей. Если девочка успела проникнуться к «тёте» симпатией за один неполный месяц, то что будет через год? Как Эдвина воспримет её внезапное исчезновение? Решит, что снова нас бросила.

Ей снова будет больно.

— Вот, почитай, пока едем, — сунул мне в руки бумажку Рейер.

Отбросив лишние сейчас мысли, я постарался сосредоточиться на работе, а пробежавшись по отчёту взглядом, задумчиво пробормотал:

— Как и предполагали, маска не просто элемент декора — это артефакт.

— Жаль, нашим умникам не удалось понять, как привести его в действие, — хмыкнул напарник и резко затормозил на повороте, едва не сбив выскочившего на дорогу мальчишку. Погрозив кулаком и

дождавшись, когда тот удерёт, медленно поехал дальше. — Что-нибудь слышал о племени Нубура?

Я снова опустил взгляд на отчёт.

— Одно из самых загадочных и обособленных племён Гайры. Эти островитяне не отличаются гостеприимством и зачастую встречают чужаков ядовитыми дротиками, после чего приносят в жертву, прославляя своих богов.

— Душевные люди, — с усмешкой заметил напарник и скосил взгляд на исписанный мелким почерком листок. — В отчёте говорится, что это племя верит в двойственное начало, в то, что в каждом из нас сокрыто два естества, а-ля свет и тьма. Со светом мы рождаемся, а тьму надо в себе раскрывать. Только непонятно, на кой харг?

— В их культуре принято считать, что в тёмном начале заложена сила и потенциал. Чтобы раскрыть его, нужно пробудить своё второе «я».

— Не удивительно, что они такие агрессивные. Если все поголовно раскрытые... То же самое происходит и у вас, драконов, разве нет? Вы же этим и занимаетесь в своих колледжах и гимназиях.

— Мы раскрываем магию, если таковая имеется. У драконов нет понятия двойственного начала. Мы — потомки Перерождённых, в которых остались отголоски бывшего величия древних драконов. Его-то мы и пытаемся в себе отыскать.

— Как по мне, так одно и то же, — дёрнул плечами Таубе.

Вскоре мы подъехали к управлению. По понедельникам Экеблад любил собирать весь свой штат, чтобы попортить нервы нам, а себе поднять настроение. Для него каждая такая встреча была залогом удачного начала недели, для нас — пыткой, которую редко удавалось избежать.

Выйдя из машины, мы не спеша (спешить на поклон к начальству желания не было!) направились к серому, блёклому зданию, которое в ненастные дни, такой как сегодня, казалось особенно тёмным и мрачным.

— То есть эта двойная рожа и способствует пробуждению тёмной стороны?

— Пока что это только наше предположение, но я думаю, что так и есть, — ответил я, рисуя перед глазами уродливую маску. Два

спянных воедино лица, и даже «светлая сторона» не то чтобы была приятной. — Осталось только выяснить, как её активировать.

— Спросить у создателей маски?

— Они тебя отравят прежде, чем успеешь раскрыть рот. А может, сожрут. Если сильно понравишься.

— Обычно я людям нравлюсь... — пробормотал Таубе и с отвращением поёжился. — Но какие-то же контакты с ними имеются, раз нам хотя бы что-то о них известно. Можем, например, попросить господина Родингера, раз уж один из его кораблей и доставил в Кармар столь редкий груз.

— А он, как обычно, будет строить из себя идиота и повторять, что знать не знает, как маска попала на его корабль.

— Не будь он драконом... — Напарник едва заметно поморщился.

Мне была прекрасно понятна его досада. Семьям вроде Родингеров позволено многое. Из года в год они обогащают королевскую казну, не скупясь на подарки, чтобы его величество смотрел на их дела сквозь пальцы. А лучше, не смотрел вовсе. Короля такой расклад устраивал, для нас же всё усложнялось. Без неопровержимых доказательств такого, как Вольмар, не арестуешь. Даже в управление вызвать не получится! Приходится бегать за ним по всему Гратцвигу в надежде, что этот ублюдок соизволит швырнуть нам хотя бы какие-то крупинцы информации.

Но делиться информацией не входило в его планы.

— Может, Келлер потому и стал искажённым? — предположил Рейер, уже подходя к кабинету главы управления. — Активировал артефакт, и тот раскрыл его... хм... потенциал.

Я неопределённо пожал плечами. Это был всего лишь домысел, но домысел, неплохо укладывающийся во все недавние события.

— А тень, следующая за ним — своего рода бонус?

Напарник мрачно на меня покосился:

— Я просто рассуждаю, Эндер. Выдвигаю версии.

— И эта версия мне нравится, — сказал я примиряюще. — Вполне имеет шанс на жизнь. Понять бы, связана ли маска с духом.

И почему Келлер, а также второй искажённый выбрали своей жертвой Женю.

\* \* \*

Нам повезло, планёрка оказалась короткой. На полдень у Экеблада была назначена встреча с комиссаром полиции Гратцвига, а потому времени, чтобы основательно потрепать нам нервы, у Арильда просто не было.

Можно сказать, день начался неплохо, а если повезёт, то и неделя окажется сносной. Но главное, чтобы была плодотворной.

— Ты сказал, что на выходных тебя в городе не было, — вспомнил Рейер, когда мы вышли из кабинета главы управления. Миновав приёмную, в которой, сгорбившись, корпел над печатной машинкой Руткер, оказались в коридоре. — Романтический отдых с супругой?

— Ездил в Корвин. Говорил с тётей покойной помощницы.

— Удалось узнать что-нибудь интересное? — спросил Таубе и сам же ответил, прекрасно всё поняв по выражению моего лица: — Ясно... И здесь тупик. Что-то в последнее время везёт нам на тупики.

Рассказать о том, что моя «супруга» говорила с самой покойницей, я не мог, поэтому лишь молча кивнул, а потом проговорил:

— Предлагаю поговорить с другими швеями.

— Так я ведь уже всех допрашивал, — напомнил напарник и с мрачной усмешкой добавил: — Там тоже всё тухло. Девушки в один голос утверждали, что с Лейни общались только на работе. И то, как общались... О личном никогда не разговаривали и ничего о ней не знали.

— Мало ли, может, за неделю что-нибудь вспомнили...

Рейер без особого энтузиазма пожал плечами, и мы отправились к мистис Стине снова пытаться счастье. Повезло, что обе девушки были на месте, в мастерской портнихи. Пока сама портниха обслуживала клиентку на первом этаже, нам предложили располагаться на втором — в её кабинете.

— Сначала вы, мисти, — позвал я кареглазую шатенку, мгновенно покрасневшую.

Кивнув, девушка просеменила за нами к лестнице, а наверху неловко указала на дверь с витражными вставками:

— Вот сюда, пожалуйста.

Кабинет портнихи оказался небольшим, но уютным, как и в целом вся мастерская. У окна стоял письменный стол, в углу напротив — два манекена, завешенных отрезами ткани. Листки с эскизами лежали на



столе ровной стопкой, а небольшой стеллаж слева хранил в себе по большей части не книги, а бесчисленный выкройки.

Уверенный, что мы просто зря теряем время, Рейер опустился на диван возле манекенов, я же занял кресло за столом портнихи и внимательно оглядел девушку.

— Как вас зовут?

Ещё больше покраснев, помощница чуть слышно произнесла:

— Элоиз, ваша светлость. Элоиз Гибсон.

— Расскажите нам, мисти Гибсон, всё, что вы знаете о погибшей.

— Но я ведь уже... — девушка неуверенно оглянулась на Таубе.

— Уверен, вас не затруднит повторить всё, что вы рассказали моему напарнику.

Кивнув, Элоиз заговорила. Время от времени я перебивал её, задавал вопросы, но, к моей досаде, эта помощница Лейни почти не знала. Я не чувствовал в ней фальши. Да, она смущалась, да, тушевалась, но многие чувствуют себя неловко, когда их допрашивают. А уж перед драконами и вовсе теряются.

Спустя полчаса стало ясно, что эта девушка для нас бесполезна.

— Можете идти, Элоиз, — улыбнулся ей, отчего девица окончательно слилась со своей ягодного цвета юбкой. — Да, и пригласите к нам другую помощницу. Мисти...

— Нисса Дэвис, — подсказал, порывшись в своих записях, Рейер. Не успела дверь за девушкой закрыться, как он многозначительно выдал: — Это чтобы ты больше не сомневался в моих способностях вести допросы.

— Может, со второй повезёт больше.

— С каких это пор ты превратился в законченного оптимиста?

Я ничего не ответил, машинально бросил взгляд на эскиз, венчавший внушительную стопку бумажек, и почему-то подумал, что в этом платье Женя была бы преступно прекрасна. Не настолько преступна и не настолько прекрасна, как вообще без всякого платья, но...

Но это, Эндер, уже ненормально. По поводу и без повода переключаться мыслями на иномирянку.

Помощница номер два появилась спустя минут пять. Такая же смущённая, взволнованная. По крайней мере, поначалу она казалась просто смущённой вниманием дознавателей, а может, дракона, но

вскоре стало ясно, что мисти Нисса из-за чего-то переживает. Это заметил не только я. Поднявшись с дивана, Рейер приблизился к столу и, опустившись на его край, стал пристально всматриваться в лицо девушки.

— Я ведь всё уже рассказала. Я правда больше ничего не знаю. Лейни... она... Ай! — Девушка вскрикнула и поднесла к губам палец. Последние пару минут она с таким увлечением мяла юбку, что не заметила нанизанную на ткань иголку. — Мы толком с ней не общались.

— Тогда почему вы нервничаете? — спокойно спросил я, и девица вздрогнула. Стушевалась, отвела взгляд, а я продолжил: — Поверьте, мисти, это мой не первый допрос. Я сразу чувствую фальшь. Мой дар...

Заканчивать не было смысла. Одно лишь упоминания о даре было достаточно, чтобы девица сама себе всё нафантазировала и чуть ли не со слезами на глазах простионала:

— Но я действительно ничего не знаю. Лейни была очень скрытной. Почти о себе не рассказывала и в подругах явно не нуждалась. Лишь однажды... — Она осеклась, опустила глаза и продолжила терзать ни в чём не повинную юбку, рискуя напороться ещё на какую-нибудь булавку или иголку.

— Что однажды? — переспросил я, после чего с нажимом добавил: — Мисти Дэвис, мы можем продолжить этот допрос уже в участке, и там с вами буду говорить не только я, но и маги, натасканные выяснять правду.

— Любыми способами, — поддакнул Таубе, и девушка задрожала. Пролепетала чуть слышно:

— Я не сделала ничего плохого. Просто... это так стыдно!

Она спрятала лицо в ладонях, мы терпеливо ждали. А когда терпение закончилось, я, не сдержавшись, рявкнул:

— Говорите!

— Кажется, у Лейни был мужчина, — тут же отмерла Нисса.

— Она о нём рассказывала?

— Нет, — покачала головой помощница портнихи. — Лейни была себе на уме, не любила делиться. Но однажды она предложила... составить ей компанию.

Мы с Рейром переглянулись.

— Где и зачем? — нарушил повисшее молчание напарник.

Нисса прерывисто вздохнула:

— Есть один клуб... не помню название... Из слов Лейни я поняла, что там собираются очень влиятельные люди... Мужчины.

— Мужской клуб?

Девушка покачала головой:

— Девушки туда ходят тоже. Харг меня дёрнул однажды обмолвиться, что мне не везёт в... знакомствах. — Она снова прижала ладони к горящим щекам и продолжила выталкивать из себя слова: — Ну Лейни и предложила сходить туда вместе. Уверяла, что это очень респектабельное место. Ни какой-нибудь бордель или что-то в этом роде! Я решилась... Немного успокаивало то, что там все в масках. И девушки, и мейсты. Так я чувствовала себя... более защищённой, что ли. К тому же Лейни заверила, что мейсты ведут себя очень корректно. Могут предложить угостить бокалом вина и даже пригласить за свой столик, но не настаивают и не докучают. Там было так красиво! — Впервые за время нашего разговора на губах у Ниссы промелькнула улыбка. Правда, тут же погасла, и помощница торопливо продолжила, явно мечтая, чтобы эта постыдная исповедь скорее закончилась: — В этом месте проходят целые выступления. Танцовщицы, гимнастки так талантливы! Играют также музыканты, а певица пела просто завораживающе... Поначалу меня всё это увлекло, захватило, а опомнившись, я поняла, что Лейни бросила меня. Её кто-то позвал, и я осталась одна. И тут начала замечать не только красивые выступления, но и взгляды мейстов... — Девушка поёжилась, обхватила себя руками и торопливо завершила: — Пусть это и не бордель, но я поняла, что не для меня место. Может, Лейни и была рада стать чьей-нибудь содержанкой, а я хочу замуж. Не нужны мне лорды, мне нужен...

— Мы вас поняли, — мягко перебил её Таубе.

— Точно не помните название клуба? — уточнил я на всякий случай.

— Нет, но могу назвать примерный адрес. Я в тот район часто езжу, забираю для мистис Стины ткани.

— Говорите, — велел я и приготовился записывать.

## Глава 15. Откровения из прошлого

*Женя Исаева*

Утром «мужа» я не видела. Он уехал раньше, чем я проснулась, а проснулась я довольно поздно. Время уже перевалило за полдень, когда леди Делагарди-Фармор изволила оторвать свой зад от кровати. Потянулась, покрутила головой влево-вправо, разминая шею; зевнула, сонно оглядываясь.

Вообще я не сова, а скорее, жаворонок, но после откровений Вильмы насчёт кляксы уснуть долго не получалось. Даже открытая дверь между моей и драконьей спальнями положения не спасала. Я всё равно тревожно ёрзала, ворочалась и то и дело приподнималась, чтобы оглядеть залитую полуночным светом комнату. Никаких теней не было. По крайней мере, я присутствия злобного духа не ощущала. В конце концов, сморённая усталостью, уснула и безмятежно проспала добрую половину дня.

Лентяйка.

Зато теперь чувствовала себя превосходно и готова была свернуть горы. Ладно, в горы мне не надо, тем более их сворачивать, а вот сгонять к Фарморам... Раз уж давно собиралась. К тому же Александр...

Саша!

Вспомнив про охранника, мысленно на себя выругалась. Ещё в пятницу мы договорились, что он подъедет сегодня к одиннадцати. Это что же получается, он приехал, а леди преспокойно сопит себе в подушку? Остался ждать или решил, что раз я отдыхаю, значит, и ему можно? Если так, я снова пролетаю с Фарморами, а ведь меня там будет ждать Вильма.

Не теряя больше времени на размышления, позвонила в колокольчик. Полин и Минна явились спустя минуту. Видимо, были наготове.

— Мейст Морриан приезжал? — это было первое, о чём я спросила.

— Да, ваша светлость. Ждёт в гостиной, — изобразив книксен, отчиталась Минна.

Не уехал — уже замечательно. Только представляю, что он думает о леди Делагарди.

— Помогите мне одеться, — торопливо попросила служанок и, даже толком не умывшись, начала собираться. — Вы его хотя бы покормили? — поинтересовалась, воюя с чулками, которые никак не желали натягиваться.

— От завтрака мейст отказался, — отчиталась Полин.

А Минна поддакнула:

— Но я взяла на себя смелость принести в гостиную кофе с булочками, печенье и круассаны.

— Умница! — похвалила я и заметила, как служанка покраснела.

Полагаю, что не от похвалы, а от разговоров о молодом красавце-драконе. Всю прошлую неделю, когда он за мной приезжал, какая-нибудь из служанок обязательно крутилась рядом. Уверена, что, спустившись в гостиную, обнаружу не только Мориана, но и горничных, которым приспичило вот прямо сейчас затеять там уборку.

— Полин, принеси и мне круассан с кофе, — обратилась к девушке, выискивающей в гардеробной жакет поплотнее.

Вчера погода радовала теплом и буйством красок. Парк, по которому мы катались, утопал в осеннем многоцветье: багряная, ярко-зелёная, охровая листва была пронизана лучами солнца. А сегодня, словно решив, что одного дня достаточно, погода снова расстраивала. За окнами спальни было серо, туманно, мрачно. Морось уже успела облепить стёкла и, судя по краскам на небе, в Гратцвиге вполне может повториться субботнее безобразие. Главное, чтобы опять машина не сломалась и я не осталась харг знает где теперь уже с Александром.

«Муж» будет вне себя от «счастья».

Быстро собравшись и ещё быстрее запихнув в себя завтрак, поспешила вниз. А внизу, как и ожидалось, компанию ультору составляли служанки. Не знаю, где в это время находился Бальдер, но Санне, Свее и Эстель понадобилось срочно навести в гостиной порядок. И при этом они не забывали бросать взгляды в сторону Саши. Дракон стойко сносил все знаки внимания, шепотки и улыбки, делая вид, что ничего не замечает. Правда, при виде меня подскочил с

диванчика с такой радостью, словно мы не виделись последние лет двадцать.

— Леди Делагарди!

— Доброе утро, Са... Александр, — сходу поправилась я и с улыбкой извинилась за то, что проспала.

— В такую погоду ничем другим и заниматься не хочется, — понимающе кивнул мой охранник.

А Санна томно закусила губу, явно представив его и себя спящими в одной кровати. А может, не спящими, а чем-то другим занимающимися. В такую замечательную для разных постельных занятий погоду.

Бросив на горничную взгляд, отчего та сразу вернулась к натиранию серванта, я сказала:

— Мне нужно за город, к Фарморам. Ну то есть в родовое имение моего отца. Моё...

Так, Женя, а ну быстро войди в роль!

— Тогда, если вы готовы... — с надеждой начал Мориан.

Кивнув, забрала у Минны жакет и тонкие лайковые перчатки. Повесила на руку сумочку и отправилась к машине следом за Александром. Не знаю, будет ли толк от этой поездки, но и бесцельно протирать юбки дома я тоже была не намерена.

\* \* \*

Родовое имение Фарморов располагалось неподалёку от Гратцвига. Не успели мы выехать за пределы столицы, как шумные улицы сменились ровным дорогами, обрамлёнными лугами и редкими домиками. Ну как домиками — скорее, доминами, домищами и целыми дворцами. Небо продолжало хмуриться, скупно выплёвывая редкие капли, но даже осенняя хмарь была не способна украсть красоту у этих великолепных зданий. Приходилось рассматривать их издалека, потому что от кованых ворот до обителей знати простирались немалые расстояния.

— Знаешь, куда ехать? — запоздало спохватилась я, вдруг осознав, что понятия не имею, где жили Фарморы.

И Вильма, как назло, не появлялась.

— Мне доводилось бывать у вас... у тебя в гостях. Давно, много лет назад, — ответил Александр и тут же с улыбкой добавил: — Забыть такой дом невозможно. И не заметить его тоже будет сложно.

Что ж, он оказался прав. Родовое гнёздышко Фарморов действительно впечатляло. Не столько сам особняк, сколько территория, на которой он располагался. Парк не меньше того, по которому мы вчера катались, и в самом его сердце, частично спрятанное под навесом из деревьев — серое, будто стальное, озеро. На небольшом островке посреди него белело не то какое-то святилище, не то просто обнесённая колоннами беседка.

Сам особняк был всего на два этажа, но растянулся на четыре немалых крыла. Парадный вход, как и беседку, венчало столько же колонн. Каждую, угрожающе скалясь, овивало каменное чудовище. Дракон. Они же безмолвными изваяниями охраняли подножие лестницы, к которой мы подъехали.

На шум и фыркание машины из дома показался пожилой мужчина. Нахмурился, бросив взгляд на выпускающий дым транспорт, и тут я заметила, что наш паромобиль — не единственный.

Достаточно прытко для своего возраста слуга (должно быть, это был всё же слуга) стал спускаться по лестнице. Мы вышли к нему навстречу.

— Леди Раннвей? — Старик запнулся на полдороги и посмотрел на меня так, словно вместо леди из паромобилия выплыл призрак.

Кстати, о призраках. Вильма маячила за спиной у мужчины, вовсю улыбаясь и строя глазки моему охраннику. Повезло Александру, что хотя бы этих поползновений в свой адрес он не замечает.

— Я слышал, что вы вернулись, но... До последнего не мог поверить... — ошеломлённо бормотал незнакомец. — Такое счастье, такая радость... Вы снова с нами!

— Я собиралась приехать раньше, но, увы, дела не отпускали, — улыбнулась пожилому мужчине и вопросительно посмотрела на Вильму.

— Джером, — правильно поняла мой взгляд старушка. — Домоправитель. Живёт во флигеле вместе со своей женой и двумя дочерьми. Они здесь должны прибираться, но прибираются, скажу тебе, преотвратно. Сейчас сама всё увидишь.

На порядок мне было плевать. Куда больше меня занимала мысль, удастся ли обнаружить в доме Фарморов что-нибудь интересное, а ещё — чужая машина. Но может, последняя принадлежит домоправителю.

— Скажи, Джером, чей это паромобиль?

Спустившись по лестнице, пожилой дворецкий ответил:

— Не поверите, ваша светлость, но у нас сегодня весьма оживлённый день. Обычно к нам месяцами не приезжают, а сегодня и вы, и леди Левенштерн изволили пожаловать. Моя Порра будет вне себя от радости, когда вас увидит! Пойдёмте в дом. — Джером поднял морщинистое лицо, подставляя его под холодную морось. — Опять начинает накрапывать. Порра как раз испекла ваши любимые булочки с ликёрной глазурью. Как чувствовала, что именно сегодня приедете.

Он ещё что-то говорил. Про булочки, жену, дом, а я шла следом и только и думала: вот какого? Что Данна-то здесь забыла? И почему именно сегодня?

Видеть «тётушку» совершенно не хотелось, но не прятаться же от неё по всему дому. Да и надо бы выяснить, что ей здесь понадобилось.

— Я бы сначала хотела повидаться с тётей, — пресекла я попытку утащить меня на чай в гостиную. — Где она?

— Наверху, — выдал дислокацию леди Джером.

А Вильма ворчливо уточнила:

— В кабинете твоего папаши заперлась. Комната под охранными чарами, поэтому я понятия не имею, чем она там занимается, негодяйка.

— Тогда и я пойду наверх.

Попросив дворецкого позаботиться об Александре (сегодня у него день булочек и круассанов), поспешила к ступеням, застеленным ковром, от которого даже за несколько метров разило пылью.

Действительно халтурят служанки.

Поднявшись по лестнице, от которой в разные стороны разбегалось два длинных коридора, шёпотом обратилась к своей провожатой:

— Куда теперь?

— Налево. Третья дверь.

До нужной комнаты добралась быстро. Толстая ковровая дорожка (также «благоухающая» пылью) скрадывала звук шагов, поэтому для Данны стало сюрпризом, когда дверь неожиданно распахнулась и в



кабинет «отца» вошла я. Левенштерн, склонившаяся над письменным столом покойного, вскинула взгляд и вскрикнула от неожиданности. Бумаги, что до сих пор держала в руках, рассыпались по столешнице.

На несколько секунд в кабинете покойного Фармора повисла напряжённая тишина. Я, прищурившись, смотрела на Данну. Она во все глаза пялилась на меня.

— Раннвей? — словно надеясь, что я лишь плод её воображения, пролепетала с надеждой.

— Тётя, — мрачно подхватила я и продолжила, сделав ударение на последнем слове: — Не ожидала увидеть вас *здесь*.

— Я-а-а... — с явным волнением начала Левенштерн и тут же, увы, вспомнила, что перед ней тихоня Раннвей, а значит, можно не тушеваться. Вздёрнула подбородок, заявила важно: — Я выросла в этом доме. Имею право!

— Хозяйничать в кабинете моего отца? — вопросительно дёрнула я бровью.

Получив в ответ раздражённое:

— Когда-то это был и кабинет моего отца тоже!

Она бы ещё вспомнила основателя рода — похитившего бедняжку Найву негодяя-дракона. Помнится, родовое гнездо Фарморов было возведено более века назад и с тех пор переходило от отца к сыну, от дракона к дракону. Данна к этим хоромам вообще никаким боком.

Я вошла в комнату, скупо освещённую пасмурным полуденным светом, что проникал сквозь приоткрытые шторы. Тёмно-зелёные, как и ковёр перед столом, и обивка приставленного к нему кресла.

— Что вы искали, тётя? — перевела взгляд на устроенный Левенштерн бумажный бардак, и лицо той позеленело, став одного колера с портьерами. Золотистые ламбрекены на них и бахрома на бархатном платье Данны тоже неплохо сочетались.

— Тётя? — повторила я, намекая, что всё ещё жду ответа.

— Выжми из этой швабры всё, что можешь! — благословила меня на допрос из коридора Вильма.

Данна дёрнула плечами, важно их расправляя, и дерзко, самоуверенно сказала:

— Искала семейные фотокарточки. В гимназии дали творческое задание — рассказать об истории своей семьи. Эдвина разве тебе ничего не говорила?

Заметив, что я хмурюсь, Данна удовлетворенно хмыкнула:

— Не видит девочка в тебе наставницу. В упор не замечает.

— Наоборот, мы с Эдвиной неплохо ладим. Наши отношения налаживаются!

И зачем перед ней оправдываюсь...

— Ну значит, она просто стесняется говорить о своей семье, — ещё радостнее заулыбалась Левенштерн, почему-то напомнив мне жабу. Зелёную, скользкую, пронирыливую жабу. — Пока не выполнит обозначенные в завещании условия, никакая она не Фармор. Сейчас она Польман, а что можно рассказать об этих нищebroдах?

Она презрительно скривилась, и мне тоже захотелось поморщиться. От отвращения к этой ядовитой особе.

— Не забывай, ты говоришь и о моей сестре тоже.

— Я говорю о её муже, дорогая. О простом человеке. Из тех слоёв общества, о которых даже думать тошно.

Сегодня для меня стало очевидно: в Данне Левенштерн было немало не только жабьего, но и змеиного.

— Как бы там ни было, — она подхватила брошенные на стол перчатки, — фотографий здесь нет. Возможно, они в коробках на чердаке, но у меня нет ни времени, ни желания копаться в пыли.

Поправив кокетливо выбивающийся из-под шляпки локон, обошла стол и встала передо мной.

— Увидимся на встрече наставниц, дорогая. Тебе же пришло приглашение? Должно было, раз уж ты так отчаянно рвёшься воспитывать Эдвину и даже, как это ни удивительно, смогла пробудить в себе силу. До сих пор не верится...

Взгляд, которым меня окинули, яснее ясного давал понять, какого мнения обо мне разлюбезная гадина. Ну то есть «тётушка». Со змеиными замашками и повадками той самой ползучей твари.

Я ничего не ответила, потому что знать не знала ни о каком приглашении. То ли не прислали, то ли почему-то не передали. Будем разбираться.

— Хорошего тебе дня, дорогая, — совсем как Шанетт поцеловала воздух у моего лица Данна. — Надеюсь, из тебя получится достойная для Эдвины наставница. Этот ребёнок и без того достаточно настрадался.

И что это вообще значит?

Левенштерн ринулась в коридор, а я, не сдержавшись, процедила:  
— У Эдвины всё отлично. А дальше будет ещё лучше. Мы с Эндером об этом позаботимся.

Обернувшись, «родственница» ядовито промурлыкала:

— Дай-то Великий дракон... Я бы о ней куда лучше позаботилась, но раз уж тебе приспичило поиграться в дочки-матери...

Левенштерн явно была из тех стерв (ладно, дракониц), которые привыкли, чтобы последнее слово всегда оставалось за ними.

С трудом поборов желание захлопнуть за ней дверь, приблизилась к столу. Вильма полетела за мегерой. Может, чтобы столкнуть её с лестницы?

Отмахнувшись от этой мысли, весьма и весьма приятной (я бы даже сказала, дурманно-сладостной), стала бегло просматривать разбросанные бумаги.

Вот за что, стесняюсь спросить, Раннвей её любила? Неужели была настолько наивной? Хотя тут уже будет правильнее сказать: недалёкой.

Я всё ещё ощущала эмоции прошлой хозяйки этого тела, заглушаемые моими собственными: отвращение и злость на интриганку.

И что искала? Явно же не фотографии. А если фотографии, то почему не взяла с собой эту?

Среди документов я обнаружила фото Хеймера и Данны. «Отец» сидел в этом самом кресле, «тётка» стояла у него за спиной, положив руку ему на плечо.

По-моему, отличное фото для творческого задания: можно запросто похвастаться родством с Фарморами. Глава Высокого дома будто смотрел мне в глаза: холодно, надменно, а может, даже с презрением, которое сквозило в чертах его лица.

Я к этому дракону ничего не испытывала, но вот у Раннвей он явно вызывал страх. Причём немалый. Именно это чувство вдруг накрыло меня, толкнув в воспоминание из чужой жизни.

Вечер. Кабинет пропах дымом сигар и дорогого виски. Я несмело переступаю порог комнаты и всё, что вижу, — это дракона напротив. Он сидит в кресле, неторопливо скользя взглядом по каким-то бумагам. Тонкая струйка дыма поднимается от сигары в пепельнице к его руке, как будто желая приластиться, и я чувствую себя, как ты

самая полупрозрачная дымка. Мне одновременно хочется уйти и в то же время — приблизиться. Улыбнуться отцу в надежде получить от него хотя бы подобие улыбки.

Глупая мечта, ведь он даже, когда была маленькой, мне не улыбался.

— Проходи, Раннвей, — не отрывая взгляда от документов, приказывает он. — Ты не служанка, чтобы топтаться на пороге.

Я делаю шаг вперёд и слышу ещё один приказ:

— Закрой дверь. — А за ним следующий, в котором отчётливо сквозит раздражение: — Садись скорее же! У меня нет на тебя много времени!

Опускаюсь на самый край кресла. Спина прямая, руки на коленях. Так и должна сидеть перед отцом молодая леди.

— Вы меня вызывали, ваша светлость?

Отцом я называю его только в мыслях. Когда была помладше — папой. Но вслух только «ваша светлость» или «сиятельный герцог». По-другому нельзя. За другие... опрометчивые слова... может последовать наказание. Говоря откровенно, наказание может быть за что угодно, поэтому я стараюсь больше молчать и вообще не попадаться отцу на глаза.

Но когда он вызывает сам...

— Я всё устроил, — откладывая одну бумагу и беря в руки следующую, украшенную вензелями и гербом Фарморов, говорит его светлость.

Я молчу, ожидая, что он продолжит, объяснит, что и для чего устроил, но отец тоже замолкает. Тишина, напряжённая, давящая, заставляет меня всю внутренне сжаться.

— Не спросишь, что именно? — наконец достаивает меня коротким взглядом.

Я с трудом отмираю:

— Я ждала, что вы сами...

— Вот именно: я сам. Всё и всегда сам. Иногда мне кажется, Раннвей, что тебе было бы лучше родиться цветком в оранжерее, а не драконицей. Не Фармор! Что будешь делать, когда меня не станет? Зачахнешь?

— Я...

Он резко перебивает:

— Через месяц (тянуть не имеет смысла) ты и Эндер Делагарди поженитесь. Сегодня он сделал тебе предложение. Ну как сделал... — Отец мрачно усмехается. — Я подтолкнул его к этому решению. Он и Терес были бы идеальной парой, но эта девчонка меня не просто разочаровала — она унизила меня и растоптала! Отреклась от имени, от своего рода... И ради кого?! Ради этого... босоногого!

Уверена, в мыслях отец Нильса Польмана и не такими словами называет. Но сейчас мне не до Польмана. И не до Терес. Меня накрывает паника. Делагарди... Нет, нет и нет! Этот дракон не вызывает во мне никаких чувств, кроме желания оказаться от него как можно дальше! Ультор. Палач. Да он копия моего отца! Никогда не видела, чтобы он улыбался, а его взгляд... Холоднее тысячи ледников. Я не хочу иметь ничего общего с этим драконом. Моё сердце уже давно принадлежит другому! Это его улыбки я жду, как самого прекрасного подарка. Это его ищу взгляда, когда он оказывается рядом...

Меня охватывает сладостное волнение, которое возникает всегда, когда думаю о Вольмаре. Оно настолько сильное, всепоглощающее, что я неожиданно для себя самой возражаю:

— Мне кажется, это не самая удачная идея. Разве лорд Родингер с тобой не говорил? Он должен был... Лорд Делагарди... он...

— Не говорил и не заговорит, — снова перебивает отец. Откладывает в сторону ещё одну из своих бумажек и с насмешкой, словно ему всё это нравится, продолжает: — Раннвей, ты пустая. Такой, как Родингер, никогда не возьмёт в жёны такую, как ты. В отличие от тебя, я не мечтатель и не верю в сказки. И зря время терять тоже не собираюсь. Эндер Делагарди — отличная партия. Куда лучше, чем ты могла себе представить. Или предпочитаешь остаться старой девой без наследства? — Его взгляд леденеет, как бывает всякий раз, когда речь заходит о харговом наследстве. — Сама понимаешь, я не могу оставить наследие Фарморов пустышке. Терес должна была стать моей приемницей... — Его лицо как будто искажается судорогой, но он быстро берёт себя в руки. — Придётся завещать всё Данне. Я уже составил завещание. У неё нет сыновей, но хотя бы дочери не идиотки и не тряпки. Как видишь, о тебе я тоже позаботился. Свадьба через месяц. И точка!

Он поднимается из-за стола и идёт к дверям. Не то, чтобы выставить меня, не то чтобы сбежать от самого большого разочарования своей жизни. Отец уходит, больше не сказав ни слова, а я остаюсь сидеть, не двигаясь и, кажется, даже не дыша. Мне хочется кричать, но я не могу себе этого позволить. Я ведь безэмоциональная тихоня. Кукла, которая ничего не испытывает.

И которую в скором времени презентуют, как подарок, ужасному дракону. Охотнику за искажёнными.

Тело пронизывает дрожь, и только тут я замечаю следы ногтей на ладонях. Тонкая капелька крови сползает по коже, падает на юбку, пачкая светлый шёлк. Глаза наполняются слезами, которые я тут же раздражённо смахиваю.

Не в этот раз. Не сейчас!

Отец не прав в отношении Вольмара, а если и прав... Я знаю, что делать! Он поможет мне! Я перестану быть презренной пустышкой, получу дар. Я стану достойной Вольмара Родингера!

И не будет никакой свадьбы с охотником за искажёнными!

Я не кукла и не подарок. Я...

— Жень... Женечка... Ты что там? Окаменела?

Мягкий голос Вильмы вернул меня в реальность. Вечерняя дымка и дым сигары рассеялись, и я снова оказалась в настоящем. Чужие чувства потускнели, растаяли. Кроме одного единственного — меня по-прежнему пронизывала отчаянная решимость Раннвей.

Что она задумала? На что решила?

Кого собиралась просить о помощи? Всё того же Родингера?

— Жень...

Перевела взгляд на призрака, явно изнывающего от любопытства.

— Ну что там? — Вильма кивнула на бумаги.

— Ничего особенного. Письма, счета... Не знаю, что она искала, но надеюсь, что ничего не нашла.

Привидение разочарованно вздохнуло и снова вперилось в меня взглядом:

— А ты чего такая бледная? Хорошо себя чувствуешь?

Пока обходила второй этаж, рассказала Вильме о видении из прошлого Раннвей.

— Это что-то новенькое... Раньше у тебя ничего такого не было.

— Было, но очень редко. Короткие обрывки воспоминаний... Как вспышки. А здесь... — Оглядев очередную комнату, вся мебель в которой была накрыта светлыми тканями, я тихо пробормотала: — Видимо, это от того, что покойный Фармор вызывал в Раннвей слишком сильные эмоции. Она боялась его и вместе с тем искала его любви.

— Бедная девочка, — с горечью произнесла Вильма и тут же возмущённо выпалила: — Найти бы этого Фармора и... Даже не знаю, что бы я с негодяем сделала! Дочери, видите ли, его не устраивали. Одна слишком послушная, другая, наоборот, чересчур строптивая. А сам-то... Тоже мне, пример для подражания!

Вильма продолжала ворчать, пока я спускалась на первый этаж и пока шла по цепочке из комнат и залов. Увы, никаких других призраков, кроме моей Вильмы, замечено не было. Как не посетило и других видений.

Вернувшись в гостиную, наказала дворецкому больше не впускать Левенштерн и связаться со мной, если она снова попробует сюда сунуться.

— И ещё, — сказала я, уже прощаясь, — пришлите мне в Гратцвиг все бумаги из кабинета моего отца. Если где-то ещё остались документы, их тоже соберите. Надеюсь получить всё в ближайшее время.

Если Джером просьбе и удивился, то виду не подал. Поклонился и с почтением заверил, что возьмётся за задание уже сегодня.

— Благодарю, — улыбнулась пожилому мужчине и вместе с Вильмой скрылась в машине.

## Глава 16. Ревность, соперник и продолжение видений

*Эндер Деллагарди*

— Хочешь сказать, ты о нём даже не слышал? — Рейер недоверчиво на меня покосился, словно я пытался скрыть от него постыдную тайну.

— У меня и на клубы для драконов нет времени, а на этот, — я придиричиво оглядел забегаловку, — тем более.

Ладно, с забегаловкой я немного погорячился. Клуб для состоятельных мейстов и глупых, наивных мисти выглядел вполне прилично. Располагался он на одной из главных улиц Гратцвига — улице Пожаров. Прозвали её так неспроста — в прошлом она горела несколько раз. Последний пожар, едва не добравшийся до главной достопримечательности столицы, храма Великого Дракона, случился около века назад. Больше подобных эксцессов, к счастью, не повторялось, но название так и не поменяли.

— Вообще, интересное место, — пробормотал Таубе, переводя взгляд с круглой сцены посреди зала на многочисленные, разбросанные по всему клубу столики.

Те, что находились в отдалении, терялись в полумраке, другие были освещены свечами в высоких подсвечниках и магическими огнями, окружавшими сцену.

Мы приехали в самый разгар вечера, чтобы застать как можно больше завсегдатаев этой богадельни. Был риск, что в понедельник клуб окажется полупустым или и вовсе будет закрыт, но оказалось, зря переживали — все столики были заняты. В отдалении, у стойки, за которой ловкий малый быстро разливал крепкие напитки, толпилась ещё дюжина драконов и обычных людей. Точнее, не обычных, а состоятельных или хотя бы пытавшихся таковыми казаться.

Милых мисти здесь тоже было в избытке. Одни робко жались по углам в ожидании, что на них обратят внимание. Другие, посмелее (или попривлекательнее), составляли мейстам компанию за столами. Впрочем, сложно было с достоверностью сказать, насколько на самом деле привлекательны собравшиеся здесь девицы — лицо каждой



скрывала маска. Обычная чёрная, тканевая. Нам тоже такие всучили, прежде потребовав за вход небольшую сумму. Можно было, конечно, представиться и не платить, и так бы пропустили, но мы решили не привлекать лишнее внимание. Слиться с окружением и попытаться узнать, к кому бегала на свидания погибшая или же самоубившаяся помощница мистис Стины.

Пока я продолжал скользить по залу взглядом, певица на сцене продолжала тренировать гланды. На последних аккордах и самом длинном в моей жизни «а-а-а-а...» зал разразился громкими аплодисментами.

— Предлагаю разделиться, — поморщившись от громкого, пронзительного голоса, сказал Рейер и окинул хищным взглядом лестницы, угнездившиеся по разным концам зала. — Я пока узнаю, что там наверху есть интересного, а ты здесь осмотришься.

Я кивнул и направился к резной стойке за бокалом чего-нибудь крепкого. И за информацией. Может, этот парень, умело обращающийся с бутылками, что-нибудь расскажет.

— Ба! Какими судьбами?! Эндер Делагарди?!

Мысленно выругался, когда откуда-то слева раздался знакомый голос, в котором уже отчётливо звучали хмельные нотки. Лейф Флеминг. Они с Шанетт просто созданы для того, чтобы появляться в самый неподходящий момент.

Повернув голову, выругался во второй раз. Впрочем, тут же взял себя в руки и сдержанно улыбнулся. За столиком Флеминга Шанетт ожидаемо не было. Зато оказался Родингер, и это, в принципе, было неплохо. Родингер здесь, в этом клубе, а значит, он вполне мог быть любовником Лейни. Даже для слепого уже очевидно, что все нити сводятся в одну точку — к Вольмару Родингеру.

Он знал Келлера, в ячейке которого был обнаружен артефакт. Артефакт, доставленный в Кармар компанией Родингеров. Со вторым искажённым никакой связи обнаружено не было, но... Но он был на вечере, когда тварь напала на Женю. И он же вполне может быть связан с помощницей портнихи, как в прошлом был связан с Раннвей.

Возможно, его напугало возвращение моей супруги. Он ведь не в курсе, что её место заняла иномирянка и, если Раннвей что-то про него знала... Может, из-за него она и пропала?

Вдруг мелькнула мысль снова воспользоваться Жениным даром. Вряд ли сработает — я к своей жене едва ли был привязан, но попытаться всё же стоило.

— Что, красавица-супруга уже наскучила? — весело поинтересовался Флеминг, осушил бокал и пьяно ухмыльнулся.

— У тебя могу спросить то же самое, — заметил я, останавливаясь возле их стола.

Мои слова Лейфа явно не смутили.

— А что я? Я всего лишь составляю компанию своему приятелю, — кивнул он на Вольмара, рядом с которым, преданно заглядывая ему в глаза, сидела разряженная девица. — А ты здесь какими судьбами?

— Работа, — коротко ответил я и в свою очередь поинтересовался: — Не против, если присоединюсь? — Не дожидаясь ответа, занял единственное оставшееся свободным место.

Родингер слегка поморщился, но быстро совладал со своими чувствами. И безо всяких масок он неплохо умел маскироваться, предпочитая всем остальным ролям амплу беззаботного прожигателя жизни. Желанного для многих незамужних леди холостяка.

— Как Раннвей? Одна дома не скучает? — спросил он, откидываясь на спинку стула, и я почувствовал, как что-то внутри начинает искриться и потрескивать.

Нет, я не был ревнивцем. Меня мало волновало, что до свадьбы Раннвей была влюблена в этого мерзавца. Сейчас же за одно упоминание её имени хотелось схватить его за грудки, вытащить из-за стола и хорошенько врезать. Он говорил про Раннвей, а перед моими глазами стояла Женя.

И Родингер рядом с ней.

— Ей некогда скучать. — Мой ответ помимо воли прозвучал резко, если не сказать зло.

В то время как дракон напротив продолжал лениво растягивать слова:

— Слышал, у неё теперь есть телохранитель. Один из ульторов. Мудрое решение в свете последних событий. Главное, — Родингер выдержал паузу, словно издеваясь, — чтобы она не увлеклась и этим мальчиком.

*Как когда-то увлеклась мной.*

Этого он не сказал, но слова сквозили в его голосе, в его насмешливом взгляде.

Коротко посмотрев на меня, Лейф поднялся:

— Пойду раздобуду нам чего-нибудь горячительного. Этих служанок, когда надо, не дозваться.

Флеминг исчез. Девушка, не отлипавшая от Родингера, осталась. Впрочем, ни он, ни я не обращали на неё внимания.

— Раннвей... — снова начал Вольмар, усиливая во мне желание натереть его рожей скатерть.

— Лучше поговорим о Лейни Мартин. Молодая, симпатичная мисти. Она была здесь частой гостьей, а вы, мейст Родингер, насколько мне известно, из тех, кто не пропускает ни одного смазливового личика.

Я внимательно посмотрел на дракона, в угольные глаза, виднеющиеся в прорезях маски. Его губы исказила усмешка:

— Смазливые личики, а в особенности ладные фигурки, может, и не пропускаю, но имён, увы, не запоминаю. Лейни Мартин... Нет, не слышал.

Девушка рядом с Родингером резко выпрямилась, отстраняясь. Собиралась подняться, но короткий, брошенный в её сторону взгляд дракона заставил её остаться и больше не дёргаться.

— И это не ты действовал через неё, чтобы добраться до моей жены? Ослабить её с помощью яда, а потом натравить на неё искажённого.

Жаль, я не обладал способностью считывать чужие эмоции. Этот дар сейчас бы пригодился. А ещё лучше — умение читать чужие мысли. Или хотя бы одного конкретного дракона.

— Ах вон оно что... — Он поднёс к губам бокал, сделал пару глотков и только потом соизволил продолжить: — Ты решил повесить на меня все преступления сразу. Действительно, зачем тратить время на расследование, когда можно вот так сходу, без доказательств, обвинить во всех грехах Вольмара Родингера. В тебе говорит ревность, Эндер. Это чувство делает тебя слепым и глупым.

На миг я прикрыл глаза, уговаривая себя не поддаваться на провокацию, ведь это именно то, чего он добивается: пытается вывести меня из себя.

— Я привык доверять своему чутью, которое мне подсказывает, что я прав. А доказательства... Они будут. В этом можешь не

сомневаться. — Я поднялся, на ходу застёгивая сюртук, и добавил: — И кстати, ты — последний в этом мире дракон, к которому я бы ревновал свою жену. Не только я, но и Раннвей видит тебя насквозь.

— Что, правда не ревнуешь? — он чуть слышно хмыкнул. — Ну и зря. В своё время я дал ей то, чего она не получала от тебя. Кто знает, вдруг ей захочется снова... Захочется меня.

Откровенная насмешка. Откровенное оскорбление.

Ярость толкнула вперёд, и я сделал то, о чём мечтал последние несколько минут. Схватил Родингера, вытаскивая из-за стола. Последний испуганно зашатался, девица не менее испуганно подскочила на ноги. Бокалы, не выдержав накала страстей, прокатились по скатерти и осколками разлетелись по полу.

— Пусть дуэли запрещены, но это не значит, что я не найду способ с тобой разобраться!

— Угрожаете, ваша светлость? — иронично сощурился Родингер. — Воспользуетесь своим положением ультора? А что на это скажет король, вы не подумали?

— Эндер... — позади раздался тихий голос Рейера. — Эндер, не надо.

Пальцы ни в какую не желали разжиматься, яростно сминали лацканы пиджака негодяя.

— Эндер, пойдём.

Голос напарника зазвучал громче, настойчивее, и я усилием воли заставил себя отпустить Родингера. Багровая хмарь перед глазами начала расползаться, я стал чувствовать, замечать, что взгляды всех собравшихся прикованы к нам: ко мне и к привыкшему прятаться за королевскую мантию уроду.

— Вы, конечно, можете остаться, — расплылся тот в наглой улыбке. — Выпьем вместе. Или хотя бы попытаемся... Но я даже боюсь представить, чем это может закончиться. Для нас обоих.

— Держись подальше от моей жены!

Мне срочно нужен был воздух, не протравленный ядовитым присутствием Родингера. Оказавшись на улице, с досадой сорвал с себя маску. Надо было бы вернуться, вспомнить, зачем сюда пришли, но издевательский голос мерзавца продолжал звучать в ушах, и багровая тьма перед глазами тут же начинала сгущаться.

— Я тут немного порасспрашивал — про Лейни никто ничего не знает. Можем вернуться сюда завтра, до открытия, и поговорить с хозяином борделя. — Достав из портсигара сигарету, Таубе с наслаждением закурил. — Соберём всех служащих и допросим. А сейчас...

Заметив выскользнувшую за дверь девушку, ту самую, что сидела за одним столом с Родингером, Рейер осёкся.

— Мейсты, — тихо проговорила она и, вздохнув, также несмело продолжила: — Я знала одну мисти по имени Лейни. Раньше она здесь часто бывала, а потом пропала.

— Пропала? — переспросил Таубе.

— Ну, перестала появляться. Я решила, что у неё появился... эмм... воздыхатель, вот ей больше и не было смысла сюда приходить. Но раз вы её ищите... С ней что-то случилось?

— Вы видели её с кем-нибудь? — спросил я, едва удержавшись, чтобы добавить: с этой тварью Вольмаром.

Словно прочитав мои мысли, девица сказала:

— Видела... пару раз. Но не с мейстом Родингером.

— Сможете описать того другого мейста, с которым она была, — мгновенно оживился Рейер.

Девушка неуверенно пожала плечами:

— В отличие от других гостей у него была маска на всё лицо. Темноволосый, как и мейст Родингер. Высокий, — прикрыв глаза, стала перечислять она. — И, наверное, будет постарше. По крайней мере, мне так казалось... Ах да! У него ещё были такие необычные запонки: не то змеи, не то ящерицы на овальных пластинах. Наверняка золотые! И глаза! Глаза у этих ящериц были инкрустированы зелёными камнями. Я видела его всего два раза и оба раза он подзывал к себе Лейни. А потом она исчезла, и этот мейст тоже больше не появлялся.

— Помните, когда это было? — задал очередной вопрос Таубе.

Я стоял рядом и с досадой думал о том, что в нашу стройную версию никак не вписывается незнакомец с запонками-змеями. Но может, девица всё выдумала? Может, её подослал Родингер?

— Как вас зовут, мисти? — тем временем спросил Рейер, продолжая вносить записи в свой блокнот.

Записав её данные и отпустив, напарник повернулся ко мне.

— Ну это уже что-то.

— Вернёмся завтра, — повторил я его же слова и направился к машине, продолжая думать о Вольмаре Родингере.

\* \* \*

*Женя Исаева*

Дома я первым делом отыскала местный источник информации. И пусть Бальдер только вчера самовыписался из больницы, но наверняка уже в курсе всех последних событий.

— Мне должно было прийти приглашение. На встречу наставниц. Что вы думаете я услышала в ответ? А ничего!

Дворецкий как сидел за столом в своём кабинете (да-да, у него даже собственный кабинет имелся! Не такой просторный, как у Эндера, но всё же), так и остался сидеть, делая вид, что с головой поглощён изучением гроссбуха или же книги, очень на него похожей.

— Бальдер? — Я скрестила на груди руки.

Стащив с носа пенсне, домоправитель наконец удостоил меня взглядом:

— Смею напомнить леди, последнюю неделю я находился при смерти и умирал, к слову, не здесь, поэтому никак не мог заниматься поступающей в дом корреспонденцией.

Опустившись на стульчик, приставленный к столу тёмного дерева, я резонно заметила:

— Во-первых, вы не умирали. Вас быстро откачали, хвала Бо... Великому Дракону. Во-вторых, я не вчера родилась и уже успела понять, что вы из себя представляете.

— И что же? — с явным интересом переспросил командир. Даже вперёд подался, оперевшись в свой журнал локтями.

— Вы привыкли держать руку на пульсе всех возможных событий. Даже тех, которые вас не касаются. А потому... — Я выставила вперёд раскрытую ладонь, подёргала пальцами: — Приглашение.

В ответ он так тяжело вздохнул, словно я требовала не бумажку отдать, а протащить на другой конец города пару тонн металлолома.

— Зачем это вам? Его светлость и сам прекрасно справится. Вот, могу дать приглашение на королевский бал. Сегодня утром как раз прислали, поэтому вам будет, чем заняться в ближайшее время. Это же сколько хлопот и стараний: выбрать платье, определиться с причёской,

затребовать себе новые украшения и все эти женские штучки, которые так волнуют каждую леди.

Надо всё-таки когда-нибудь его треснуть. Давно ведь хочется. А если очень хочется, то можно. Особенно леди, раз уж она сейчас — это я.

Жадно покосившись на грессбух под локтями дворецкого, потребовала:

— Приглашение, Бальдер. Но не на бал, на который мне плевать. Я наставница Эдвины, если вы ещё не забыли, а у его светлости и без того хватает дел.

Раскрыв верхний ящик стола, дворецкий с наимрачнейшим выражением лица протянул мне два конверта, при этом сухо процедив:

— Приглашение на собрание и на бал.

Печать элитного учебного заведения я узнала сразу — она красовалась чуть ли не на каждой двери и пилястре в гимназии. Схватила конверт со знакомым символом, а тот, что был помпезно скреплён золотой, похожей на языки пламени печатью, оставила Бальдеру.

— Насчёт бала — это к его светлости. Мне не интересно.

Уже собиралась выйти из кабинета, как в спину мне прилетело:

— И что вы сделали с Раннвей...

Замерла на миг, мысленно себя ругая. Женя-Женя, как же бездарно ты чужую роль исполняешь! Вернулась, забрала конверт с «огоньком» и сказала:

— Было бы странно, если бы за четыре года я совсем не изменилась. Привыкайте, Бальдер, к новой Раннвей. Старую вы больше никогда не увидите.

— Я только на это и уповаю, леди. Только на это и уповаю...

Снова бросив взгляд на грессбух, по-прежнему находящийся в плену у этой язвы, вздохнула и вышла.

Ладно, когда-нибудь я исполню свою прекрасную мечту и чем-нибудь всё-таки его стукну!

\* \* \*

Вечером у нас с драконом состоялось преинтересное общение. Я рассказала ему о поездке к Фарморам, досадной встрече с Данной и

нежданно-негаданно обрушившемся на меня видении из прошлого хозяйки этого тела, а он коротко поведал о своей поездке в местный клуб для знакомств.

— Должно быть, ничего с даром не выгорело, раз она всё равно вышла замуж за тебя, а не за Родингера, — задумчиво пробормотала я и прикусила язык, запоздало заметив ну очень мрачное выражение на лице Эндера.

Ещё один любитель, за компанию с дворецким, похмуриться.

— Скорее всего, его она и попросила о помощи, — пробормотал Делагарди. — И тут два варианта: либо Родингер ей отказал, либо у них действительно ничего не вышло. Или же по какой-то причине до свадьбы сделать то, что она собиралась, не получилось, а потом... Может, она потому и исчезла.

— И на её месте каким-то чудом оказалась я...

Делагарди кивнул, я вздохнула. Вроде всё складывается, но пока это только догадки. Может, мы и правы. А может, и нет, и вообще не в том направлении движемся. Эндер рассказал о незнакомце, окучивавшем Лейни. Он ко всему этому каким боком? Или вообще никаким, и смерть девушки никак не связана с этим мужчиной.

Я настолько глубоко ушла в свои мысли, что даже не сразу поняла, о чём меня спросили:

— Как ты смотришь на то, чтобы провести эту ночь в отеле?

— Если этот загадочный незнакомец... — Встрепенулась и подняла на дракона взгляд: — Прости, что ты сказал?

— Пригласил тебя на свидание в номер отеля, — неожиданно улыбнулся Эндер и, пока я пыталась выдумать, как на это заявление вообще реагировать, добавил: — Деловое свидание. Ты, я и Раннвей. Вдруг получится её призвать.

Несколько секунд я молчала, глядя на Делагарди, а потом в мыслях сделала то, что мечтала проделать с дворецким: хорошенько себя треснула. И почему раньше об этом не подумала?! Уже давно следовало связаться с леди Делагарди и забросать её вопросами! Что такого произошло в её прошлом, что теперь за мной охотятся искажённые? Пытаются не то убить, не то похитить, а заодно и ядом напичкать.

Поднявшись с края стола, на котором сидела последние минут пять, с улыбкой произнесла:



— Умеете вы, эйрэ, делать девушке предложение, от которого она не в силах отказаться.

— Заодно там и поужинаем, — удовлетворенно отозвался Эндер.

Поднялся со своего кресла, и мы снова поехали в «Кармарские сумерки», голодные и полные надежды, что в этот раз у нас всё получится.

\* \* \*

Портье оказался тот же, что и в прошлый раз. В первые мгновения его лицо вытянулось от удивления, после чего приобрело отточенное годами службы вежливо-улыбчивое выражение.

— Эйрэ, леди, — поприветствовал он нас поклоном из-за своей стойки. — Извольте заказать номер?

— И ужин, — кивнул «благоверный».

— В номер? — уточнил сотрудник «Кармарских сумерек», получив в ответ короткое «нет».

— Поужинаем в ресторане. Надеюсь, сегодня готовит мэтр Даймль?

Портье расплылся в широченной улыбке:

— Да, сегодня его вечер. В меню добавились новые блюда, от которых можно просто сойти с ума. Божественные вкусы, самое изысканное оформление! — Он блаженно прикрыл глаза, словно представлял себя в роли дегустатора этих самых божественно-изысканных блюд. А вспомнив, что мы всё ещё здесь, стоим и смотрим на него, встрепенулся: — Принести в спальню зеркала?

Представляю, что о нас в прошлый раз здесь подумали.

— Сегодня обойдёмся без зеркал, — улыбнулась я. — Просто номер.

Мужчина слегка пригорюнился. Видимо, только что своим ответом я лишила его горячей сплетни. Совладав с эмоциями, пригласил нас следовать за ним в зал ресторана — просторное помещение с редкими белыми пятнами столов. Посетителей было немного. Видимо, цены здесь не просто кусались, а безжалостно сжирали семейные капиталы. В меню, кстати, указаны не были. Наверное, чтобы не пугать и не портить настроение раньше времени.

— Вина или, может, шампанского? — Возле нас в одно мгновение нарисовался официант в чёрном фраке с классической бабочкой.

Сделав заказ и определившись с напитками, мы отпустили его с миром. Делаягарди стал расправлять шёлковую салфетку, я бросала по сторонам взгляды. Из дальнего угла, освещённого парящими в воздухе огоньками, доносились звуки рояля. Расслабляющая, завораживающая мелодия. Я с грустью смотрела на её исполнителя, на точёный профиль молодого мужчины, и чувствовала, как накатывает привычная ностальгия. В последнее время со мной такое случалось нечасто, но сейчас... Вспомнила, как поначалу отчаянно рвалась домой, как не хотела принимать другую себя и другой мир, но спустя пару лет поняла, что не вернусь.

Смирилась. Привыкла. Ко всему новому и такому непривычному. К Кастену и нашей жизни в Пограничье. У меня появились новые мечты, новые цели: домик в деревне и, если повезёт, дети. Тогда мне казалось, что из Кастена получится хороший отец. А это молодое тело сумеет зачать и выносить ребёнка, а если повезёт, то и нескольких. Сейчас же, спустя какой-то месяц, было диким представлять себя в роли матери *его* детей. Мужчины, к которому я ровным счётом ничего не испытывала.

А с тем, кто в последнее время занозой застрял в моих мыслях, будущего быть не может. Только договор на год.

Точнее, уже на одиннадцать месяцев.

— О чём задумалась? — спросил Делаягарди, и только тут я поняла, что всё это время он меня рассматривал. Скользил по мне тем самым драконьим взглядом, что стал одной из причин появления всяких мешающих заноз.

— О прошлой жизни.

— Скучаешь по музыке? — Он кивнул в сторону рояля.

— Бывает, — обтекаемо ответила я.

— А здесь когда-нибудь играла? Или в твоём мире рояли другие?

— Такие же, но... Как-то было не до того.

Если уж совсем откровенно, мне было банально страшно. Страшно в себе разочароваться. Это ведь руки не пианистки Жени, оттачивавшей мастерство изо дня в день, из года в год, а просто леди-бездельницы. Лучше так. Лучше... просто об этом не думать.

— Я бы с удовольствием послушал, как ты играешь, — улыбнулся Делаярди и тут же замолчал, потому что к нам приблизился официант с шампанским.

Должно быть, пузырьки быстро ударили в голову — меланхолия исчезла, словно её и не было. Решив не забивать себе голову тем, чего уже не вернуть, сменила тему. Обсудила с «мужем» склочную натуру дворецкого и его нежелание налаживать со мной отношения.

— Хочешь, я с ним поговорю.

— Тогда он решит, что я на него стучу. Ну то есть жалуюсь.

— Но он и правда слишком многое порой себе позволяет.

И считает себя в полном праве.

— Как-нибудь разберёмся, — отмахнулась я и с интересом оглядела подоспевшие закуски.

За ними последовали другие блюда — всё очень вкусное, но в таком количестве, что будет мало даже мышке. Высокая, прости Господи, кухня... Выходила из ресторана я с мыслью, что была бы не прочь схомячить старый добрый бургер. Увы, бургеры в Кармаре ещё не изобрели, да и не едят такие изнеженные драконицы.

Увы.

— А теперь приступим к самому интересному, — нагнав меня, шепнул на ухо Эндер. При этом одна его ладонь как-то уж слишком вальяжно легла мне на талию, что со стороны сразу стало всем ясно: мы спешим не духа его жены призывать, а в кровать.

Но только не спать, а...

Тряхнула головой, выбивая из неё... из себя очередную глупую мысль, но отстраняться, чтобы прервать это прикосновение, почему-то не стала. А он не спешил увеличивать между нами расстояние, и даже сквозь ткань корсажа я ощущала, как горячи его пальцы.

Дурацкие ощущения и желания!

\* \* \*

Номер, как и портье в холле, оказался тот же, только сегодня вместо множества зеркал в спальне на столике возле кровати обнаружилось шампанское и шоколадные конфеты в форме сердечек, а по шёлковым простыням чья-то щедрая рука разбросала лепестки роз.

В отеле явно решили, что у нас с «мужем» романтическое свидание, которое мы не в состоянии устроить в собственной спальне.

Ну и ладно.

— Мне снова придётся раздеться? — коварно поинтересовался Эндер.

— Даже не надейся! — тут же среагировала я. Выпалила и, смутившись — и его вопроса, и своей на него реакции, — уже спокойнее добавила, при этом чувствуя, как щёки наливаются жаром: — Если, конечно, не хочешь шокировать душу Раннвей.

— Я просто хочу узнать наконец правду, — мгновенно посерьёзnel Делгарди и, расстегнув пиджак, опустился в кресло.

Я устроилась на краешке кровати.

— Сосредоточься на Раннвей. На той, которую ты когда-то знал. С которой провёл брачный обряд.

На этом моменте выражение лица дракона стало настолько кислым, что мне пришлось быстро продолжить:

— На меня не обращай внимания. Представь, что меня вообще здесь нет. Только ты и Раннвей, которую тебе отчаянно хочется увидеть.

— Это будет непросто, — усмехнулся Эндер.

— Что именно?

— Не обращать внимания на тебя и отчаянно желать увидеть Раннвей.

Ещё один неловкий момент. Слова, которые я пропустила через себя и честно попыталась закопать в самых потаённых уголках своего разума.

Так, ладно. Женя с сентиментальными порывами исчезает. На сцену выходит госпожа зрящая.

— Помнишь, о чём её спрашивать?

Я кивнула и в свою очередь повторила:

— Прикрой глаза. Думай о ней. Вспоминай о прошлом.

Негромко хмыкнув, дракон закрыл глаза. Притушив керосиновую лампу, я глубоко вдохнула и стала концентрироваться на даре. Только бы получилось... Только бы у него оставались хоть какие-то эмоции, привязывающие его к Раннвей. Хотя бы крупницы чувств, которые смогут приманить душу бывшей хозяйки этого тела.

Только бы...

Полумрак вокруг неожиданно сгустился, но это была не тень, возникшая передо мной, а очередное за сегодняшний день видение. Оно выхватило меня из реальности, опрокидывая в чужое прошлое.

Прошлое Раннвей Фармор и Эндера Делагарди...

...Мне страшно. Страшно, что он догадывается, а может, уже точно знает, что я снова была с Вольмаром. Но ещё страшнее мне представлять, что рано или поздно он потребует то, на что имеет право. Я, моё тело, моя жизнь принадлежат ему. Но я не хочу, не могу... Боюсь!

Если поймёт, что я была с другим, не простит. Не забудет.

Накажет.

Муж заходит в спальню. Мне не хочется так его называть, но я себя заставляю. Сижусь, сжавшись в комок, и слежу за каждым его движением, каждым шагом. Он подходит к кровати, неторопливо, словно издеваясь, развязывая пояс халата, и я в ужасе замираю.

Задерживаю дыхание, ещё сильнее сжимаюсь, борясь с желанием спрятаться под одеялом. Хоть как-то от него отгородиться, чтобы не видеть. Его колючий взгляд, его ко мне отношение. Он даже не пытается скрывать, что меня ему навязали. Я противна ему и тем не менее он пришёл. Снова.

И по моим щекам снова начинают катиться слёзы.

— Прошло уже три месяца, Раннвей. Три месяца как мы женаты, — его голос холоднее промёрзшего металла.

— Мне нужно время. Нужно...

Привыкнуть к новой жизни и забыть о том, без кого не представляю будущего.

— Время на что? Чтобы примириться с этим браком? Я же как-то с ним примирился. — Ещё в нём звучат неизменные циничные нотки.

Этот дракон, как и мой отец, видит во мне лишь досадное недоразумение. Наверняка он был бы и рад овдоветь. И если узнает про нас с Вольмаром, поводов для вдовства у Эндера Делагарди станет больше.

— А я нет! — Нахожу в себе смелость вскинуть на него взгляд и читаю злость, ярость в ядовито-зелёных глазах. — Всё произошло слишком быстро. Свадьба, переезд... Я...

— Ты снова уезжала.

Иногда кажется, что он способен читать мысли. В мгновения, как эти, он будто выворачивает наизнанку мой разум.

— С Шанетт, — лепечу я чуть слышно. — Ей нужна была помощь в подготовке к свадьбе, а мне было нечем заняться.

— Родингер вам тоже помогал? Готовиться к свадьбе.

Он знает! Всё-таки знает!

— Не понимаю, о чём ты...

Я опускаю голову. Отвожу глаза, не в силах больше терпеть его пронизывающий взгляд.

Он подаётся ко мне, упираясь в постель ладонями, и я слышу его дыхание; резкий, хлёсткий шёпот:

— Если слухи о тебе и Родингере правда...

Меня буквально душит ароматом табака и крепкого алкоголя.

— Пусть мы не можем развестись, но я найду способ сделать так, чтобы ты исчезла из моей жизни. Я смирился с браком с пустышкой, но не стану терпеть возле себя шлюху.

Его пальцы сжимаются на моём плече, другой рукой он обхватывает меня за горло, и я падаю в вязкую тьму. Погружаюсь в неё, тону...

— Женя... Женя!

Пальцы дракона сжимали моё плечо, встряхивая, и я с силой, на какую только была способна, оттолкнула его от себя, а потом сама отскочила в сторону.

Меня трясло. От страха, отчаянья и боли Раннвей. От ненависти и презрения Деллагарди. Он попытался сделать шаг вперёд, ко мне, и я снова отшатнулась.

— Не прикасайся ко мне! — слова вырвались вместе с утробным рычанием.

И эмоциями Раннвей.

Дракон нахмурился:

— Что произошло? Ты её видела? Смогла поговорить?

Тяжесть ладони на плечах, цепкие пальцы на шее. Презрение во взгляде и в словах. А ведь от этого я когда-то и спасалась. От ублюдка-мужа, уверенного, что наша семья распалась из-за меня. Слабой здоровьем Женечки, не способной выносить ребёнка, помешанной на музыке больше, чем на нём, великолепном и непревзойдённом. Игорь свято верил, что именно он должен быть светочем моей жизни, а если

когда сгоряча позволял себе грубое слово или в принципе грубость, то ему простительно. Ему можно. С такой-то жёнушкой.

Я считала иначе. Терпела, сколько могла, а потом решила: хватит!

Ему это «хватит» явно не понравилось. В последние годы я хорошо зарабатывала — выступала постоянно, без отдыха, без отпусков, в то время как бизнес мужа разваливался, и он не особо пытался что-то исправить.

До сих кажется, что это из-за него я так банально умерла в своём мире. Оказалась в этом и имела неосторожность познакомиться с таким же...

Выродком!

Последнее слово взорвалось в сознании эмоциями Раннвей. А может, это были мои собственные. Дракон, Игорь... Всё смешалось. И в голове, и перед глазами. Меня затрясло. Так сильно и так часто, что я без сил сползла на кровать. Дракон ещё что-то спрашивал, снова хватал меня за плечи, а я не могла ни оттолкнуть его, ни даже отстраниться. Только чувствовала, как слабость захлёстывает разум. Как дрожь усиливается: от его взгляда, от его прикосновений. Как блёкнут краски, и меня снова затягивает в омут тьмы и чужого страха.

## Глава 17. Шаги прочь и навстречу

Следующие несколько дней я чувствовала себя так, словно подцепила какой-нибудь местный грипп. Мне было настолько плохо, что хотелось уснуть и больше никогда не просыпаться. Лежать в кровати, не шевелясь. Не видеть никого, не слышать ничьи голоса.

Меня постоянно лихорадило — температура никак не спадала. Несмотря на старания лекаря Брадена, я ощущала себя мокрой, хорошо выжатой тряпкой. Ломило кости, ныли суставы. Мне то становилось невыносимо холодно, то невозможно жарко.

Ещё и сны про Раннвей... Стоило провалиться в беспокойное забытье, как я тут же оказывалась в очередном видении из её прошлого. Как будто проживала ещё одну жизнь — жизнь глупышки драконицы. Самое обидное, что проснувшись, я почти ничего не помнила. Её отец, Вольмар, Данна и всё её окружение... Лица таяли, глохли голоса, всё забывалось. А я была настолько слаба, что даже то, что сохранялось ненадолго в памяти, не могла никому ни рассказать, ни хотя бы записать.

В короткие моменты, когда приходила в себя, понимала, что до этих пор мне везло. Став Веей из Пограничья, за четыре года я ни разу серьёзно не болела. Наверное, так же паршиво я чувствовала себя только когда мою душу каким-то непостижимым образом забросило в это тело. Тогда я тоже сильно болела. Кастен вытащил меня из ледяной воды, да и, наверное, тело Раннвей не сразу приняло новую «квартирантку». Но я выжила, выкарабкалась тогда, и сейчас как-нибудь справлюсь.

— Вот так... ещё одну ложечку, — звучал совсем близко мягкий голос не то Полин, не то Минны. — И ещё... Вот и замечательно. Господин Браден обещает, что лекарство быстренько поставит вас на ноги. К сожалению, сейчас многие заболевают. Вот даже вчера в газетах писали, что по столице опять гуляет какая-то зараза. Но осенью всегда так. А вы у нас нежная, хрупкая... Давайте последнюю ложечку, и я больше не буду вас беспокоить.

Я машинально раскрыла рот, чтобы проглотить горько-сладкую настойку. Служанка ещё что-то говорила, но я больше её не слышала.



В очередной раз туман расстелился по спальне, и я провалилась в беспомыслие.

А точнее, в прошлое Раннвей.

\* \* \*

В следующий раз, когда открыла глаза, к своему удивлению и радости поняла, что мне не хочется закрыть их обратно. Слабость ещё ощущалась, но голова — о чудо! — была ясной. Шторы были плотно задёрнуты, поэтому сложно понять, какое сейчас время суток. И ещё сложнее было определить, как долго я была в состоянии выжатой тряпки.

Значит, надо спрашивать.

Позвонив в колокольчик в изголовье кровати, стала медленно подниматься. Мебель перед глазами сделала кульбит, но спустя несколько секунд заняла положенное ей место. Туалетный столик, кресло, ширма и кушетка... Всё знакомое, всё привычное.

Надо же, как быстро я привыкла к новой жизни в доме дракона.

При мысли о Делагарди непроизвольно вздрогнула. Поспешила выпихнуть его из головы и, пожелав себе удачи, оттолкнулась от кровати. Хотелось в туалет и наконец-то умыться. До этого, помнится, туда меня водили Полин или Минна.

Чувствуя себя ни много ни мало героиней, пересекла спальню, сделала всё, что надо, в ванной, а когда вернулась, застала обеих служанок с глазами, распахнутыми от ужаса.

— Ваша светлость! — всплеснула руками Минна. — Ну за чем же вы поднялись?!

А Полин шустро ко мне подскочила:

— Давайте-ка быстренько в кровать. Осторожно! Вот так, маленькими шажками.

Можно подумать, я тут умираю.

— Какой сегодня день? — спросила я, нехотя возвращаясь в постель.

— Понедельник, — ответила сопровождающая.

Минна же поддакнула:

— Вы температурили неделю. Только вчера господин целитель сказал, что вам потихоньку становится лучше. И то голос его звучал не

слишком-то уверенно.

Неделю? Мысленно присвистнула. Нехило же меня подкосило! Представляю, что за это время успела надумать Вильма!

С мысли о наверняка не находящей себе места старушке, я незаметно перескочила на другую: не такую ясную, а скорее, расплывчатую и вязкую. Как кисель, которым я себя сейчас ощущала. У меня определённо были планы на начало недели. Что-то очень важное, что я точно пропускать не собиралась.

Какая-то встреча? Поездка?

Эврика!

До кровати я так и не дошла. Обернулась к явно опешившим от поведения хозяйки служанка и как можно бодрее сказала:

— Помогите мне собраться. Мне ждёт встреча наставниц!

\* \* \*

В столовую спускалась, лелея надежду, что дракон уже куда-нибудь уехал. У него же работа, расследования... А может, королю вдруг снова приспичило назначить встречу. Почему-то видеть Эндера не хотелось. Казалось, стоит только услышать его голос, как мне снова станет плохо. Поднимется температура, вернётся дрожь...

— Доброе утро, тётя!

Я замешкалась на пороге. Во-первых, не припомню, чтобы Эдвина называла меня тётей и первой меня приветствовала. Во-вторых, Делагарди никуда не уехал. Пил кофе, привычно забаррикадировавшись от племянницы «Хрониками Кармара».

Когда до него дошло, что она сказала, газета упала на стол.

Я улыбнулась девочке, промямлив что-то вроде:

— И тебе, милая. — После чего нехотя перевела взгляд на Эндера.

— Зачем ты встала?

А вот так приветствуют жён, пусть и фальшивых, господа ульторы.

— Потому что чувствую себя отлично.

Соврала, конечно — слабость всё ещё ощущалась. И тем не менее я твёрдой походкой пересекла столовую. Правда, оказавшись в нескольких шагах от дракона, невольно замедлилась (как назло, в

памяти воскресло «постельное» видение), но тут же приказала себе не дрейфить и уверенно опустилась на своё место.

Временное. К счастью, Женечка, всё это временно и быстротечно.

— Тётя, наверное, собирается поехать на встречу наставниц? — заискивающе проговорила Эдвина.

Сразу стало ясно, отчего она сегодня такая со мной милая. Девочка сидела, ковыряя ложкой кашу, и бросала на меня исподлобья взгляды.

— Эдвина, мы уже об этом говорили, — мрачно произнёс Деллагарди. — Женя-а... Моя жена! Моя жена ещё очень слаба. Я предупредил мейста Гастфера, что на встречу приеду я.

— Но ты ведь не драконица, — растерянно озвучила очевидное ученица. — Надо мной и так все... — начала было и тут же запнулась, когда опекун непоколебимо отрезал:

— На встречу поеду я.

— И, как всегда, опоздаешь. Или вообще не приедешь, потому что у тебя опять появятся срочные дела, — ещё больше сжимаясь, как маленький колючий ёжик, буркнула «племянница».

— Эдвина, довольно. Я сказал...

Ох, как же иногда хочется чему-нибудь в него швырнуть за все эти «я сказал, решил и вообще: все быстренько заткнулись, говорит самый неотразимый, самый лучший!».

Какая-то часть меня совершенно не хотела вмешиваться в эту склоку — видимо, сказывалась ощущаемая после болезни слабость. Но вот другая часть, старая добрая Женя, едва от всего этого не вскипела.

Не вскипела лишь потому, что напротив меня сидела девочка, надежды которой снова разбивались и которая стараниями дяди имела все шансы в который раз разочароваться в тёте. Своей, на минуточку, законной наставнице!

— Я приеду, милая, — мягко ей улыбнулась, после чего перевела колючий взгляд на командира-супруга. — Пожалуйста, попроси Александра забрать меня в полдень.

— Он сегодня, скорее всего, будет занят, — не растерялся Деллагарди.

— Значит, меня отвезёт Вернер. Или я поеду одна. — Я тоже теряться, а тем более сдаваться, не собиралась. — Могу в принципе и

прогуляться. Свежий воздух мне не помешает. Особенно после недели постельного заключения.

— В этом нет необходимости.

— Я так или иначе буду там, — упрямо возразила я. — А вы, мой дорогой муж, уже сами решайте, с охраной или одна.

Несколько секунд он молчал, после чего велел замершей возле стены служанке:

— Ильва, помоги мисти Эдвине собраться. Ей уже пора отправляться в гимназию.

Бросив на дядю обиженный взгляд, а на меня посмотрев с надеждой, девочка поднялась из-за стола. Ещё минута, и в столовую вернулась тишина, которую дракон явно не спешил нарушать. Я тоже молчала. Отражала щитом невозмутимости его взгляды.

— Что с тобой происходит? — наконец не выдержал палач.

— У тебя могу спросить то же самое. Ты же знаешь, как я не люблю, когда ты начинаешь решать за меня.

— Я забочусь о тебе.

— А мне такая забота не нужна! Если я говорю, что мне уже лучше, значит, мне уже лучше. Научись, слушать, Эндер. Слышать и слушать.

Захотелось пощёлкать пальцами возле его уха. Вдруг этот дракон и правда глухой как пень. Правда, для этого следовало к нему податься, оказаться ближе, а при одной лишь только мысли о таком повороте событий, что-то внутри меня восставало, противилось и как будто кричало: не надо!

— У тебя неделю держалась высокая температура. Ещё вчера ты не приходила в себя, а сегодня уже готова к новым подвигам. Иногда, Женья, ты ведёшь себя как ребёнок!

Точно глухой. Даже проверять не надо.

— Так ты пришлешь ко мне Александра? Или мне самой в гимназию добираться?

На какой-то миг мне почудилось, что сейчас из ноздрей «любимого мужа» повалит дым, а глаза нальются кровью. Как ни удивительно, дыма и крови я не увидела. Вместо этого он лишь недобро сощурился:

— Браден утверждает, что ты подцепила вирус. Мне кажется подозрительным, что тебе стало плохо после нашей попытки

поговорить с Раннвей. Что произошло в гостинице? Ты её видела?

Я покачала головой:

— Нет, не видела. Только обрывок прошлого, в котором ты её чуть не задушил.

Делагарди нахмурился:

— У меня нет привычки душить женщин. Никогда не было.

— Но это именно то, чего она боялась.

— Ты увидела всё это в её воспоминаниях?

Я замешкалась, не уверенная, что сказать, а потом тихо произнесла:

— Я помню, как ты держал её за шею, но что было дальше... Дальше ты начал меня дёргать, и я очнулась.

— Потому что тебя трясло, и это ещё мягко сказано. Ты меня сильно напугала, Женя. Была бледнее привидения. Надеюсь, что это действительно просто вирус и ты не обманываешь ни меня, ни себя, говоря, что тебе уже лучше. — Дракон поднялся из-за стола. — Кстати о привидениях. Твоя подружка чуть кабинет мне в управлении не разгромила, так рьяно пыталась привлечь к себе внимание.

— Ты что-нибудь ей рассказал? — с надеждой спросила я.

— Сказал, что ты заболела. Было странно говорить со стеной, с которой только что слетел портрет его величества, но после этого она хотя бы уgomонилась.

Решив, что на этом все темы закрыты, Делагарди направился к выходу. Попытался замять разговор, словно его и не было.

— Так что там с Александром? — послала ему вдогонку.

Дракон замедлил шаг, обернулся и проговорил с таким видом, будто каждый звук вытягивали из него клещами:

— Приедет к полудню. — Хотел было уже выйти, но потом, видимо, решил, что последнее слово всё же должно остаться за мужчиной: — Если тебе снова станет плохо, в ближайший месяц ты из этого дома не выйдешь.

— И вам чудесного дня, дорогой муж!

И зеркала не надо, чтобы понять: моя улыбка больше походила на оскал. А в мыслях почему-то застряла навязчивая мысль: о каком-нибудь душке-искажённом, которому сегодня приспичит поохотиться конкретно за этим драконом!

\* \* \*

Александр меня не разочаровал, в отличие от регулярно разочаровывающего мужа-палача. Приехал без четверти двенадцать и стал терпеливо дожидаться, невозмутимым видом отражая назойливое внимание служанок. К счастью для него, я уже была готова. Оставалось только надеть вишнёвого цвета пальто с опушкой из меха (за неделю, что провела в неосознанке, прилично так похолодало), лайковые перчатки и шляпку. Вооружиться сумочкой, а также бодрой улыбкой и спускаться к Саше.

— Леди Делагарди... Раннвей... Как вы себя чувствуете? — с искренней тревогой поинтересовался молодой ультор.

— Не вы, а ты, — в который раз поправила его, при этом сделав всё возможное, чтобы бодрая улыбка стала ещё бодрее. — Уже намного лучше, благодарю. Не знаю, сказал ли тебе мой муж, но сегодня встреча наставниц, которую я не могу пропустить.

— Да, он упоминал, — кивнул дракон. — Вскользь, потому что торопился и, как мне показалось, был не в духе.

— Он всегда не в духе, — вздохнула я, поправляя перчатку. Бросила взгляд на тут же опустивших головы служанок и добавила: — Можем отправляться.

В машине на меня налетела Вильма. Увы, поговорить с ней при Саше я не могла, поэтому приходилось сидеть молча и выслушивать все жалобы, тревоги и возмущения призрака. А их за минувшую неделю накопилось немало.

— Я чуть не поседела — так за тебя переживала! Я, конечно, и так вся седая, но с тобой, Женя... — Привидение возмущённо запыхтело.

Я развела руками, давая понять, что сожалею, но поделать ничего не могу. Дом для Вильмы закрыт, а я была не в том состоянии, чтобы беспокоиться о её душевных терзаниях.

— Твой дракон поначалу нагло меня игнорировал! Я так и эдак пыталась привлечь его внимание — без толку! В итоге он довёл меня до небольшого... хм... нервного срыва. И пусть скажет спасибо, что сорвалась я в его кабинете, а не в кабинете его начальника. Была такая мыслишка... Когда они оба там сидели, кофею беззаботно наливались... Пока ты, бедненькая моя, умирала!

Всё, опять ушла в драму.

С Вильмой и Александром дорога до гимназии пролетела незаметно. Думала, буду одной из первых, но, как оказалось, здешние леди были не просто пунктуальны — многие решили приехать пораньше.

Отыскать место проведения встречи оказалось проще простого. Точнее, искать не пришлось — не успела я выйти из машины, как ко мне подскочил паренёк в ученической форме и вызвался поработать гидом. Александр тенью последовал за мной и юным драконом, но не к зданию гимназии, а вглубь парка. Вильма поначалу летела рядом, но потом куда-то подевалась.

Когда я здесь была две недели назад, парк радовал глаз всеми оттенками зелени. Сейчас же её почти не осталось — природа вокруг принарядилась в золотое убранство. Газоны теперь укрывали жёлтые ковры листвы, деревья, лениво шелестя, нависали над мощёными дорожками тяжёлыми медными кронами. Повсюду, куда ни глянь, бронза да охра. А также пустые, влажные от утреннего дождя кованые скамейки.

— Как-то не очень погода для встреч на свежем воздухе, — ёжась от холодного порыва ветра, пробормотала я. Несколько порыжевших листков взметнулись вверх и тут же, разлетевшись в стороны, осели в придорожных клумбах.

— Уверяю, ваша светлость, здесь вы точно не замёрзнете, — обнадёжил ученик и указал на купол из стекла, расчерченный на множество треугольников тонкими чёрными полосами рам.

Даже издали я заметила длинные столы внутри, но не парты, а те, на которые принято выставлять угощения. В глубине зала виднелись обитые синим бархатом кресла для нежных леди.

Исполнив долг провожатого, гимназист умчал встречать очередных гостей, а мы направились ко входу.

— Буду ждать снаружи, — сказал Александр, останавливаясь в нескольких шагах от странного сооружения, очень похожего на половинку мыльного пузыря, утопленного в жёлтый океан.

— Вот ещё! — возмутилась я. — Не позволю тебе мёрзнуть, пока сама буду есть тортики.

Тортиков, к слову, было немало. И конфет, и пирожен, и фруктов в глубоких хрустальных вазах. Чайные сервизы из тончайшего фарфора

и маленькие чашечки для кофе — всё, чтобы леди чувствовали себя комфортно, как дома.

— Пойдём, — кивнула Саше.

— Дамам это может не понравиться, — замешкался ультор.

— Переживут, — пожалала я плечами и снова кивнула на вход, давая понять, что без него никуда не пойду.

Леди у фуршетных столов встретили нас гробовым молчанием. Голоса оборвались, и все взгляды, добрая дюжина, сфокусировались на нас с Сашей.

— Всем доброго утра. Точнее, уже дня, — поприветствовала я притихших дракониц.

Ко мне тут же бросилась Данна, рискуя уронить с тарелки горку пирожных, которую сама для себя возвела. Видимо, Левенштерн считала, что клевать как птичка она не обязана. Тем более на халяву.

— Ты всё-таки решила прийти, дорогая!

А ты в этом сомневалась?

Я сдержанно улыбнулась «родственнице», а Данна, резво чмокнув меня в обе щёки, перевела взгляд на Александра.

— Это, я так понимаю, твой охранник...

Глаза у Левенштерн заблестели от интереса, неприкрытого и жадного. Я бы даже сказала — плотоядного.

— Александр Мориан. К вашим услугам, леди Левенштерн, — учтиво поздоровался ультор.

Данна, зардевшись, словно девица на выданье, кивнула и подхватила меня под руку. Горка пирожных угрожающе качнулась.

— Пойдём, милая, представлю тебе леди, с которыми ты вряд ли была знакома. Я имею в виду, до твоего исчезновения. Точнее, конечно же, секретного отъезда.

Делать нечего, пришлось плестись за Левенштерн, а Александру снова делать лицо кирпичом, потому что собравшиеся в «мыльном пузыре» дамы не отличались особым тактом, вели себя точь-в-точь как служанки в доме Делаярди.

Пока я отвечала на приветствия и сама дежурно расшаркивалась, количество участниц увеличилось почти в два раза. И большая часть почему-то решила столпиться возле меня. Тех, кто не был приглашён на приём в честь возвращения леди Делаярди, интересовала я и мой



запоздало пробудившийся дар. Но ещё больше их почему-то интересовал Саша. И то, что нас с ним связывало.

— Леди Делагарди, простите за бестактность, его светлость сам выбирал для вас охранника?

— Вы, кажется, неплохо ладите.

— А когда вместе вошли, я поначалу решила, что это ваш супруг. Не признала в вас дочь Фармора. Жаль, что ошиблась... Из вас бы вышла красивая пара.

— Интересно, эйрэ не ревнует?

— Я бы на его месте не была столь беспечна.

— Особенно, если вспомнить ваше громкое прошлое, леди. С лордом Родингером.

На этом моменте мне захотелось выхватить из рук «тётушки» тарелку с остатками пирожных и запустить её в ядовито усмехающуюся красотку. Не то графиню Дерби, не то Херни... За высказывание о моём прошлом.

С лордом Родингером.

— Пожалуйста, не ревнуйте, леди Херни, — отозвалась я так же елебно, как и она, и тут же поняла по выражению её лица: всё-таки Дерби. — Мужское внимание преувеличено. К тому же, — обвела притихших злопыхательниц самоуверенным взглядом, — у нас с лордом Родингером нет и не было никакого прошлого. То, что он однажды был в меня влюблён, не означает, что я отвечала ему взаимностью.

И пусть докажут, что это Раннвей по нему сохла. Где провокационные видео? А фотки? Может, пруфы прячутся в Инстаграме? Ах, у них ведь нет Инстаграма! Только сплетни, которыми эти гарпии питаются в закуску к тортикам и шоколаду.

— Но как же... Я слышала... — заикнулась было кудрявая блондинка, чем-то напомнившая мне Шанетт.

К счастью для меня, Флеминг сегодня здесь не было. И к ещё большему счастью, нападение на Раннвей было прервано директором гимназии. Я почти обрадовалась мейсту Гастферу и его словам:

— Леди, безмерно счастлив видеть вас здесь! Раз все в сборе, — директор прошёлся по нам внимательным взглядом, — можем начинать. Новостей и организационных моментов будет много.

Явно раздосадованные внезапным появлением директора, дамы с недовольными лицами стали рассаживаться. Я успела ухватить для себя чашку с чаем, но лучше бы этого не делала. Пока наливала себе горячий напиток, свободным осталось лишь одно место — рядом с Левенштерн.

— Сюда, милая, — помахала мне Данна, пока я отчаянно искала кресло от неё подальше. Даже на стул или табуретку была согласна, но, увы, ни то, ни другое поблизости не просматривалось. Не стоять же в дверях с Александром.

Пришлось садиться рядом с Данной и весь следующий час терпеть её ремарки. На каждый организационный момент, как выразился директор, у неё было своё мнение, которым она тут же торопилась со мной поделиться. Это отвлекало, мешало, раздражало. Хотелось отмахнуться от Левенштерн, как от назойливой мухи, но я стойко, можно сказать, из последних сил, терпела и не отмахивалась.

— И снова взносы, — проворчала «тётушка», когда речь зашла об организации зимних праздников. — Разве мало того, что мы и так платим? Это уже просто наглость!

Я ничего не ответила, потому что была далека от финансовых вопросов. Но в свою шпаргалку, маленький блокнотик, сумму записала, чтобы потом рассказать Делагарди. Не то чтобы мне хотелось лишний раз пересекаться с драконом, но...

Но это, Женя, твоя работа.

Снова напомнив себе, что я на своего рода службе, постаралась абстрагироваться на зудения Данны и сосредоточилась на голосе мейста Гастфера:

— Последний вопрос, который я бы хотел с вами сегодня обсудить. — Директор предвкушающе улыбнулся, словно собирался нас всех удивить. Не знаю, как все, а я точно удивилась, услышав торжественное: — В этом году советом учредителей было принято решение внести коррективы в учебную программу. Теперь к финальным экзаменам допустят лишь тех учеников, которые с успехом проявят себя на зимнем турнире! А участвовать в нём будут не только ваши дети и воспитанники, но и... — Улыбка мужчины стала ещё шире. — Вы сами, леди, а также господа драконы. Да, да, именно вы.

Новость, как вскоре стало очевидно, шокировала всех. Дамы ошеломленно зашептались, и из первых рядов раздалось возмущённое

восклицание:

— Может, ещё предложите нам сдать экзамены? Как будто в своё время мы недостаточно их сдавали...

Директор вскинул в примирительном жесте руки:

— Тише, тише, прошу вас... Дайте договорить. Решение, чтобы наставники и наставницы также участвовали в турнире, — это не прихоть, а желание помочь вашим отпрыскам лучше раскрыться. Согласно последним исследованиям, в семьях, в которых драконы не просто оплачивают обучение детей и номинально принимают участие в их образовании, а работают с ними в связке, выше процент раскрытия двух, а то и сразу трёх даров. Представляете? А ведь мы все именно к этому и стремимся — чтобы будущие поколения драконов не теряли дары, не вырождались, как маги, а наоборот, становились сильнее своих матерей и отцов. Турниру будет предшествовать несколько недель подготовки, так что, уверяю, у вас будет достаточно времени, чтобы научиться быть с вашими отпрысками в полнейшей гармонии. Потому что чем крепче связь между юным драконом и его наставником, тем больше шансов на успех в раскрытии магии. Опять же согласно последним научно-магическим изысканиям.

Директор замолчал — видимо, выдохся, и леди тоже некоторое время молчали, переваривая новость о турнире. Я тоже переваривала и параллельно размышляла о том, что пребывать в полнейшей гармонии с подростком — тот ещё квест для любого родителя, не только дракона. А уж если вспомнить наши с Эдвиной отношения... В последнее время она хотя бы на меня не рычит и не проклинает, но гармония между нами — это уже из разряда фантастики.

Спустя несколько секунд дамы отмерли:

— И кто проводил эти исследования?

— Что за ерунда?!

— Почему нас ставят уже перед фактом?

— Даже не спрашивая нашего согласия!

Кажется, почтенный директор ожидал совсем другой реакции. Не криков возмущения, а воплей радости. Увы, радостью в «мыльном пузыре» даже не пахло.

— Но почтенные мейсты на утреннем собрании... — неуверенно проговорил он. — Все идею единодушно поддержали. Это ведь ради ваших детей! Ради будущего всех драконов! — запальчиво и даже с

долей фанатизма выпалил он. — Больше даров — больше силы и власти драконам. Как было когда-то. Как может стать снова! И кто знает, может, в будущем, не таком уж и далёком, драконы снова смогут превращаться в прекрасных, могущественных созданий!

— Мечтатель! — скептически фыркнула Данна, правда, её слова потонули в очередном шквале возмущений. — Развлекательных игрищ, чтобы снять многовековое проклятие, точно будет недостаточно. Этому их совету просто нечем заняться...

Я молчала, потому как пока что плохо понимала свою роль в предстоящих состязаниях (или что оно вообще такое) и ещё меньше — как мы с Эдвиной будем срабатываться. Как воспримет наследница Фарморов новость о турнире и моём в нём участии? А уж как на неёотреагирует Делагарди было даже страшно представить.

— Я бы успешно прошла все испытания и с Кикки, и с Эдвиной. С моей силой и опытом это было бы несложно, — снова послышался назойливый голос «тётки».

Я раздражённо на неё покосилась. Вот честное слово, не надоело? Когда она уже смирится с мыслью, что я не отдам ей Эдвину? Точнее, не отдаст Делагарди, а я...

С честью исполню возложенные на меня договором обязательства.

Собиралась уже посоветовать ей сосредоточиться на родной дочери, когда стеклянные двери неожиданно распахнулись и к куполу взметнулся взволнованный юношеский голос, заглушив стоящий в зале гомон:

— Мейст Гастфер, скорее! Там такое... Эдвина Польман и Дерен Ферн! Они...

Я не была мейстом Гастфером, но в одну секунду оказалась рядом с мальчиком. Вперилась в него взглядом и требовательно сказала:

— Что с моей племянницей?!

Почтенный директор тоже оказался довольно шустрым, подскочил за пару мгновений, а с ним непонятно с какого перепугу подорвалась и Данна.

— Говори скорее! — рыкнул глава гимназии, окончательно смутив юного «гонца».

Ещё и Вильма изволила материализоваться, и пока я ждала, когда парень придёт в себя от такого наплыва внимания, не то с гордостью,

не то с радостью выпалила:

— Отчаянная у тебя, Женечка, племянница! Настоящая сорви голова! Не знаю, чему её там учат гувернантки, но леди в мисти Эдвине даже не пахнет.

Я покосилась на призрака, безмолвно спрашивая, где Эдвина. К счастью, за годы знакомства старушка научилась понимать меня с полуслова, а иногда, вот как сейчас, и вовсе без слов.

— В лаборатории. Правое крыло, второй этаж. Там, Женечка, кошмар!

Думаю, не стоит уточнять, что после «там кошмар» я сорвалась с места как угорелая. Александр метнулся следом, под удивлённое восклицание Гастфера: «Куда же вы, леди?!». Кто ещё решил составить нам компанию — без понятия. Я не оглядывалась, бежала, подхватив юбки, пытаюсь поспеть за духом.

А Вильма продолжала рассказывать. Правда, не сухо и по существу, а делая отступления, и, словно беря пример с Левенштерн, не скупясь на выражение личного мнения:

— Нет, если по-хорошему, я девочку прекрасно понимаю. Ну сколько можно над ней издеваться? Я сюда частенько навевывалась и слышала, как они её дразнили и задирали. Вот она и не выдержала, бедолашная. Сорвалась. Правда, рожицу драконёнку подпортила знатно. Хи-хи... Интересно, это вообще как-то исправляется? Ох, а вдруг её отчислят?! Или вообще куда-нибудь посадят!

Из слов призрака я вычленила главное: Эдвина, разозлившись на насмешки о своём происхождении, плеснула чем-то в лицо мальчишки, после чего (видимо, чтобы мало не показалось) набросилась на однокашника с кулаками. Кулаки — это ладно. Нет, за них тоже надо будет отругать, но вот как быть с лицом? И с какой такой радости у неё под рукой оказалось опасное снадобье?!

Что это вообще за, харг побери, кружок зельеваров?!

Подбегая к классной комнате, я продолжала надеяться, что Вильма преувеличивает. Что всё не так страшно и...

— Эдвина? — выдохнула, заметив забившуюся в угол, нахохлившуюся, как цыплёнок, «племянницу».

Её блуза была перепачкана, кружево воротника разодрано и некрасиво свисало, одна щека покраснела, а уголок рта отмечен

кровоподтёком. Видимо, будущий эйрэ и джентльмен решил дать полукровке отпор.

Казалось, на неё никто не обращал внимания. Ученики вместе с обряженным в светлую хламиду не то лекарем, не то преподавателем толпились в другой части класса, откуда доносились выразительные постанывания.

— Ты в порядке? — подскочила к той, которую должна была опекать и наставлять.

— Жить буду, — буркнула Эдвина.

А в следующее мгновение класс сотряс взметнувшийся до фальцета голос директора:

— Вы что здесь устроили?!

Толпа учеников тут же схлынула, открывая нам сидящего на полу юного дракона. И тут я не сдержала вздоха облегчения. Фантазия уже вовсю рисовала ребёнка с обожжённым лицом, но всё оказалось не так страшно. Под левым глазом парня наливался синим цветом фингал, а к правой щеке мальчишка прижимал мокрую марлю. К счастью, мокрой она была не от крови, а от какого-то желтушного раствора. По-видимому, преподаватель не растерялся и оказал ученику первую помощь.

Секундное замешательство сменилось истеричным воплем юного дракона:

— Она меня изуродовала! Она... она... Маньячка!!!

— Не правда! — выкрикнула Эдвина из своего угла. — Следы от настойки ортанного корня быстро проходят, если приложить к ожогу зелье из листьев кирана! Ты бы знал это, если бы слушал мейста Гейтса, а не был занят сочинением гадких стишков в мой адрес. Урод...

Последнее слово она едва выдохнула, но, думаю, все услышали. И ученики с директором, и прискакавшая следом за ним Данна с разряженной группой поддержки.

— Сынок! — пискнула одна из дам, та самая кудрявая блондинка, напомнившая мне Шанетт, и бросилась к своему чаду. — Что она с тобой сделала?! Какой ужас! Мы этот так не оставим! Мейст Гастфер! Сейчас же вышвырните отсюда этого подкидыша!!!

Эдвина сжала кулаки, я непроизвольно поискала взглядом настойку ортанного корня. Может, помочь даме вымыть волосы?

Шагнула вперёд, загоразивая собой ребёнка, и сказала:

— Мы этого тоже так не оставим. Ваш сын избил мою племянницу, глумился над ней и намеренно провоцировал. Глумился, к слову, не один день. Мейст Гастфер, мы с вами об этом уже говорили, — перевела взгляд на вконец растерявшегося главу гимназии. — Я предупреждала: мы не потерпим хамское отношение к Эдвине ни со стороны преподавателей, ни уж тем более со стороны всяких молокос... учеников.

— Вы... — пискнула блондинка.

— Я не закончила, — перебила её резко и переключила внимание на тощего дракона в белом балахоне: — К вам у меня также имеются вопросы, мейст Гейтс. *Вы* и никто другой отвечаете за безопасность детей на уроке, тем более это важно при работе с такими веществами, как настойка ортанного корня.

Знала бы я ещё, что это вообще такое.

И тем не менее продолжала (и, кажется, успешно) давить на психику преподавателя и директора:

— Почему на них обычная форма и нет никакой защиты? Вы даёте в руки первогодок опасные зелья и не берёте во внимание, что они могут навредить вашим ученикам.

— Я ему тоже так сказала, — довольно поддакнула Вильма, которую, кроме меня, разумеется, никто не слышал, а бедный учитель окончательно слился цветом лица со своей хламидой.

— Никто бы никому не навредил, если бы ваша племянница, леди Деллагарди, не вела себя как дикарка! — снова вькнула кудрявая.

— Если бы вы учили своего сына, как надо обращаться с девушками, этого конфликта вообще бы не было, — холодно парировала я и обернулась к Эдвине. — Пойдём. На сегодня занятия закончены.

Решив до конца оставаться верной выбранной тактике поведения, ещё раз взглянула на директора:

— Мейст Гастфер, я вами очень, очень недовольна и мой муж со мной согласится. Мы платим немалые суммы в том числе и за безопасность Эдвины, но я не вижу, чтобы она была здесь в безопасности. Возможно, мне стоит обсудить этот вопрос с его величеством?

Ну а что? Как-никак я герцогиня и имею право на аудиенцию. И судя по испуганному взгляду, которым одарил меня директор

гимназии, угроза сработала. Этот дракон тоже слегка поблѣк, сглотнул и промямлил:

— Леди Делагарди...

— Не сейчас! Мне нужно отвести племянницу домой и вызвать к ней целителя. Эдвина...

Опустив взгляд, девочка быстро просеменила к выходу, прошмыгнула среди юбок «зрительниц», которые, стоило мне приблизиться, синхронно расступились. Даже Данна подвинулась и, кажется, провожала меня взглядом до самой лестницы. А скорее, не одна она. Я буквально физически ощущала, как спина зудит от множества глаз.

\* \* \*

К машине шли молча. Не знаю, о чём думала Эдвина, но лично я лихорадочно выбирала тактику поведения. Предпочла бы ещё сто раз рывкнуть на сварливого директора и поставить на место мадам «болонку», нежели воспитывать подростка. Подростка со взрывоопасным характером, привыкшего, что ему всё дозволено.

Оказавшись в паромобиле, пожелала себе удачи и решила начать:

— Эдвина...

Тут же осеклась, заметив, как по щекам девочки катятся слёзы, а попытки заглушить их, не воспроизводить ни звука, ни к чему не приводят. Пара секунд молчания, моего и «племянницы», и она не выдержала: зарыдала. Спрятав лицо в ладонях, затряслась от судорожных всхлипов.

Ну и что теперь делать?

Я обменялась взглядом с Александром, одними губами попросила ехать и неуверенно коснулась спины ребёнка:

— Эдвина, давай поговорим.

Если слёзы были наигранными, чтобы избежать наказания, то Эдвина — лучшая актриса всех времён, миров и народов. Увы, плакала она по-настоящему, навзрыд, а Вильма, устроившись рядом, сочувствующе вздыхала:

— Бедная девочка... И поговорить не с кем. Ты умирала, а этот твой Делагарди... Сухарь он, а не дракон!



— Эдвина, почему ты мне не рассказывала? — мягко спросила я и погладила девочку по плечу. Раз, другой, чувствуя, как её пробирает дрожь.

— А разве тебе до этого есть дело?!

Опять двадцать пять. И долго мне ещё отдуваться за ошибки Раннвей?

Мысленно припомнив тихоню и эгоистку незлым тихим словом, в свою очередь поинтересовалась:

— Разве я не доказала, и уже неоднократно, что ты мне небезразлична? Что я изменилась.

Рыдания стали чуть тише. Эдвина подняла на меня заплаканный взгляд и, резко втянув воздух, которого ей явно не хватало, на выдохе сказала:

— Я старалась не реагировать на их слова. Честно! А потом ты заболела...

— Почему не рассказала Эндеру?

Всхлипнув, девочка пожала плечами:

— Дядя очень занят и наверняка решил бы, что всё это ерунда и что мне просто не стоит обращать на них внимания.

— Тебе действительно не стоит обращать на них внимания.

— Я же сказала: я пыталась! — выкрикнула девочка и снова, всхлипнув, сжалась. Поёжилась, забормотала: — Когда тебя изо дня в день называют заморышем и подкидышем, полукровкой и ошибкой природы... Подбрасывают гадкие стишки, а некоторые озвучивают при всём классе... Я думала, когда они узнают о моём даре, зауважают, но всё стало только хуже. Они вконец обозлились. Даже Кикки... — Эдвина раздражённо смахнула слёзы. — Мне в лицо улыбается, а потом вместе со всеми надо мной потешается. Гадина!

Ну, яблоко от яблони недалеко падает. Чему тут удивляться?

— Всё правда, Женечка. Всё правда, — подтвердила Вильма, хотя это и так уже было очевидно. — Я сама пару таких стишков видела. Фу! До сих пор противно!

И Александр тоже рассказывал, что травля в подобных заведениях — это классика. Вроде и мир другой, и даже не люди в полном смысле этого слова — драконы, а проблемы у подростков те же.

— Они тебе просто завидуют, — озвучила я очевидное.

А в ответ услышала:

— Они меня ненавидят!

— Нет, милая, это зависть. В тебе раскрылся дар ещё до начала учёбы, да не какой-нибудь! Кто-нибудь ещё успел отличиться?

Девочка покачала головой.

— Ну вот. Они пытаются задеть тебя как могут. А могут только так: злыми словами и насмешками. Ты можешь уподобиться им, стать такой же, протравленной злостью, и отвечать гадостью на гадость. А можешь быть выше этого. Не забывай, что ты — Фармор.

— Пока ещё Польшман, — опустив взгляд, прошептала «племянница».

— И в этом нет ничего постыдного. Наоборот, тебе стоит гордиться своим отцом, не побоявшимся рискнуть жизнью, чтобы её изменить. Обоими своими родителями. — Я коснулась щеки девочки, стирая одинокую слезинку. — Нильс был храбрым и благородным мужчиной, а у Терес был железный характер. Она никогда не ломалась под обстоятельствами.

И не прогибалась под деспотичного папочку.

— Твоя мама сейчас бы меня поддержала: из любой ситуации можно выйти достойно и дать отпор не кулаками, а хлестким словом.

— Как это сделала сегодня ты? — тихо спросила девочка и, кажется (по крайней мере, мне очень хотелось надеяться), в её голосе послышалось восхищение.

Я улыбнулась в ответ:

— Например. Поверь, от этого можно получить куда большее удовлетворение, чем от драки.

Эдвина шмыгнула носом, немного помолчала, явно о чём-то размышляя, а потом поинтересовалась:

— Ты расскажешь дяде?

— Он так или иначе узнает.

— И снова меня накажет.

— Может, и не накажет. Но только если пообещаешь, что в следующий раз будешь думать головой, а не идти на поводу у эмоций.

Девочка тяжело вздохнула:

— Я постараюсь. Правда. Буду учиться... эмм... бить словами. Вот как ты сегодня.

Вот и пойми: то ли меня всё ещё презирают, то ли отношения «тёти» и «племянницы» действительно налаживаются.

В госпиталь я разрешила ей сегодня не ездить, но от занятий с мисти Ливен отвертеться у Эдвины не получилось. Не знаю откуда, но гувернантка оказалась в курсе инцидента в гимназии.

Первое, что я от неё услышала, столкнувшись в холле, было:

— Ах, леди Делагарди, как я вам сочувствую! Эдвина ни на что не реагирует, с каждым днём становится только хуже! Настоящий сорняк... Видимо, всё дело в её отце...

И сдался же им всем её отец!

Илена мне нравилась, но в тот момент захотелось засунуть ей в рот какой-нибудь кляп.

— Мисти Ливен! — Я честно хотела обратиться к ней спокойно, но гувернантка отчего-то вздрогнула. — Сочувствовать мне не надо, у меня всё замечательно. И ваши ремарки по поводу родных Эдвины и уж тем более самой Эдвины неуместны. Да и мне они неинтересны. С ней тоже делиться мнением не надо. Надеюсь, вы меня понимаете?

Гувернантка раскрыла от удивления рот, потом захлопнула. Нервным движением поправила очки на переносице и пробормотала, на меня не глядя:

— Прошу простить меня, ваша светлость. Просто вы мне очень нравитесь, а Эдвина...

— Мисти Ливен...

— Простите, — окончательно смутившись, спохватилась она. Кашлянув, произнесла: — Я всё поняла.

— Замечательно.

Илена торопливо расстегнула пиджак:

— Я могу подняться к Эдвине?

— Идите.

Изобразив книксен, девушка поспешила к лестнице. Я проводила её взглядом. Ещё одна... Не общество, а настоящий серпентарий. Каждый так и норовит продемонстрировать, сколько в нём яда.

## Глава 18. Королевский серпентарий

Следующие пару недель пролетели как один день. Увы, не в расследованиях, от которых я на какое-то время решила отвлечься (чтобы заодно отвлечься и от Эндера), а в изучении книг. Я закопалась в обучающую программу Кармара, как самая прилежная ученица. Синдром отличницы оказался неистребляем, а желание узнать как можно больше о драконьих турнирах стимулировало читать, читать и ещё раз читать.

Теперь в Королевской библиотеке каждое утро меня ждал свой стол, а также кофе и шоколад. Нет, я не просила держать для меня место и уж тем более могла обойтись без угощений — это уже была инициатива библиотекаря.

На вопрос, с чего такие почести, пожилой мужчина кашлянул и, немного стусевавшись, признался:

— Вы всегда так приветливы и так искренне улыбаетесь... Обычно леди ведут себя иначе.

Тут уж я не сдержала невольного смешка. На собственном опыте успела узнать, как могут вести себя здешние леди, и с улыбкой, которая так нравилась пожилому библиотекарю, поблагодарила:

— Спасибо, мейст Брифин. Мне приятно ваше внимание.

— Всегда рад стараться, — ещё больше засмутился пожилой хранитель книжного царства.

Не знаю, нравилась ли такая программа Александру — изо дня в день таскаться в одно и то же место, но он не роптал, а я сильно не наглела. Обычно заканчивала к обеду и возвращалась домой, а его отпускала на настоящую работу.

Пусть парень не только со мной нянчится, но и занимается своей карьерой.

Дома тоже скучать не приходилось. Сначала разбирала бумаги «папеньки», которые прислал по моей просьбе домоправитель Фарморов. К сожалению, ничего интересного, кроме черновика второго завещания, обнаружено не было. Как и говорил Делгарди, все богатства древнего рода должны были отойти Эдвине (а до совершеннолетия девочки её опекуну) лишь в том случае, если она за

год сумеет раскрыть в себе три силы, как когда-то Терес. При любом другом раскладе всё завещалось Данне.

Оригинал документа хранился у семейного адвоката, мейста Дельвига. Об этом я узнала из его переписки с покойным Фармором. Кажется, они дружили, потому что письма носили скорее личный, чем деловой характер. Деспотичный «отец» часто жаловался другу на дочерей. Старшую винил за то, что та сначала выскочила замуж за голодранца, а после имела наглость погибнуть. Младшую — за всё остальное: отсутствие дара, отсутствие характера, нежелание выходить замуж, а в довершение ко всему ещё и наглый побег.

Беглянке, к слову, ничего не полагалось. Конечно, Раннвей вернулась, вроде как, но я посягать на чужие богатства не собиралась. Надеюсь, у Эдвины всё сладится с магией и Данне не достанется даже ночной горшок из дома Фарморов.

Вот!

«Племянница», к слову, после обеда теперь тоже сидела дома. Из госпиталя её уволили. На следующий день после памятного инцидента с задиристым одноклассником от главврача пришло письмо с невнятными объяснениями, мол, в помощи они не нуждаются, санитарок у них и так предостаточно. Иными словами, малолетних террористок им не надо.

Эдвина тихо радовалась, Делагарди злился. Не столько на девочку, сколько на ситуацию в целом. И даже не с лечебницей, а скорее, с гимназией и её контингентом. Боюсь, отправься в тот день на собрание он, а не я, и Дерену Ферну уже точно понадобилась бы госпитализация.

На следующий день «муж» всё-таки съездил в гимназию поговорить по душам с мейстом Гастфером. С тех пор Эдвину больше не доставали. По крайней мере, мне она не жаловалась, а на наши вопросы всегда отвечала одно и то же: всё в порядке.

Помимо того, что газеты не поленились рассказать о стычке гимназистов, обо мне они тоже не забыли. Гратцвиг захлестнула очередная волна слухов и домыслов. Те, кто им верил, уже давно считал меня бесстыжей прелюбодейкой, развлекающейся то с Родингером, то с Морианом. Иногда рядом с моим именем красовались и другие фамилии: мужчин-драконов, о существовании которых я даже

не подозревала. Но с которыми, если верить газетёнкам, каждую ночь в постели кувыркалась.

Спасибо хоть не со всеми сразу.

Делагарди поначалу страшно бесился, грозился подать в суд на все столичные издания разом, за наглую клевету, но, к счастью, всё-таки услышал голос здравия в моём лице.

— Так ты сделаешь только хуже, — сказала ему. — Незачем раздувать из мухи слона и превращать сплетни в грязный скандал. Всем рты всё равно не позакрываешь, а если не реагировать, они скоро угомонятся.

По крайней мере, я только на это и уповала.

Не за горами был королевский бал, от которого не отвертеться, и мне совсем не улыбалось и на нём становиться гвоздём программы.

Хватит. Устала.

Сжав сильнее полупустой бокал, так, что бедное стекло с витиеватым узорчиком едва не подёрнулось ещё одним узором — из трещин, дракон прорычал:

— Я бы с удовольствием разорвал каждого писаку и повырывал языки всем сплетникам! А уж Родингеру.. — в голосе «мужа» отчётливо зазвучали нотки ревности, и сразу стало ясно, что бы он ему оторвал. Залпом осушив остатки крепкого напитка, Делагарди выцедил: — Если ещё хоть раз увижу тебя рядом с ним, Женя...

А вот теперь в его голосе слышалась неприкрытая угроза. Я даже слегка оторопела от такого поворота. Это что ещё за проявление собственности?

Спрашивается, какого?!

— Ты, кажется, перепутал меня со своей женой. Это раз...

— Ты и есть моя жена, — жёстко перебил он меня.

Вот тебе на! Нет, я, конечно, жена, вынужденная, и что самое главное — фаль-ши-ва-я! А он говорит и смотрит так, словно мы и правда венчались в одном из их драконьих храмов, произносили ритуальные клятвы и обменивались обручальными украшениями.

— Во-вторых, — решила проигнорировать его заскок, — я, как ты верно подметил, Женя. Не Ранвей. Я честно и старательно выполняю условия договора. Всё остальное тебя не касается.

Могла бы сказать, что мне на Родингера плевать. За исключением, правда, тех моментов, когда дурацкое тело драконицы-тихони

начинало реагировать на этого типа. Но я над собой, точнее, над своей слабой плотью, успешно работаю.

Могла бы, но...

Но пошёл он.

Уже давно должен был понять, как я реагирую на угрозы, и всё равно продолжает, упорно не меняет тактику. Видимо, этот номер неплохо срабатывал с Раннвей. Наверняка и с любовницами прокатывал. Но я-то другая!

Эта самая другая, решив, что тема исчерпана, направилась к выходу из кабинета. Успела дойти до двери, но вот выйти, увы, нет. Дракон оказался быстрее, схватил меня за локоть, развернул к себе. К стене не толкал, но я как-то сама возле неё оказалась, зажата между одной каменной преградой и другой — грудь Делагарди была твёрже металла.

— Ты намеренно меня провоцируешь? Женя... — хриплый шёпот, от которого по коже бежит не то дрожь, не то самый настоящий огонь.

— По-моему, ты сегодня вечером неплохо напроваоцировался виски, — покосилась я на пустой бокал, оставленный на столе.

Нет, Делагарди не был пьян и даже не в лёгком хмеле, но я злилась, от его поведения, от его слов, от его... близости и того, что она во мне вызывала, и хотела хоть как-то его задеть.

— Я тебя не понимаю. — Он тоже не реагировал на мои слова и, кажется, в данный момент слышал только себя. — Ты то приветлива и мила, то превращаешься в ледяную колючку. В последнее время избегаешь встречаться со мной взглядом, да и в принципе меня избегаешь. Что с тобой происходит, Женя? Что я тебе сделал?

— Я не избегаю. Просто... не получается у нас пересекаться.

Это была неправда. Я действительно его избегала. Или, скорее, пыталась убежать от чувств, эмоций, что захлёстывали меня всякий раз при виде этого дракона. Их было много, слишком много. Ярких, острых, противоречивых. Какая-то часть меня хотела от него спрятаться, другую, наоборот, тянуло к нему, словно этот мужчина был огромным магнитом.

Наркотиком. Опиумом...

Но только не сегодня. Не после пустой ревности и угроз.

— Куда с большим удовольствием ты проводишь время с Морианом! — очередной хлёсткий упрёк.

И шёпот, хриплый, дразнящий, касающийся моих губ невидимой лаской.

— Ты бы сначала определился, к кому ревновать: к Александру или Вольмару, — не сдержавшись, съязвила я.

— А кто сказал, что я ревную?

— А что тогда такое между нами сейчас происходит?

Его взгляд опустил на мои губы, скользнул ниже, и я сглотнула. Сглотнула и уже решила, что пора отпихнуть от себя этого любителя отступаться от условий договора, пока он от визуального контакта не перешёл к более тесному, физическому, но тут в дверь постучали.

— Ваша светлость, — послышался из коридора голос Бальдера.

Я редко радовалась появлению дворецкого, но сейчас готова была его расцеловать за своевременное вмешательство в эту... не-ревность.

— Разрешите войти?

Дракон отстранился сам, отталкивать не пришлось.

— Надеюсь, мы больше не будем возвращаться к этому разговору, — сказала, хватаясь за ручку двери.

— Не будем, если рядом с тобой не будет Родингера, — мрачно заявил упрямец.

— Скажу ему, чтобы получше прятался! — огрызнулась я и выскочила в коридор, едва не сбив с ног дворецкого.

Оказавшись у себя, первое, что сделала — это заперла дверь между своей спальней и спальней палача. На всякий случай даже стулом её подпёрла, после чего пошла успокаиваться в горячей ванне.

Как же сильно он порой меня раздражает!

\* \* \*

Дни до королевского бала пролетели незаметно и, увы, их оказалось недостаточно, чтобы столичные желтушники наконец унялись. То в одной, то в другой газете мелькали гадкие статейки, обо мне и моём гареме, «любимой женой» в котором выступал, конечно же, Вольмар Родингер.

Делагарди продолжал злиться, я продолжала их всех игнорировать (ну или по крайней мере пыталась), Бальдер же (зараза такая!) делал всё, чтобы эта лживая писанина ни в коем случае не укрылась от моего внимания. То я находила раскрытую на нужной



странице газеты возле своего места в столовой, то прямо в спальне, а однажды обнаружила даже в ванной.

В следующий раз, видимо, положит на крышку унитаза.

— Что же вы ленитесь, Бальдер? — процедила, не сдержавшись. — Уже бы выделили самое главное, подчеркнули всё пикантное, чтобы я точно ничего не упустила. Моего мужа тоже этой отравой пичкаете?

— От него, наоборот, прячу, — с театральным вздохом заявил истребитель моего внутреннего равновесия. — Увы, не помогает. Эйрэ не слепой и не глухой. От него сложно утаить правду.

— Где вы там видели правду...

В общем, мои отношения с хозяином дома и его вредной правой рукой были, мягко говоря, напряжённые. Зато радовала Эдвина. Девочка не огрызалась и, к счастью, не вспоминала о прошлой Раннвей. По крайней мере, в мой адрес упрёки пока больше не поступали. И новость о турнире со мной в одной связке восприняла без истерик и паники.

— Ты точно сможешь? — только спросила настороженно.

— Я буду стараться, — улыбнулась ей и в свою очередь поинтересовалась: — Чем займёшься, пока нас не будет?

— Мисти Ливен, — кисло ответила Эдвина. Горько вздохнула: — Она уговорила дядю провести для меня урок-экскурсию в Историческом музее. Придётся ехать туда сегодня с ней и Вернером.

Выражение лица у «племянницы» было таким, словно её отправляли на гильотину. Честно говоря, я бы с радостью поменялась с ней местами и с куда большим удовольствием послушала в музее Илену, чем торчала весь вечер в светском серпентарии.

Но, как говорится, надо. Это тоже часть моей работы: сопровождать «супруга» на сходки аристократов и строить из себя милую, влюблённую в «мужа» Раннвей.

Не в Родингера и ещё в бог знает кого.

Для встречи с их величествами было выбрано платье из тёмно-синего шёлка с наиглубочайшим вырезом и открытыми плечами. Невесомое кружево по краю декольте привлекало ещё больше внимания к самому пикантному. Юбка была пышнее тех, к которым я привыкла. Довершали образ герцогини Делагарди атласные перчатки до локтей, веер из кайянского кружева и сложная причёска, на которую

Полин с Минной убили целый час, если не два. А потом столько же водили по моему лицу пуховкой и кисточками.

В общем, к тому времени, как настало время уезжать, мне уже реально хотелось в кровать. Снять всё с себя, умыться и почитать какую-нибудь книгу. Как было бы здорово взять себе чая с вкусняшками и наслаждаться таким обыденным занятием, как чтение! В тишине, покое, умиротворении.

А вместо этого...

— Ваши украшения, госпожа. — Полин раскрыла передо мной огромный бархатный футляр, в котором хранилась сапфировая в россыпи бриллиантов парюра: ожерелье, серьги и кольца. Обручальный браслет на левой руке по сравнению со всем этим великолепием смотрелся более чем скромно.

И колье, и серьги весили прилично. Чувствуя, как благородные камни оттягивают мне мочки ушей, поднялась с кресла, бросила последний взгляд на рыжеволосую красавицу в зеркале и с тоской подумала, что остаться незамеченной теперь уже точно не получится. Ну как не обратить внимание на такую леди Делагарди? С томным взглядом и стройной, но не лишённой привлекательности фигуры. С помощью корсажа скромную грудь Раннвей искусно приподняли. Настолько, что последний из грозди сапфиров имел все шансы потеряться в этом непонятно откуда взявшемся богатстве.

— Пелерина, госпожа, — протянула меховую накидку Минна, после чего добавила: — Эйрэ ждёт вас.

А мне так не хотелось к нему спускаться.

Мысленным пинком под зад придав себе ускорения, я вышла из комнаты и направилась к лестнице. Увы, коридор быстро закончился и ещё быстрее закончились ступеньки, которые привели меня к Эндеру.

Сегодня дракон выглядел так же, как я. Нет, на нём не было платья с провокационным вырезом и тонны украшений, но внимание он привлекал к себе только так; можно сказать, по щелчку пальцев. Раз — и я оказалась в ловушке его взгляда. Два — нервно втянула воздух, тщетно пытаюсь из неё выбраться. Пока ещё не поздно, пока окончательно не забылась. Не потерялась в этом сумасшедшем драконьем магнетизме...

— Добрый вечер... Раннвей. Выглядишь очаровательно.

Простые слова, которые даже с натяжкой было сложно назвать комплиментом. Вот только взгляд говорил о куда более сильных... хм... эмоциях. Ярко-зелёные глаза дракона потемнели, окрасившись в цвет его жилета — цвет лесной травы, укрытой тяжёлыми тенями дождливого вечера.

— Платье...

— Надлежащее событию, — прервала я, борясь с желанием подтянуть дурацкий корсаж, по краю которого сейчас гулял его взгляд. — Могу пойти переодеться в домашнее.

То, которое под горло, с кружевной манишкой и длинными рукавами. Я в нём походила на строгую учительницу младших классов и сейчас бы с удовольствием сменила бальную красоту на эту чопорную скукоту.

Но тогда меня не поймут их величества.

Делагарди, видимо, тоже об этом подумал, о том, что марафетилась я не для кого-то, а потому что так было нужно, и заставил себя улыбнуться:

— Всё хорошо. Можем ехать.

Так как Вернер укатил с Эдвиной и мисти Ливен, во дворец нас вёз Бальдер. Вильма пока не появлялась. Наверняка по королевским кулуарам гуляет, встречает гостей и оценивает наряд каждой дамы.

— Это правда, что король уже правит сотню лет, а королева сошла с ума в тщетных попытках подарить ему наследника? — тихонько спросила у Делагарди, когда молчание в машине стало таким, что захотелось срочно из неё выйти.

Я часто видела портрет его величества — чуть ли не каждый второй, а то и первый кармарец считал себя обязанным повесить изображение Вильгельма Девятого в своей гостиной. В театрах, кафе и прочих заведениях копий этого добра тоже хватало. На широко известном портрете король был изображён мужчиной средних лет: он не был красив (слишком крупные черты лица, мясистый нос, навывкат глаза), но едва ли походил на старика.

Но если верить слухам, этому дракону уже давно пора в отставку. Не только в плане работы, но и в плане жизни.

Шум фырчащего транспорта заглушал наши голоса, и тем не менее Эндер ответил так же тихо, чтобы Бальдер не услышал:

— Он выглядит старше, чем есть на самом деле. Что же касается королевы... — Дракон призадумался, явно подбирая слова: — Она порой бывает несколько... своеобразной.

Своеобразной?

Ничего не понятно, ну да ладно. Скоро сама своими глазами всё увижу. Главное, чтобы они меня не увидели. И пообщаться не захотели.

Королевский дворец было сложно не заметить и проехать мимо. Его освещало столько огней, что, казалось, само здание было объято пламенем. Белый камень стен, широкая, усыпанная белесой крошкой подъездная дорога, многочисленные балконы с балюстрадой из белого мрамора, отражавшего отблески пламени.

Лантерн и факелов было столько, что, должно быть, зажигать их начали ещё позавчера. А стоило нам подняться по мраморной лестнице и войти в резиденцию владык Кармара, как захотелось зажмуриться — от обилия зажжённых свечей в хрустальных люстрах.

Не менее ярко, если не сказать вызывающе, сверкали кулоны и ожерелья на тонких шейках леди. Моё тоже заискрилось, стоило снять пелерину. Тут же почувствовала себя чуть ли не обнажённой, а под взглядами, устремившимися в нашу сторону, захотелось выдернуть мех из рук лакея и снова в него завернуться. На худой конец снять фрак с «мужа» — вон у него ещё жилет и рубашка, ему есть за чем прятаться.

Один взгляд я почувствовала особенно остро. А с ним и пробудившиеся чужие эмоции: волнение, истома. Чтоб её... Делаягарди источник взгляда тоже заметил. Поднял взгляд на лестницу, на которой, лениво облокотившись на перила, стоял Родингер, и выцедил:

— Пойдём отсюда.

Я даже вздохнуть не успела, как он схватил меня за руку и потащил к раскрытым настежь дверям, где разряженных придворных и любопытных взглядов было ещё больше.

— И часто их величества устраивают вечеринки? — спросила, чтобы отвлечься от мыслей о Родингере. От мыслей и своих idiotских эмоций.

— К счастью, нет, — не стал уточнять, что такое «вечеринка», Делаягарди. — По традиции король и королева открывают бальный сезон в середине осени и закрывают его поздней весной. Все

остальные мероприятия за редким исключением проходят в домах знати.

— Нам тоже придётся что-то организовывать?

— Хотя бы раз, но придётся, — мрачно подтвердил дракон, продолжая удерживать меня под локоть.

Это тоже добавляло эмоций. Самых разных и очень, очень ярких. Даже голова немного закружилась от всей этой карусели чувств к двум совершенно разным драконам, а от прикосновений Делагарди бросало то в жар, то в холод. В холод от страха — отголоски эмоций Раннвей. Что же касается жара — это уже была моя отсебятина. Когда его пальцы коснулись плеча, там, где заканчивалась перчатка и начиналась ничем не прикрытая кожа, я почувствовала себя полыхнувшей свечкой, вроде тех, что освещали длинную анфиладу, по которой мы бодро шагали.

Остановились только, оказавшись в тронном зале. На то, что это тронный зал, намекали два кресла в роскошном алькове, затканном алым бархатом с золотым узором. К креслам вели три ступени, устланные такого же кровавого колера ковровой дорожкой. Больше в этом огромном зале никакой мебели не было. Разве что несколько отделанных парчой скамеек у стен, но ни одна не пустовала. Их оккупировали дамы постарше.

— Нам придётся здесь танцевать? — спросила я, оглядывая масштабы роскошного зала. Повсюду, куда ни кинь взгляд, лепнина и позолота, мрамор и хрусталь, а на стенах искусная роспись: целые картины, повествующие о далёком прошлом драконов. Когда те могли обращаться в невероятных созданий и жили столько, что скорее имели шансы скончаться от скуки, чем от старости.

— И танцевать, и улыбаться всем подряд.

— Даже Родингеру?

Ну вот кто меня за язык дёрнул?!

Взгляд «мужа» стал тяжёлым и властным, словно он был здесь суровым монархом, а я какой-нибудь ничтожной служанкой, а то и вовсе рабыней.

— Ему необязательно.

— Как скажешь.

К счастью, наше тет-а-тет было прервано появлением Шанетт и Лейфа. Не то чтобы я обрадовалась подружке Раннвей, но так хотя бы

внимание Делагарди переключилось с меня на эту сладкую парочку. Шанетт очаровывала красотой и нежностью в лавандового цвета шелковом платье, Лейф, как и мой «благоверный», щеголял в чёрном фраке. Только вместо тёмно-зелёного жилета на нём был светло-серый.

— А мы всё гадали, придёте ли вы, — вместо приветствия начала блондинка, растягивая губы в ангельской улыбке.

— Не в наших привычках не принимать приглашение его величества, — почти доброжелательно ответил Эндер. Видимо, уже успел надеть маску воспитанного и приветливого эйрэ.

Беря с него пример, тоже улыбнулась. Правда, улыбка сползла с моего лица, стоило леди Флеминг снова раскрыть своей очаровательный ротик:

— Просто мы подумали... После всей той грязи, которой поливали Раннвей все столичные издания... И не поленились же приписать тебе сразу столько романов! — хихикнула «подружка».

Шанетт явно получала удовольствие от этого разговора, в то время как я уже жалела, что обрадовалась её появлению.

Лучше бы продолжала стоять под ручку со своим эйрэ.

— Мы на чушь не обращаем внимания, — ответила я, совладав со вспышкой злости. — И вам не советуем.

— Но это так раздражает! — мелодраматично воскликнула болтушка. — Все эти обвинения и насмешки... Не представляю, как ты терпишь.

— Дорогая, хватит. — Как оказалось, у Лейфа было больше такта. Он не стал дожидаться, пока его супругу заткнёт я или Делагарди, предпочёл сменить тему: — Как продвигается расследование? Я слышал, удалось выяснить личность второго искажённого. Приезжий...

На вопросы по работе Делагарди отвечал скупое, неохотно и, неизвестно, что его раздражало больше: липовая забота Шанетт или же живой интерес её мужа, проявляемый к следствию.

— К счастью, после нападения на лорда Карриша всё стихло, — заметил Флеминг.

— Мы считаем, что на него напал не искажённый. И сам лорд Карриш уверен, что его просто пытались ограбить, — сказал Делагарди.

— Тогда хорошо, — пробормотал Лейф.

Открыл было рот, собираясь ещё о чем-то спросить, но тут лакей в блестящей парчовой ливрее громко и торжественно объявил:

— Его величество, Вильгельм Девятый Всемогущий, и её величество, Корделия Несравненная!

Я опустила в реверансе и тем не менее исподволь поглядывала на монархов. Интересно же, что они из себя представляют!

Оказалось, что ничего особенного. Не знаю, может, когда-то драконий король и был всемогущ, но сейчас мощи в нём не наблюдалось. Он шёл, еле перебирая ногами, тяжело опираясь на руку своей супруги. Седой, жилистый, старый — он мало чем походил на мужчину с портрета, столь популярного в Кармаре. Что же касается королевы... Что ж, наверное, её можно было назвать несравненной. В том смысле, что сравнивать здесь было не с кем. Драконицы в большинстве своём остаются красавицами до преклонных лет. Назвать же красивой её величество было, скажем так, проблематично. Слишком крупные, как и у её мужа, черты лица: орлиный нос, большой рот и при этом невнятный подбородок, блёклые карие глаза. Собранные под сетку волосы казались тусклыми, словно в авоську напихали соломы. Вот платье было роскошным, из парчи и шёлка, но едва ли оно делало правительницу Кармара краше.

Тем не менее она шла, высоко подняв голову, в то время как её муж устало смотрел себе под ноги. Казалось, поднять голову для него не менее сложно, чем мне сдвинуть с места какую-нибудь гору.

Наверное, не следовало бросать на них взгляды. Когда королевская чета поравнялась с нами, её величество замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. Я опустила глаза, но поздно: мой интерес был замечен и в ответ я получила такой же. Пристально меня осматривая, не торопясь скользя по мне цепким взглядом, Корделия неожиданно хмыкнула, громко и выразительно. В тишине, царившей в тронном зале, её пренебрежительное «хм!» услышали все собравшиеся.

А уж громкие слова:

— Непонятно, и что они в вас находят, леди Делагарди? Такая худая... — наверняка разнеслись по всему дворцу, а может, и Гратцвигу. — Развратница, — уже тише припечатала её величества и пошла дальше.

А я словно закаменела. И дракон со мной рядом. Скосила на него взгляд, заметила, как выступили желваки на скулах, каким стал хищным взгляд, и одними губами прошептала:

— Не вздумай. Не хватало ещё с ней проблем и скандалов.

Делагарди сумел совладать со своими чувствами, но, кажется, это стоило ему всей выдержки и хладнокровия, что были отмеряны ему до конца жизни.

Вот тебе и своеобразная... Хамка она. Просто обычная хамка.

Когда их величества опустили на трон: королева уверенно и резко, король медленно и осторожно, настала пора приветствия. Речь его величества была сбивчивой и невнятной, а когда он умолк, заиграла музыка: настало время первого вальса.

Мы поспешили затеряться в толпе, пока нас не прожгли взглядами все желающие. Схватив с подноса проходящего мимо лакея бокал с шампанским, Делагарди осушил его залпом.

— С этим надо что-то делать. Так не может продолжаться.

— Какие у нас варианты? Доказывать всем направо и налево, что всё это лживые сплетни? Поверят? Сомневаюсь. Ещё и решат, что оправдываемся.

— Предлагаешь просто продолжать терпеть? — зелёные глаза дракона окрасились золотом, словно в них плеснули раскалённой лавой.

— Предлагаю, как я советовала Шанетт, не реагировать на ерунду.

— Мне бы твою выдержку... — пробормотал Эндер и встретил мрачным прищуром приблизившегося к нам мужчину.

— Ваша светлость, с вами желает говорить его величество.

«Муж» было взял меня под руку, но придворный поспешил предупредить:

— Вас одного.

Кажется, ультор заскрежетал от ярости зубами. Я готова была поклясться, что услышала этот звук даже сквозь гомон и громкую музыку вальса.

Бросив мне:

— Будь здесь, — быстрым шагом последовал за посланником.

Я осталась подпирать стену, с которой в данный момент мечтала слиться в одно целое. И слуга с шампанским, как назло, больше не пробегает. Чем тут лечить нервы — непонятно.



Не успела подумать о том, что была бы не прочь пригубить немного игристого напитка, как прямо передо мной нарисовался Родингер. С двумя бокалами и улыбкой коварного соблазнителя:

— Вас невероятно сложно застать в одиночестве, леди Делагарди. Шампанского?

Я мысленно застонала. Увы, под стену я так и не мимикрировала, и сейчас все прекрасно видели «распутницу Раннвей» в обществе её «любовника».

Что тут сказать... Ситуация просто чудовищная!

## Глава 19. Что такое «не везёт» и как при этом выжить

Родингер протянул мне бокал, и это, разумеется, заметили все близстоящие. А близстоящих, увы, было немало. Придворные как по команде повернули головы в нашу сторону. Удивительно, как ещё музыка не стихла, чтобы подчеркнуть мелодраматичность момента.

Выхватить и плеснуть пузырьки ему в рожу? Соблазн был велик, но я сдержалась. Вместо этого — вместо рожи в пузырьках — прижала руки к юбке, почти как солдат развела их по швам и резко сказала:

— Ты это специально? Чего ты добиваешься?!

— Просто хотел пообщаться со старой... подругой.

Никогда не видела, чтобы мужчина мог так порочно улыбаться. Этот мог... Ещё как! Меня едва не перетряхнуло. От жаркой волны, прокатившейся под кожей, от харговой истомы. Грудь неожиданно заныла, словно я стояла перед ним обнажённой, позволяя себя касаться, и это горько-сладкое чувство заструилось дальше. Точнее, ниже, заполняя всю меня, мешая даже дышать.

Так! Прекращаем безобразие и вспоминаем, кто здесь хозяйка. Этого тела, мозгов, разума!

— Мы с тобой не друзья, — холодно отчеканила я.

— Но когда-то ведь были, — пригубив шампанского, мягко напомнил Вольмар. И прежде чем я успела понять, что он замыслил, подался ко мне, прошептал на ухо: — И не только ими, Раннвей. Не только ими...

Со стороны его близость наверняка выглядела очень интимно. Со всех сторон и ракурсов. Я шумно сглотнула, снова ощущая, как в сознании начинает клубиться хмарь, и... И дальше уже действовала по наитию, позабыв о том, что так в высшем обществе делать не принято.

Выхватила бокал из рук дракона, плеснула игристое в самоуверенную физиономию.

— Хватит сочинять сказки, мейст Родингер! Ваше присутствие доставляет мне неудобство, и это ещё мягко сказано. Не знаю, как ещё вас просить, чтобы вы от меня наконец отстали!

Говорить на повышенных тонах в высшем свете тоже не положено, но после рожы в пузырьках я решила, что мне простительно. Мне можно. Особенно после выпада королевы и попыток этого... этого... прости Господи, дракона... опорочить и унижить меня ещё больше!

Лицо Родингера исказилось, но лишь на долю секунды, он быстро взял себя в руки. А я ещё быстрее, сунув ему опустевший бокал, развернулась на каблуках и двинулась к выходу. О том, что Делагарди просил никуда не рыпаться, даже не вспомнила. Сейчас я готова была отдать всё на свете, чтобы сбросить с себя шлейф из взглядов: липких, раздражающих, наглых.

Что ж, журналистам будет о чём писать в ближайшие недели. И, кажется, на затишье даже не стоит рассчитывать. Может, Эндер и прав, и нам не стоит глотать молча оскорбления, а действовать! В суд на каждого или лучше отправить к желтушникам Вильму. А заодно и к Родингеру. Пусть подождёт ему что-нибудь!

Кстати, где Вильма?

В себя я пришла в одном из залов. Анфилада казалась бесконечной, и я не могла точно сказать, как долго бежала и где оказалась. Здесь, как и в других комнатах, все стены были увешаны картинами в тяжёлых рамах. Лепные своды и шёлк обоев, кушетки, диванчики, стулья: всё на витиеватых ножках, блестящее и парчовое. В дальнем углу горделиво мерцал в отблесках свечей рояль. Его тёмные очертания притягивали взгляд, и почему-то мне впервые за последние годы захотелось не просто глазеть на глянцевые бока рояля и поднятую крышку, а сесть за него, коснуться клавиш...

— Ох, Женечка, ну ты и бегаешь! — раздалось сбоку громкое, и я невольно вздрогнула.

Просочившись сквозь лаковый столик, Вильма зависла передо мной обеспокоенным привидением.

— Я хоть и дух, и то за тобой едва поспела. Ну и сцена-а-а... Точнее, сцены. — Уперев руки в бока, старушка угрожающе выцедила: — Ну я этой корове! Королеве которая. Подстерегу её и ка-а-ак...

— К харгам её! — Я в сердцах плюхнулась на диванчик, рассержено бросила: — Мы в этом гадюшнике меньше часа, а мне уже невыносимо хочется отсюда убраться. Делагарди сказал, что придётся торчать до полуночи... Да я же до полуночи свихнусь здесь!

От одной только мысли, чтобы вернуться в тронный зал, меня начинало трясти и выворачивать. А если увижу там Родингера...

— Ну-ну, плюнь на них. — Вильма опустилась рядом, утешающе погладила мою руку, и я ощутила лёгкое прикосновение, словно прохладный ветерок просочился сквозь перчатку, пощекотал кожу. — Им ведь это как раз и надо: твои эмоции, твои чувства. Давай, подыши, успокойся и с высоко поднятой головой возвращайся обратно. Твой дракон пока с королём, отчитывается по расследованию. Не нужно, чтобы он потом искал тебя и волновался.

Вильма была права. Я ведь так и собиралась. Держать лицо и не реагировать на провокации. Но Родингер, чтоб его...

— Ещё и этот бывший Раннвей! — в сердцах пожаловалась духу. — Не понимаю, почему он на *меня* оказывает влияние? Я ведь не она! Может, это его дар?

— Может, и дар, — пожала плечами Вильма, а после короткой паузы проговорила: — Я наводила о нём справки — он дракон-стихийник. Ещё до поступления в гимназию раскрыл в себе силу управлять сразу четырьмя стихиями, а это редкость в наши дни.

— Хочешь сказать, мне эти эмоции ветром надуло? — Я мрачно усмехнулась.

— Хочу сказать, что это официальный дар. Некоторые драконы не любят щеголять всеми своими способностями. Не потому что скромники, а потому что предпочитают держать в рукаве если и не козырь, так хорошую карту. Стихийник он — это без сомнения. А что ещё там намешано — увы, нам неизвестно. То же самое можно сказать и о твоём Эндере. Знаешь, сколько у него даров?

Я неуверенно пожала плечами и подумала: а ведь правда! Я никогда не расспрашивала Делагарди о его магии.

— Он ультор и... владеет частичной трансформацией.

— Тоже достаточно редкое явление, — кивнула старушка. — Что ещё?

— Не знаю... Может, и ничего.

— Может, и ничего. А может, и что-то. Но он же такой скрытный! Вряд ли, даже если и спросишь, признается. В общем, одни проблемы со всеми этими недочешуйчатыми гадами... — Вильма вздохнула и поднялась. Точнее, бесшумно слетела с диванчика. — Ладно, Женечка, пора возвращаться.

С тяжёлым сердцем я последовала её примеру. Поправила причёску, смахнула с юбки невидимые складки. Направилась было к выходу, но замерла, услышав совсем близко резкий мужской голос:

— Давай его сюда... Скорее!

Вильма тут же встала в стойку. Ринулась к приоткрытой двери, полностью сливавшейся с обоями, отчего я сначала её не заметила. Я по инерции шагнула следом и тут же отпрянула, увидев, как двое мужчин в масках тащат за собой третьего. Комната, куда они вошли, была меньше зала, в котором находилась я. Очень удачное место для...

Для чего?!

Чуть не закричала, заметив, как по светлому жилету того, кого они волокли, расплылось огромное тёмное пятно. Не пунша и явно не кетчупа, а...

— Великий Дракон! — выдохнула Вильма. — Это же тот парламентарий, на которого недавно напали!

— Ну мы и наследили, — раздражённо процедил один из... убийц?

— Ну уж как получилось... Давай оставим его здесь. Надо возвращаться, — ответил другой.

Я стояла, боясь пошевелиться, привлечь их внимание малейшим звуком, и старалась даже не дышать. Сейчас... Сейчас они уйдут, и тогда я побегу. К Эндеру, к королю... Расскажу о том, что случилось!

Об убийстве!

Оба одеты нарядно, значит, гости. Значит, из знати. Значит...

Мысль оборвалась, когда поняла, что вместо того чтобы уйти, откуда пришли, они собираются зайти сюда! Отшатнулась испуганно, напоролась на злосчастный диванчик. Ножки царапнули паркет, и один из убийц, вскинув взгляд, коршуном метнулся в зал.

Ко мне.

— Ах ты ж гад! — взвизгнула Вильма, когда преступник в маске схватил меня за горло.

Я, увы, кричать в таком состоянии не могла. Только мычала что-то хрипло и пыталась отцепить пальцы убийцы.

Ну вот что за чертовщина! Не искажённый, так какая-нибудь другая сволочь пытается лишить меня жизни!

Лучше бы оставалась Вейей из Пограничья. Были бы нервы целее, как и я вся в целом.

— Придётся наследить ещё больше, — захват его пальцев усилился, и перед глазами потемнело.

Так и не поняла, он сказал это с удовлетворением маньяка или с досадой. Удовлетворения в хриплом голосе лично мне слышалось больше, чем раздражения от того, что не всё пошло согласно их чудовищному плану.

Второй душегуб молча достал из кармана кинжал — видимо, тот самый, которым уже успели сегодня воспользоваться — и последовал за своим подельником, чтобы оставить и в моей груди пару кровавых дырок.

И тут вмешалась Вильма.

Не знаю, что сделало с ней Зазеркалье, но сейчас я её возросшей силе была несказанно рада. В чудовище с кинжалом прилетела ваза, а на душившего меня гада обрушился канделябр.

— Так тебе! И ещё раз! Ещё... — запальчиво кричала старушка, опуская на голову и плечи чудовища (в общем, куда попадала) бронзового монстра.

— Ведьма, — выцедил он, ослабляя хватку.

Секундного замешательства мне оказалось достаточно, чтобы выскользнуть из «жарких объятий» и отскочить на более-менее безопасное расстояние. Увы, пока я жадно глотала ртом воздух и пыталась прогнать застилавшие глаза пятна, ко мне метнулся мерзавец с кинжалом. Не знаю как, но сумела увернуться от удара, бросилась к выходу из смертельной ловушки.

Скорее! Надо просто бежать! Бежать как можно быстрее и при этом кричать!

Звать на помощь, умолять!

Горло саднило, и единственный звук, который удалось из себя выжать, — это хриплый, бессвязный шёпот.

Мне повезло добраться до двери и даже коснуться пальцами заветной ручки, но открыть её я так и не успела. Один из убийц схватил меня за волосы. С силой дёрнул, отволакивая от створок, с яростью швырнул на пол.

— Вот же су...! — выплюнул, перекидывая из одной руки в другую холодное оружие.

Сейчас я отчётливо видела на нём следы подсохшей крови и ребристое, широкое лезвие, которое сделает мне очень больно. Легко

прорвёт любую ткань, прорежет кожу...

— Держи её, — рыкнул второму преступнику, и на мои плечи опустились стальные руки.

— Что же делать... Что делать?! — в панике металась Вильма.

Пыталась схватить ещё одну вазу или хотя бы маленький подсвечник, но в этот раз силы ей изменили. Увы, всемогущей моя подруга не стала, а я со своим никчёмным даром и силами котёнка была и вовсе не в состоянии за себя постоять.

— Помогите! — всё-таки удалось выкрикнуть. — Помо...

Тот, что удерживал меня за плечи, вжал мне в рот свою огромную лапищу. Другое чудовище склонилось надо мной, с явным наслаждением демонстрируя, как в свете бра угрожающе мерцает сталь ножа.

— Что, устала, девочка? Сил на фокусы больше не осталось?

— Да я тебя! — метнулась к убийце Вильма. Просочилась сквозь, а он даже не почувствовал.

— Красивая девчонка, — ухмыльнулся криво. — Жаль портить такую красотку, но что поделаешь? Не повезло вам, леди. Не в то время и не в том месте...

— Давай уже! — выцедил тот, чья потная ладонь сейчас закрывала мне рот. — Пока никто сюда не за...

Он осёкся, когда двери в зал распахнулись. Словами не передать, как сильно я мечтала, чтобы за мной пришёл Делагарди. На худой конец — кто-нибудь из стражников. Здесь же должны быть стражники?! Это же королевский дворец, а не какой-нибудь притон!

Противный, липкий холод пробежал по коже, когда вместо Эндера я увидела другого дракона. Вольмара Родингера. Увидела и почему-то сразу поняла: теперь мне точно хана.

\* \* \*

Пару секунд он смотрел на меня, я на него. Убийцы тоже смотрели, и тот, что с кинжалом, очнулся первым. Кинулся к Родингеру, яростно зарывчав. Правда, очень быстро грозный рык сменился глухими хрипами и каким-то невнятным бульканьем. Я даже не заметила, в какой момент в руке Вольмара оказался пистолет, как он так быстро среагировал. Оглушительный выстрел сотряс зал, преступник рухнул на колени, а после распластался на ковре, истекая кровью.

Второй, не будь дурак, рывком поднял меня с пола и, прикрываясь мной, как щитом, выкрикнул:

— Без фокусов, или её глотка будет следующей!

Почувствовала, как в шею мне впивается острый осколок. Должно быть, той самой вазы, которой с таким упоением лупила мерзавца Вильма. Кажется, он не рассчитал силу — кожу запекло, и по ключице к роскошному фамильному ожерелью потекла горячая струйка.

— Отпусти её. — Спокойствию Вольмара оставалось только позавидовать. Он выглядел расслабленным и невозмутимым, словно зритель в театре, что пришёл посмотреть на разыгрываемую артистами драму.

У меня же внутри грохотало сердце, и каждая секунда казалась последней.

— Потерпи, Женечка, потерпи, — умоляла Вильма. — Выстрел должны были услышать. Не могли не услышать!

— Отпущу, когда буду в безопасности, — со страхом и ненавистью выдавил из себя убийца. Сделал несколько шагов назад, к другой двери, увлекая меня за собой. Вжимая мне в горло проклятый осколок, отчего, судя по ощущениям, крови из меня стало вытекать гораздо больше.

Великий Дракон, ну когда же это уже закончится!

— В безопасности ты не будешь в любом случае, — невозмутимо отозвался Родингер, пряча ставший ненужным пистолет, больше похожий на дамский, настолько он был незаметным и маленьким, в карман своего идеального фрака. — Но если отпустишь, я так уж и быть тебя не убью.

— Я... я уйду, — упрямо отозвался преступник, и сейчас в его голосе, до этого самоуверенном и наглом, отчётливо звучало отчаянье. Паника.

Он отодвинулся ещё на два шага, и дракон, устало покачав головой, сделал рукой какой-то пас. Почти неуловимое движение, и уже позади меня стали раздаваться судорожные хрипы. Хватка ослабла, я отскочила в сторону от оседающего на пол убийцы.

— Я же сказала: стихийник! — с совершенно искренним восхищением выдохнула Вильма. — Как он его... И ведь не побоялся промазать. Ты же была совсем рядом!



Видимо, Вольмар питал какую-то особую слабостью к чужим шеям. А может, просто счёл это самым легкодоступным и уязвимым местом: осколок стекла, подхваченный воздушной стихией, угодила отморожку прямо в сонную артерию: начало хлестать так, что меня в одну секунду окатило кровавым душем.

Стараниями Родингера и второй убийца «украсил» своим телом пол, но смотрела я не на него, а на дракона. В несколько шагов он пересёк разделявшее нас расстояние, при этом занырявая рукой в карман, и я попятилась.

— Раннвей, это я... Я! — сказал он, то ли пытаюсь меня успокоить, то ли напугать ещё больше.

— В курсе, — буркнула и втайне облегчённо выдохнула, когда он извлёк на свет божий не какое-нибудь оружие, яд или удавку, как опасалась, а простой безобидный платок. Шагнул ещё ближе, велел тихо: — Не дёргайся. — И прижал белоснежную, хрустящую ткань к ране на шее.

Сегодня прямо какой-то шейный вечер.

— Кому ты ещё не угодила? — усмехнулся мой... спаситель(?), осторожно прижимая платок к коже.

— От тебя пряталась, — бросила я, чувствуя, как напряжение отступает, сходит отбойной волной, и внутри остаётся усталость и опустошение. — И случайно увидела то, чего видеть не должна была.

Опустошение было настолько сильным, что ноги неожиданно подкосились, и я в одно мгновение оказалась у Родингера на руках.

— Любишь ты убежать, Фармор. Даже когда не надо.

Наверное, стоило потребовать, чтобы поставил обратно, но сил на это уже не осталось. Удерживая меня, словно нечто невесомое, дракон быстро вышел из комнаты ужасов, и где-то глубоко внутри меня начала зарождаться благодарность.

— Куда ты меня несёшь?

— К целителю, а не то, о чём ты подумала, — хмыкнул он. — Правда, в последнее время я даже не берусь предположить, о чём ты думаешь... Ты очень изменилась, Раннвей. Иногда мне кажется, что я тебя совсем не знаю.

— Не знаешь...

Аромат его одеколона, который обычно раздражал, сейчас оказывал гипнотическое действие. Больше не хотелось язвить,

фыркать, а наоборот, прижаться к его плечу как можно крепче. Ещё лучше — к щеке, чтобы поглубже вдохнуть этот магнетический парфюм. Прижаться, прикрыть глаза, позволить его голосу проникать внутрь меня...

— Вон она!

Топот шагов и голоса вырвали меня из умиротворения и чувства неги, в которых я почти растворилась. Оторвав голову от плеча Родингера, увидела мужчин в мундирах во главе с Делагарди. За ними ярким антуражем маячили придворные, которых с каждым мгновением становилось всё больше.

И минуты не прошло, как в зале не осталось свободного места. Так всем хотелось посмотреть на леди Делагарди-Фармор на руках у самого загадочного холостяка Гратцвига. Может, тот факт, что я вся в крови, немного сгладит ситуацию и не даст им нафантазировать пикантные сцены с участием меня и Вольмара?

Снова перевела взгляд на «мужа» и почувствовала, как рана перестаёт кровоточить. Кровь просто заледенела в венах. От тьмы, захлестнувшей глаза ультра.

\* \* \*

*Эндер Делагарди*

— Что с вами стало, Делагарди? На вашем счету столько блестящих побед и успешно проведённых расследований. Удивительно, как вы ещё не закрыли это, — с откровенной издёвкой проговорил Вильхельм Девятый, когда мне наконец-то позволили приблизиться.

До этого почти четверть часа я как идиот стоял у трона, ожидая, когда же он наговорится с пожилым лордом из Палаты драконов.

— Удалось выяснить, откуда взялись эти мерзкие твари? — поддакнула королева, имея в виду убитых мной искажённых.

За людей она их явно не считала. Конечно, сложно назвать человеком существо, чьё тело и разум отравлены силой, которую он не в состоянии выдержать. Но в устах её величества «мерзкие твари» звучали как самое грязное ругательство.

Корделия как никто другой умела задеть словами, интонацией, даже взглядом. Как несколько минут назад задела, прилюдно унизила Женю. Сам не заметил, как пальцы сжались в кулаки, но это заметила

королева. Скользнула по мне взглядом, усмехнулась чуть слышно и с ядом, которого в ней было немало, проронила:

— Должно быть, все ваши мысли сейчас заняты не службой, а вашей ветреной супругой. Оттого расследование и стопорится.

— В данный момент мы выясняем, что именно они принимали. Узнаем, что за зелье было использовано, выйдем на поставщика. А там и на производителя, — проговорил я, но эти двое меня, кажется, даже не услышали.

— Раннвей Фармор... — лениво протянул его величество. — Она пятно на вашей репутации и добром имени вашего рода. Всегда им была.

— Огромная жирная клякса, я бы даже сказала, — снова плеснула ядом правительница, раскрывая веер. Как будто пытаюсь скрыть за светлым кружевом едкую усмешку, а скорее, тем самым подчёркивая своё пренебрежительное отношение к Раннвей.

К Жене.

— За пятно на моей репутации стоит благодарить газетчиков. Это они не гнушаются грязной ложью и продолжают муссировать пустые сплетни, — как можно спокойнее ответил я, хоть спокойствия во мне не было ни на грамм.

Хотелось как можно скорее вернуться к жене. В идеале — увести её отсюда, но, увы, этого сделать не получится. Раньше десяти нам отсюда точно не выбраться. Придётся терпеть подобные выпады и делать вид, что меня это ничуть не задевает.

Хотя на самом деле я уже готов был взорваться.

— Такие уж пустые? — дёрнула тонкой, едва заметной бровью правительница.

Вильхельм не то закашлялся, не то хрипло рассмеялся. Если это и был смех, то больше походил на воронье карканье.

— При всём моём почтении, ваше величество, мне казалось, вы пригласили меня поговорить о расследовании, а не о моей жене. Которую вы не имели права оскорблять.

Всё, я это сказал. Сказал и готов повторить ещё тысячу раз. В лицо этой змее и едва дышащей мумии — королю.

Тонкие губы Корделии раздражённо дёрнулись, искажая её и без того далеко не прекрасное лицо.

— Вы, герцог...

— Полноте, дорогая, — устало прикрывая глаза, перебил её монарх. — Не будем вмешиваться в личные отношения его светлости. Нас ведь заботит только расследование...

Королева хмыкнула и отвернулась к фрейлинам, смиренно стоящим в ряд возле трона и явно прислушивающихся к нашему разговору.

— Что там лорд Карриш? Его хорошо охраняют? — тем временем поинтересовался Вильгельм.

— Насколько мне известно, лорд Карриш отказался от охраны.

— И вы ничего не предприняли?! — с возмущением выдохнул правитель. Даже привстал, точнее, попытался это сделать, но тут же без сил рухнул обратно в кресло.

Я уже собирался напомнить, что нападением на Карриша занималась полиция и, если уж предъявлять кому претензии, так, например, комиссару Гратцвига, но не успел. Звук выстрела, далёкий, но от этого не менее громкий, пронёсся по тронному залу. Королева вскрикнула, а с ней и добрая половина придворных.

Я обернулся, ища глазами Женю, но в этой пёстрой толпе сложно было что-либо разглядеть. Выругался, припомнил харга и, не обращая внимания на короля, что-то хрипло бросающего мне вдогонку, бросился к выходу.

За мной поспешила стража, а следом галдящим потоком хлынули приглашённые. Несколько залов пересёк бегом, чувствуя, как внутри нарастает уверенность: иномирянка снова в опасности. По-другому ведь не бывает! Не следовало оставлять её одну. Идиот!

Даже ради короля. Даже...

Мысль оборвалась, растворившись в сотни других мыслей, в штормовой волне эмоций, захлестнувших с головою.

Когда увидел Родингера и у него на руках доверчиво льнущую к нему девушку.

Мою, харг побери, Женю!

\* \* \*

*Женя Исаева*

План отправиться в отключку (и пусть эти драконы хоть поубивают друг друга!) с треском провалился. Делагарди подскочил к нам быстрее, чем я успела отчалить в блаженный обморок или хотя бы попытаться его симулировать. Кажется, он собирался вырвать меня из рук Родингера, но тот стратегически шагнул назад.

Шагнул и сказал:

— Спокойно, Делаярди, с твоей женой всё в порядке. Не в неё стреляли.

Судя по резко поменявшемуся выражению лица дракона, он только сейчас заметил на моём роскошном наряде совсем не роскошные кровавые пятна. Нет, я, конечно, понимаю: приглушённый свет, тусклые бра, а на мне тёмное платье, но порез на шее и вообще... Видно же, что Родингер меня не в порыве страсти на руках по дворцу таскает.

— Целителя сюда! Скорее! — прогремел на весь дворец Эндер и вспомнив, что именно он здесь представитель порядка, стал раздавать направо и налево приказы.

Меня велел уложить на диванчик, нескольким стражникам приказал выставить из зала всех любознательных, а других отправил на место преступления. После чего приступил к допросу Родингера.

— Я знаю не так уж много, — на удивление послушно отвечал любовник Раннвей. — Был неподалёку, услышал крики о помощи. К счастью, прибежал вовремя — они не успели сделать с Раннвей то же, что сделали с тем бедолагой.

— С кем? — резко спросил Делаярди, при этом продолжая смотреть на Вольмара так, словно это он сначала пытался меня прирезать, а потом, сменив амплуа убийцы на спасителя, бросился защищать от самого себя.

— Я не рассмотрел. Как ты понимаешь, мне было не до выяснения обстоятельств.

— Тот политик, которого недавно якобы пытались ограбить, — подала я голос, который звучал до противного слабо. Дожила, что называется. Ещё пара таких нападений и стану как кисейная барышня!

Подумала так и решила, что ещё пары нападений моя бедная психика точно не выдержит.

— Лорд Карриш, — подсказала крутившаяся рядом Вильма.

Я озвучила подсказку и увидела, как мрачнеет и без того мрачное лицо Эндера.

Вольмар тихо присвистнул:

— Близкий друг его величества... Кое-кто будет очень недоволен вами, господин ультор.

Хотела спросить, при чём здесь мой «муж», но не успела: примчался придворный целитель, и от меня оттеснили обоих драконов.

Наверное, к лучшему. Пока местный врач меня осматривал и занимался раной, я исподволь наблюдала за лордами, переместившимися в другой конец просторной комнаты. Даже в полумраке было видно, как сильно они друг друга ненавидят. Родингер отвечал сквозь зубы, Делагарди с такой же холодностью цедил вопросы. Наверное, представься им возможность, с удовольствием разорвали бы друг другу глотки.

Надеюсь, у них нет дуэлей и это абсурдное соперничество, возникшее на пустом месте, не приведёт к трагедии.

Ладно, не на пустом, но кому-кому, а Эндеру прекрасно известно, что я не Раннвей, а значит, не прелюбодейка. Должно быть, его просто раздражает вся эта ситуация. Бесконечные сплетни, грязные статейки, королевское хамство. Ещё и Родингер подливает масла в огонь, явно получая удовольствие от конфликта. Нравится дёргать за усы тигра? Или и впрямь надеется возобновить со мной отношения?

Тут же себя одёрнула, напоминая, что я с ним ни в каких отношениях никогда не состояла. А то, что мурашки бегут по коже от мыслей о чужом прошлом... Так я сейчас не в себе, мне простительно. После всего случившегося.

Драконы закончили «общаться» ровно в тот момент, когда целитель закончил заниматься мной. К счастью, ни одно недочешуйчатое в тот вечер так и не пострадало. Если не считать лорда Карриша и тех типов в смокингах и масках.

Впрочем, теперь я уже не была уверена в том, что убийцы были драконами. То, как они себя вели, как говорили, наталкивало на мысль, что им во дворце не было места. Замаскированные под знать наёмники? Возможно.

— Сможешь идти? — спросил Делагарди после того, как лекарь снабдил его инструкцией по дальнейшему уходу за невезучей супругой.

Ответ ему явно был не нужен. Не дожидаясь, пока встану, подхватил меня на руки, и рядом тут же нарисовался Родингер.

— Эйрэ разве не надо осмотреть место преступления? Я бы мог отвезти Раннвей...

— Я сам в состоянии позаботиться о *своей* жене.

— Но король...

— Я не единственный следователь в Гратцвиге. К тому же на Карриша напали не искажённые, а значит, мне здесь делать нечего.

Хорошо бы, чтобы точно так же думал и его величество.

Шли молча. Точнее, несли меня, храня гробовое молчание. Только в машине, уже когда выехали за пределы дворца, господин палач изволил выцедить, даже не глядя на меня:

— Я же просил оставаться в тронном зале. Зачем ты ушла?

— Из-за Родингера, который, не успел ты отойти, тут же ко мне прилип.

— Очевидно, что не сработало. «Побег» не удался, раз в конечном итоге тебя всё равно нашли с ним.

*Нашли с ним...*

Прозвучало так, словно нас застали целующимися за каким-нибудь гобеленом. Или того хуже — страстно совокупляющимся в ближайшем к тронному залу кресле!

— То есть ты бы предпочёл, чтобы меня нашли не с ним, а с перерезанным горлом? Мёртвую и окровавленную, зато не с подмоченной репутацией. Надо было попросить его не вмешиваться. В следующий раз обязательно так и сделаю!

— Я не то имел в виду...

— А прозвучало именно то!

— Если бы ты слушала, что тебе говорят, — спустя одну малю-ю-юшенькую такую паузу продолжил Делагарди заводить свою шарманку. Достал, ей-богу.

Меня охватило такое раздражение, что я чуть не выскочила из паромобиля. Не сделала это лишь потому, что Бальдер, явно впитывавший каждое наше слово, вёл машину так, словно за нами гнался поезд, напичканный искажёнными. Да и не в той я форме, чтобы выскакивать из паромобилей. Голова по-прежнему кружилась, шею саднило, как и плечи, на которых наверняка остались следы «нежных прикосновений» неизвестных.

— Но это же не в твоих привычках — слушать и выполнять!

А вот за «выполнять»...

Теперь уже хотелось вышвырнуть из машины Делагарди. Жаль, силёнок не хватит, а то бы я с радостью!

— Ты опять путаешь меня со своей служанкой, рабыней, девочкой на побегушках и той... как его... леди Коровой!

— Каролой, — несмело подсказала материализовавшаяся рядом с водителем Вильма, но я её даже толком не услышала.

Мысль о любовнице почему-то разозлила ещё сильнее, хотя куда уж сильнее...

— А ты снова забываешь, что ты — моя жена. И обязана слушаться меня и выполнять, что тебе говорят! Всегда!

Кажется, шарманку заело на «жене» и, харг его побери, «послушании».

Я скрипнула от злости зубами, открыла рот, чтобы снова напомнить (в который раз!), что не жена я, не жена!

— Женя, не надо, — каким-то чудом услышала предупреждение Вильмы и вспомнила, что паромобиль не сам катится по улицам Гратцвига — им управляет любитель подбирать малейшие крупички информации.

Бальдер молчал и явно старался не отвечивать, но было видно: он всё фиксирует. Запоминает не только слова, но и каждую мелочь: интонации, выражение наших лиц, поведение.

Аналитик хренов...

— Мы с тобой об этом уже говорили, — выцедила чуть слышно.

— Уже понял, что никакие разговоры и доводы на тебя не действуют, Же... — Дракон осёкся, бросил взгляд на своего верного мажордома и замолчал.

Я тоже молчала. Отвернувшись к окну, думала обо всём сразу и ни о чём конкретном: об ужасном вечере, о наших отношениях с этим... не-мужем, о Родингере...

Вот о последнем думать вообще не стоило, но почему-то думалось. Мысли сами лезли в голову и, сколько от них не отмахивалась, не помогало.

Не сразу, но с горем пополам удалось переключиться на размышления о будущем. Вот о чём нужно думать! О жизни, настоящей жизни, которая начнётся, когда я наконец вырвусь из лап этого невыносимого дракона!

Покосившись на невыносимого, снова отвернулась к окну, расчерченному тонкими серебристыми полосами дождя. Ещё раз



попыталась сосредоточиться на мечтах о собственном домике и саде. Тихой жизни вдали от Гратцвига и чёртовой знати.

— Вернусь, пожалуй, во дворец, — сказала Вильма, постепенно истаивая. — В дом с тобой Женечка мне всё равно не попасть, а там хоть покручусь в первых рядах, так сказать. Ты главное держись, милая. Прими ванну и сразу в кровать. Завтра обязательно почувствуешь себя лучше. Вот увидишь. Не нервничай и не расстраивайся. Главное, что с тобой всё в порядке.

Слабо улыбнувшись, проводила старушку взглядом, после чего вернулась к созерцанию сползающих по стеклу капель. Когда мы вышли из машины, дождь зарядил с утроенной силой. Делагарди собирался помочь, своей жене и рабыне, выбраться из паромобиля, но я, преодолевая слабость, справилась сама.

Всего пара минут независимого променада до крыльца, и меховая пелерина намокла, как и я вся. Мысль о горячей ванне, подкинута Вильмой, сейчас казалась как никогда соблазнительной. Ещё надо будет капнуть себе чего-нибудь успокоительного в бокал вина. Можно в принципе и в коньяк. Не рюмку — бокал. Сегодня такой вечер, что можно в принципе оприходовать и всю бутылку. В порядке исключения.

— Где Эдвина? — поинтересовался Эндер, скидывая на руки служанки подмокшее пальто.

Мы вернулись раньше, чем собирались, в начале девятого, но девочка почему-то не вышла нас встречать. Может, уже у себя, готовится ко сну? Рановато. В это время мы обычно только садились ужинать. Хотя представляю, как она устала после прогулок с мисти Ливен и познавательных лекций.

Полин, которой досталось пальто хозяина, обменялась взглядом с другой горничной, Эстель. После чего несмело произнесла:

— Так она ещё не вернулась, ваша светлость. Ни она, ни Вернер.

Дракон нахмурился. Выдернув из кармана фрака часы, откинул серебряную крышку, желая удостовериться, сколько сейчас времени. Я тоже на всякий случай посмотрела на циферблат. Всё верно: четверть девятого. Исторический музей уже наверняка закрылся. К тому же отправились они туда несколько часов назад. Что там можно так долго изучать?

Невольно вздрогнула, когда по холлу разнёсся громкий звон колокола.

— А вот и она, — с явным облегчением выдохнула Эстель и бросилась открывать.

Но её опередил Бальдер, ближе всего находившийся к входу. Распахнул дверь, однако Эдвины с водителем за ней не было. Вместо этого на пороге обнаружился законник в форме.

— Ваша светлость, мы нашли вашего водителя, Вернера Харта, — сказал он, не теряя времени на приветствия.

— Что значит: нашли? — ринулся к нему палач.

— Он ранен и довольно серьёзно, — ответил полицейский. — Единственное, что успел сказать, прежде чем потерять сознание — это своё имя и то, что мы срочно должны связаться с вами. Он сейчас в госпитале святой Найвы. Мы полагаем, что его ограбили и...

— Эдвина... — пробормотал Эндер.

Голосом, который я никогда у него не слышала.

## Глава 20. Эдвина

На какое-то время в холле воцарилось молчание. Слова полицейского казались злой шуткой. Дурацким розыгрышем, придуманным человеком с очень богатой и явно больной фантазией. Да-да, это просто кто-то так глупо пошутил! По-другому ведь быть не может! Ну не может Вернер быть ранен, а Эдвина...

Мысль оборвалась, потому что я даже представить боялась, что могло случиться с девочкой. И Илена... Она-то куда подевалась? Или её тоже... Как Вернера?

— Ваша светлость, — несмело кашлянул полицейский, и Деллагарди отмер.

Прошёлся по нам пустым, невидящим взглядом, после чего выхватил пальто из рук явно напуганной всем происходящим служанки.

— Где нашли мейста Харта?

— В подворотне между Речной улицей и Гринвидским парком.

— Неподалёку от музея... — пробормотал Эндер и продолжил жёстко, холодно задавать вопросы, словно допрашивал подозреваемого, а не разговаривал со своим коллегой: — С ним была девочка. Моя воспитанница, Эдвина Польшман. Где она?

— Я... — явно растерялся от такого напора служитель правопорядка. Сглотнул и, стащив с головы тёмно-синее кепи, осторожно добавил: — С ним не было никакой девочки.

— А её гувернантка? Илена Ливен. Хотите сказать, её вы тоже не видели?!

Полицейский покачал головой, после чего поспешил вжать эту самую голову в плечи, и я заметила, как лицо дракона окончательно закаменело.

На миг прикрыв глаза, словно пытаюсь обуздать царивший внутри хаос и мрак, Эндер глухо сказал:

— Отправляйтесь к комиссару и скажите, что наследница Фарморов пропала. Я хочу, чтобы на её поиски бросили каждого патрульного, полицейского и каждого следователя. Да скорее же!

От рыка, прокатившегося по дому, законник вздрогнул и стал суетливо пятиться:

— Будет сделано, ваша светлость. Я сейчас же... Уже еду!

Делагарди тут же потерял к нему интерес, повернулся к Бальдеру и приказал:

— Отправляйся к Таубе, а потом к Экебладу. Рейер пусть как можно скорее едет в музей, для Экеблада задание то же, что и для комиссара. Нужно собрать как можно больше драконов и людей!

— Будет сделано, эйрэ, — кивнул дворецкий и следом за полицейским скрылся в тёмном, дождливом вечере.

— Если вдруг Эдвина вернётся, — это уже ультор адресовал служанкам, — сразу отправьте кого-нибудь в управление. Оттуда со мной свяжутся.

Девушки согласно закивали. Так и не надев пальто, просто прижимая его к груди, с такой силой, словно пытался задушить, Делагарди ринулся к выходу.

— Я с тобой! — поспешила следом.

Но сделав пару шагов, запнулась, напоровшись на пронизанный арктическим холодом взгляд «мужа».

— Ты. Останешься. Дома.

— Но я ведь могу быть полезна!

— Полезна в чём? Где? — теперь в его голосе сквозил не холод, а жгучее раздражение. — Снова куда-нибудь вляпаешься? У тебя это отлично получается. Не заставляй меня переживать хотя бы за тебя!

Наверное, выражение лица в тот момент у меня было более чем говорящее. Тихо выдохнув, дракон уже спокойнее добавил:

— Будь дома, чтобы когда она вернётся...

Он не договорил, словно не верил в то, что Эдвина сама собой отыщется. Да и я тоже, если честно, уже не верила... Если бы она просто сбежала, Вернера бы не нашли в подворотне умирающим. Да и смысл ей сбегать? Наши отношения только начали налаживаться. Что-то, а такую глупость она бы не стала совершать.

— Послушайся меня хотя бы в этот раз, — устало добавил Делагарди и последовал примеру Бальдера: исчез за дверью, за дождевой завесой.

Я осталась стоять посреди холла, не зная, как себя вести и что делать. Наверное, никогда не чувствовала себя настолько

беспомощной. Бесплезной! Даже когда мне грозила смертельная опасность, я пыталась дать отпор, не сдавалась. А сейчас...

— Ваша светлость, может быть, ванну? — несмело заикнулась Полин.

А Минна нервно выдохнула:

— Ваше платье...

Только сейчас я заметила, что прислуги в холле стало больше. Кажется, на звуки громких голосов высыпали все домочадцы. И сейчас они смотрели на меня. Смотрели не то ожидая объяснений, почему их госпожа выглядит как любимая собачья игрушка: вся потрепанная и исцарапанная, не то надеялись, что я объясню им, как следует вести себя при похищении ребёнка. Подбодрю и успокою.

Я мрачно усмехнулась. Саму бы кто сейчас успокоил...

— Принесите в гостиную кофе. Покрепче и побольше. И что-нибудь поесть...

Полин умчалась на кухню выполнять приказ, а я, всучив Минне сумочку с перчатками, спряталась ото всех в гостиной. Стоя у окна, нервно стягивала с себя украшения: серёжки, которые, казалось, стали весить на три килограмма больше, харгово ожерелье... Лучше бы не было этого вечера! Этого чертового бала! Мы могли бы все вместе отправиться в музей, и тогда бы не случилось похищения.

А ведь её точно похитили. Кто и ради чего? Чтобы потом подзаработать шантажом? Рискованно. Это ж насколько надо быть отчаянно смелым, чтобы отважиться шантажировать ультора. Главу Высокого дома! Что, богатеньких детей в округе мало? С куда менее опасными и влиятельными связями.

Шестое, да и все остальные чувства подсказывали, что Эдвину похитили не ради выгоды. Точнее, не ради лёгких денег. А вот если ради наследства...

Прикрыла глаза, пытаюсь вспомнить, была ли во дворце Данна. Да, кажется, мелькала. Вместе со своим мужем-пьяницей. Впрочем, если это её рук дело, то действовала она, понятное дело, не сама, а через какого-нибудь наёмника. Насколько поняла, у Левенштернов финансы уже давно исполнили все возможные романсы, и они наверняка в отчаянье. Вон как Данна разорялась, когда директор гимназии заикнулся о взносах к зимним праздникам.

На что способны пойти отчаявшиеся мерзавцы вроде Левенштернов? Уверена, на многое. Раз не удалось заполучить Эдвину, значит, проще всего от Эдвины избавиться.

Колющий холод пробежал по коже, выбивая остатки самообладания. Великий Дракон! Девочка уже может быть мертва... убита(!), а я здесь, как дура стою возле окна! Возле окна, за которым ни черта не видно!

— Ваша светлость, ужин, — раздался за спиной тихий голос служанки.

Обернувшись, с трудом выдавила из себя улыбку, после чего попросила Полин оставить меня одну.

Но девушка замешкалась:

— Мисти Эдвина... она ведь вернётся? — спросила, комкая дрожащими пальцами платье. — С ней всё будет хорошо?

Сердце кольнуло, до боли, почти физической, и тем не менее я постаралась, чтобы голос звучал как можно более оптимистично:

— Обязательно вернётся. Ты ведь слышала эйрэ: её будет искать весь город. Вот увидишь, и часа не пройдёт, как Эдвина будет дома.

Слова, в которые я и сама не верила. А вот в версию с Данной почему-то поверилось сразу. И если она верна, тогда...

Полин вышла, я приблизилась к подносу с угощениями. Думала поесть, чтобы вернуть себе силы, но при виде еды меня затошнило. Влила в себя обжигающе горячий кофе и, подхватив с кушетки ажурный плед, быстро в него завернулась. Ещё быстрее вышла в холл, пересекла, выскользнула на крыльцо. До ворот добежала, хлюпая по лужам атласными туфельками. Снова промокла, но даже не обратила на это внимания. Ни на дождь, явно не собиравшийся успокаиваться, ни на пробирающийся под тонкий плед холод.

— Вильма! Вильма!!! — выкрикнула и тут же воззвала к ней мысленно:

«Вильма, пожалуйста, услышь меня!»

Вокруг не было ни души, поэтому едва ли кто-то мог меня увидеть. Да даже если бы и увидел, сейчас мне было плевать на то, кто и что подумает, так же, как я плевала на отвратительную погоду, пронизывающий осенний воздух.

— Вильма!

— Женечка, я только узнала! И сразу к тебе... Но к тебе же не пробраться!

К счастью, привидение откликнулось почти мгновенно. Зависло передо мной, встревоженное и, кажется, ещё более бледное, чем обычно. Тихо проговорило:

— Ты как, держишься? Эдвина, конечно, не твоя племянница, но я же видела, как ты старалась... Добрая моя деточка, начала к ней привязываться... Такое несчастье!

— Помоги её отыскать, — прервала я сентиментальное бормотание старушки. — Ты быстрее любого дракона и полицейского. Ты...

— Я-то буду искать, в каждый дом, куда смогу, загляну. В каждый подвал! Но ведь есть места, куда я проникнуть просто не в силах. Может, ты попробуешь её обнаружить?

— Как? — мрачно и, наверное, слишком резко вскинулась я. — Как я могу её обнаружить?!

Вильма замялась, а потом еле слышно произнесла:

— Призвать её душу. Твоей привязанности к ней может хватить. Должно...

Тут же стало жарко, словно пролетающий мимо дракон окатил меня пламенем. По крайней мере, щёки запылали кострами.

— Она жива! Слышишь?! Жива! Я могу призывать только мёртвых, а Эдвина не мертва! Не мертва!!!

Кажется, я уже кричала. Кажется, это не дождь, а слёзы заливали лицо, слепили глаза. Со стороны кричащая во тьму девица, наверное, выглядела более чем странно. Но какая, к харгам, разница?! Эндер прав, я бесполезна. Беспомощна и никчёмна со своим даром зрящей!

— А если... — Вильма подплыла ближе. — Помнишь, в одной из книг, что вы отыскиали с тем милым мальчиком, говорилось, что зрящие способны души не только призывать, но и ощущать. *Живых* ощущать! Но опять же нужна связь. Это-то ты ведь можешь попробовать. Попробуй почувствовать девочку. Может, получится узнать, где она находится. А я пока тоже буду искать! И если что-то узнаю, сразу к Делаярди. Уж записку ему буду в состоянии нацарапать. Что скажешь?

Что я скажу? Будь Вильма из плоти и крови, и я бы уже душила её в объятиях. В отличие от меня и несмотря на прожитые годы, мозги у

моей подруги работали исправно. И с памятью всё было в порядке. А у меня, кажется, вместо головы решето. Ведь правда об этом читали. Ведь правда могу попытаться!

— Вильма, ты моё сокровище! — выпилила я и, поблагодарив призрака за блестящую идею, бросилась обратно к дому. К себе в комнату.

\* \* \*

В холле меня встречала растерянная прислуга.

— Ваша светлость, ну зачем же вы выходили? — всплеснула руками одна из служанок. Ильва, кажется. — Вся промокли...

Я даже толком на неё не взглянула, пронеслась мимо, выпалив:

— Меня не беспокоить! Только если появятся новости об Эдвине. Во всех остальных случаях — я вне зоны доступа.

Не уверена, что она меня поняла, ну да ладно. Главное, чтобы отстала.

Оказавшись в спальне, первым делом заперла дверь и стащила с себя мокрую одежду вместе с пледом. Мельком взглянула в зеркало: на шее виднелись следы крови, но умываться и приводить себя в порядок времени не было. Не до того сейчас.

Потерев кожу, но безрезультатно — только развела ещё больше «грязи», плюнула на это дело, надела первое попавшееся платье и рухнула на коврик возле зажжённого камина. Света, отбрасываемого рыжими языками пламени, было достаточно, чтобы осветить большую часть комнаты. Подсветить изящный узор ковра, тёмный паркет, бледную меня...

Тряхнула головой, прогоняя бредовые мысли, и чуть слышно взмолилась:

— Пусть получится... Пусть всё сработает!

Главное, чтобы наложенные на дом чары не помешали. Вряд ли я смогу расслабиться на улице под дождём и порывами ветра, мокрая и озябшая.

Устроившись в позе лотоса, прикрыла глаза, сделала глубокий вдох, уговаривая себя расслабиться. Эдвина жива... Жива! Такой и останется, если смогу правильно воспользоваться своим даром. Он ведь давно со мной, и я не какая-нибудь посредственная зрящая. С духами неплохо научилась управляться, а уж ощутить живую душу...



Постепенно дыхание выровнялось, возле камина я согрелась, перестала дрожать. Сумела расслабиться и, вслушиваясь в потрескивание поленьев, меланхоличное, успокаивающее, погрузилась в своего рода транс.

Перед внутренним взором возникла рыжеволосая курносая девочка. Яркие голубые глаза, нежная улыбка... Эдвина умела улыбаться красиво, хоть и пыталась строить передо мной самую серьёзность, а чаще и вовсе кривилась. Но когда забывалась и забывала о прежних отношениях с Раннвей, на её губах появлялась совершенно очаровательнейшая улыбка. А с ней и ямочки на румяных щеках. Звонкий голос, такой редкий, но искрящийся весельем смех... В последний раз она смеялась, когда мы все вместе катались по Гринвидскому парку, и сейчас мне как никогда снова хотелось его услышать. Увидеть Эдвину, коснуться её, успокоить и заверить, что мы найдём её.

Перенестись к ней, быть рядом...

Но вместо смеха я услышала плач, прерываемый угрозами, пронизанными страхом и отчаяньем:

— Дядя убьёт тебя... Убьёт вас! Когда найдёт...

— Не найдёт, — из темноты, заволакивающего пространства тумана, раздался голос, который я прекрасно знала. — По крайней мере, не нас. А когда найдёт тебя, будет уже поздно. Для тебя, девочка. Для нас же всё только начнётся.

Илена... Милая, улыбчивая учительница, порывавшаяся уволиться из-за проказ Эдвины. Но не увольнялась, не убегала, беря пример с других гувернанток. Мы думали, терпит капризную наследницу из-за денег, а оказывается...

Вот стерва!

Девочка всхлипнула и снова заплакала. Было видно, она старается бороться со слезами, но не получалось. Я чувствовала все её эмоции: страх, отчаянье, неверие... Что мы найдём её, что не бросим.

— Давай скорее! — это снова была стерва. — У нас не так много времени!

— Спокойно, Криста. В нашем деле важно не торопиться. Никому из нас не надо, чтобы жертва оказалось напрасной. Нужно всё сделать правильно...

Жертва?

Интуитивно двинулась вперёд, сквозь туман, пытаюсь рассмотреть хотя бы что-то. Понять, где они находятся. В какой-то момент серая хмарь как будто истончилась: я увидела липовую гувернантку Илену-Кристу и рядом с ней незнакомого мужчину. Увидела... Эдвину. Бледную, заплаканную, связанную.

С трудом отведя взгляд от наследницы Фарморов, стала бросать по сторонам взгляды. Проклятый туман то снова сгущался, скрывая от меня похитителей и всё, что их окружало, то начинал блёкнуть, и тогда мне удавалось выхватить из мглы отдельные предметы мебели.словно кусочки пазла, который никак не желал складываться...

Ну же, Женя, сконцентрируйся!

Детский плач, приглушённые голоса, клятый туман... Кровать, окно, в которое отчаянно бьётся ветер. Свечи... повсюду высокие, похожие ритуальные свечи.

Господи, что они задумали?!

Воск, тая, стекает на пол, застывая уродливыми кляксами. Они повсюду. На ковре с коротким жёстким ворсом, на поблёкших от времени плитах с замысловатым узором. Кажется, будто пол в комнате затянуло вьюнком с бледно-жёлтыми цветами. Эти же цветы тусклым золотом распускаются на шёлковых обоях, и я вдруг понимаю, что уже видела эту комнату.

Видела эти узоры и эту кровать с резными колоннами, как из средневековья. Комната Терес...

Дом Фарморов...

В дверь громко постучали:

— Ваша светлость, приехал мейст Морриан. Эйрэ попросил его побыть с вами.

Посторожить, иными словами.

Несмотря на накатывающую волнами слабость (не то из-за нападения, не то из-за того, что исследовала диапазоны своего дара), поднялась я довольно прытко.

Крикнула Минне:

— Передай, сейчас спущусь!

И бросилась в гардеробную за накидкой.

Александр здесь, а значит, и его машина.

Великий Дракон, спасибо!

\* \* \*

— Ты вовремя! — бросила я молодому ультору, сбегая по лестнице.

Бежала прытко, перепрыгивая через ступени, и, наверное, оттого голова закружилась. На всякий случай схватилась за перила, чтобы не приземлиться к ногам Мориана вниз этой самой головою. Александр, не будь дурак, бегло оглядел мой наряд и нахмурился:

— Ваша светлость, не стоит обращать на меня внимания. Я здесь, чтобы позаботиться о вашей безопасности. Возвращайтесь к себе. После того, что сегодня произошло...

К концу тирады о моей безопасности и его роли няньки я уже успела спуститься, пересечь холл и подойти к своему секьюрити. Несколько служанок крутилось рядом, но, думаю, что в этот раз не из-за Александра. Все искренне переживали за Эдвину и надеялись, что Мориан поделится хоть какой-нибудь информацией. А может, их интриговало странное поведение хозяйки: вернулась домой вся в крови, потрёпанная и включенная, потом непонятно для чего бегала под дождь, теперь как ненормальная принеслась к дракону.

— То, что ты собрался заботиться о моей безопасности, — прекрасно и замечательно. Но мы этим будем заниматься в другом месте.

Схватив ультора под руку, отвела в сторону, подальше от любопытных.

— Не здесь? — явно растерянно переспросил он.

Я покачала головой, и Саша добавил:

— А где?

— Ты на машине?

Он кивнул и тут же категорично заикнулся:

— Эйрэ просил меня...

— Я знаю, где Эдвина!

Эмоции сдержать не получилось, слова прозвучали так громко, что наверняка слышали не только горничные в холле, но и вся прислуга.

— Откуда?!

Голос дракона прозвучал в унисон с голосом Эстель, Минна же в изумлении ахнула.

Вместо ответа я поинтересовалась:

— Знаешь, где сейчас мой муж?

— В музее. Полиция собирает всех, кто сегодня там работал. Будут допрашивать.

Не то чтобы я уже хорошо ориентировалась в карте Гратцвига, но то, что Исторический музей находится в одной стороне, а дорога к Фарморам в другой, поняла сразу.

— Слишком много времени зря потратим... — пробормотала, лихорадочно размышляя, как быть.

Делагарди, конечно, будет зол, и это ещё мягко сказано. С другой стороны — даже пара минут промедления может стоить девочке жизни. А что я сейчас делаю? Как раз медлю! И трачу время на пустые сомнения.

Крепче схватила Мориана за руку, крикнула служанкам:

— Пулей в музей и передайте моему мужу, что Эдвина в имении Фарморов. Пусть бросает всё и мчится туда! И мы с Сашей... Александром... тоже будем там!

— Но Раннвей... — застопорился ультор, не впечатлённый моим блестящим планом. — Откуда ты узнала, где она? Раз! Два — тебе никуда нель...

— Поговорим по дороге, — перебила я, увлекая Мориана за собой в дождь, который стихать сегодня явно не собирался.

Что тут сказать... Идеальный антураж для происходящего кошмара.

— Даже если Эдвина сейчас у Фарморов, ты туда не поедешь. Твой муж запретил тебе покидать дом! — снова притормаживая, начал дракон, совершенно не вовремя решивший примерить на себя роль маленького упрямого мула. Ладно, не маленького, а очень даже высокого и статного, но оттого не менее упрямого. — Я сам поеду, а ты оставайся...

— Ты, конечно, можешь сам поехать, — прервала его шовинистические рассуждения. — Но это не значит, что я останусь дома в угоду тебе или Эндеру. Только мне ещё придётся побегать по городу в поисках машины, а это может пагубно сказаться на моей безопасности. Ты так не считаешь?

Дракон сощурился, глядя на меня сверху вниз, и в этот момент чем-то напомнил мне моего дракона. Временно моего, а по факту

чужого. То есть уже давно ничейного и...

— Хорошо. — После нескольких секунд молчания Саша всё-таки сдался. Правда, тут же предупредил строго: — Но в дом Фарморов ты не пойдёшь, останешься в машине!

Кивнула, якобы соглашаясь. Лишь бы мы наконец сдвинулись с места и начали действовать!

Не уверена, что он мне поверил: и насчёт того, что не рыпнусь из паромобиля, и насчёт местонахождения Эдвины, но вёл машину так, словно участвовал в гонке и на кону стояли жизни. В общем-то так и было. Жизнь девочки, попавшей в руки сумасшедших.

А ведь она что-то чувствовала в отношении мисти Ливен. Но ни я, ни Эндер не придали этому значения. Были уверены, что это просто капризы избалованного подростка. Ничего больше.

И вот...

— Уверена, что Эвина там?

— Да, — тихо ответила я, мысленно переносясь в спальню Терес и снова, как четверть часа назад, захлёбываясь эмоциями её дочери: отчаяньем, страхом, злостью.

— Но так и не объяснила мне, откуда, — Александр усмехнулся.

Обернулся на миг, чтобы просканировать взглядом, и снова сосредоточился на тьме за лобовым стеклом, прорезаемой косыми стрелами осеннего ливня.

— Драконы не любят раскрывать свои секреты, — попыталась отвертеться от объяснений, вспомнив недавний разговор с Вильмой.

— Вот тебе и пустышка... — Морриан тихонько хмыкнул, а потом, не сдержавшись, всё-таки поинтересовался: — Чему тебя ещё в обители научили?

Я не ответила, а он не настаивал на признании. К счастью, Саша был из той редкой породы драконов, которые отличаются тактом и воспитанием. Вот если бы на его месте был Родингер или Делагарди...

Я тут же отмахнулась от мыслей об обоих и попыталась сосредоточиться на Эвине. К чему её готовят? Надеюсь, процесс затянется, и мы успеем вовремя. Несмотря на то, что Александр выжимал из машины максимальную скорость, мне всё казалось, что мы ползём, а не едем. Ещё и проклятый ливень... Не дай бог что-то сломается, как уже бывало. Пешком доберёмся как раз к финалу ритуала. Точно опоздаем.

— Что, не сидится дома? — Вильма плюхнулась на сиденье рядом и, не теряя время, стала докладывать: — Я была в музее, когда примчался ваш садовник и рассказал о твоём неожиданном озарении. Никто ничего не понял, но, благо, Делагарди среагировал сразу. И я тоже не растерялась. Уже успела побывать в доме Фарморов. Девочка жива... Пока.

Я облегчённо выдохнула, обрадованная и Вильме, и ещё больше — её словам. А вот старушка вся аж вздыбилась.

— Ух я бы им... Жаль, силёнок маловато... Но я узнала всё, что могла! Помимо этой, прости Дракон, гувернантки в доме ещё несколько душегубов. Один сторожит управляющего с семьёй — они на кухне связанные, другой у главного входа, двое на втором этаже и последний... кажется, самый главный из них, с этой очкастой стервой. Так и не поняла, к чему они готовятся — сразу к тебе помчалась. Но это что-то очень, очень нехорошее, Женья. Ох и тревожно мне...

Я мысленно выругалась. Негодяи всё спланировали. Если бы мы не вернулись из дворца раньше, неизвестно, когда бы зашевелилась прислуга. Неизвестно, когда бы подняли тревогу. Да даже если бы и подняли, без моего дара успели бы вряд ли.

Думала, Илейн там вдвоём со своим подельником, а оказывается, у неё целая банда.

Проклятье!

— Шестеро против двоих, — с досадой пробормотала я.

— Почему против двоих? А как же я?! — возмутилась Вильма.

Александр услышал мои тихие слова, сразу понял, о чём я:

— Шестеро похитителей?

— Да, — не стала лукавить. Что-что, а утаивать такую информацию было бы глупо. Бегло пересказала всё, что удалось узнать от духа. — Эндер уже в пути, но у нас фора. Ждать подкрепления может быть рискованно. Я боюсь, что когда он приедет... будет уже поздно, — судорожно сглотнула, с трудом выдавив из себя последние слова.

Поймала взгляд дракона, отразившийся в зеркале заднего вида, сосредоточенный и серьёзный. Услышала тихие слова:

— Всю дорогу перебираю в памяти всё, что изучал в гимназии: от классификации даров до истории драконьей магии, но не пойму, что это за сила. Какая-то мысленная проекция? Напарник эйрэ может

проецировать себя, но только на малые расстояния, а ты как будто находишься в нескольких местах одновременно.

— Ты не на том сосредоточен, — наверное, чуть более резко, чем следовало, заметила я, и Мориан замолчал.

Наверняка продолжил вспоминать всю школьную программу и ломать голову над тем, что же я за загадка такая.

Остаток пути проделали молча. Вильма вернулась к Эдвине, и то, что она с ней рядом, хотя бы немного, но успокаивало. Понятно, что одной старушке с похитителями не справиться. Но хотя бы, если потребуется, наведёт шороху. Отвлечёт и потянет время.

Время... То, что для нас сейчас было бесценно.

Понимая, что проникнуть в дом незамеченными не получится — придётся схватиться со всей шайкой, мы не стали оставлять машину у ворот, поехали по аллее, в этот час и при сложившихся обстоятельствах зловещей и мрачной, напрямиком к главному входу. Наверняка здесь был и запасной, но я понятия не имела, где он находится. И на вопрос Александра промычала:

— Лучше сразу к парадному.

Спорить ультор не стал. Только когда остановились, сказал:

— Умеешь пользоваться оружием?

Обернувшись, протянул мне кинжал и однозарядный пистолет.

Я благодарно улыбнулась. К счастью, Саша понял, что в машине не останусь, и решил не тратить время на препирательства. Замечательно!

— С ножом точно управлюсь. Да и от пистолета не откажусь.

Забрала у него оружие и, как оказалось, вовремя. По лестнице, тускло освещённой фонарями, к нам уже спешил один из негодяев, вооружённый винтовкой, ружьём или чем-то на них похожим. И это что-то он держал наготове.

Заметив, что я дёрнулась, Александр вскинул руку, предупреждая:

— Не торопись.

Первым открыл дверцу паромобиля, но выходить не спешил.

— Вы как раз вовремя! Всё уже готово... — Громила притормозил и осёкся, вдруг осознав, что гости, пожаловавшие в имение, не те, на чьё появление он рассчитывал. Вскинул оружие, но прежде чем успел им воспользоваться, Александр оказался рядом. С нечеловеческой

скоростью вылетел из машины и в одно мгновение свернул преступнику шею.

Всё произошло настолько быстро, что единственное, что я успела — это моргнуть и выдать ошеломлённое:

— Ничего себе!

— Держись за мной, — тут же велел Мориан и, отшвырнув от себя труп, поспешил к крыльцу. Я двинулась следом, стараясь не отставать, торопясь скорее увидеть Эдвину.

Держись, милая! Мы уже здесь! Близко...

— Они кого-то ждут, — озвучила очевидное. Шёпотом еле слышным, но Саша всё равно слышал.

Кивнул сосредоточенно:

— Будем надеяться, что наше подкрепление успеет раньше, чем их. Хотя если и с остальными будет так же просто...

Он не успел договорить: с лестницы, утопавшей во тьме, раздались выстрелы. Мориан толкнул меня к стене, в глубину холла, а сам храбро бросился под пули, преодолевая за раз по несколько ступеней. Недолго поколебавшись, я побежала за ним, путаясь в юбке и вздрагивая от доносившихся со второго этажа не самых приятных звуков. Кажется, Саша переоценил своих соперников и фокус со сворачиванием шей на этот раз не сработал. Я слышала звуки борьбы, удары и хрипы, а следом прозвучал ещё один выстрел.

И вдруг всё стихло.

К тому времени глаза уже успели привыкнуть к темноте. Запнулась, когда дом содрогнулся от оглушительного хлопка вылетевшей пули, испуганно вжалась в стену. Правда, тут же велела себе не дрейфить, пожелала удачи и, ещё крепче сжимая в одной руке рукоять ножа, а в другой пистолета, поднялась наверх.

Никого.

Тишина...

Краем сознания отметила, что коридор разгромлен, а слева в нескольких шагах от меня выломана дверь. Не помню, куда она вела, но точно знаю, что комната Терес находилась в конце коридора. Вот только куда поворачивать? Направо? Налево? Прикрыла глаза, воскрешая в памяти свой недавний визит к Фарморам, и, подхватив юбки, побежала к двери, что вела в заветную спальню.



Створки оказались приоткрыты, и к своему ужасу я сразу увидела Эдвину. Девочка лежала на полу, в начертанной не то пентаграмме, не то ещё какой-то ритуальной дряни. Как из дешёвого фильма ужасов... Над ней склонилась Вильма, непривычно прозрачная, почти неразличимая. А девочка и вовсе напоминала куклу из воска, и я вдруг к своему ужасу поняла, что уже слишком поздно.

Поздно!

В отчаянье бросилась к ребёнку, услышала слабый голос Вильмы, будто из неё выжали все силы:

— Женья, нет...

Поздно.

Стоило переступить порог, как запястья обожгло болью. Руки сами собой соединились, будто змеёй оплетённые золотой нитью, ослепляющей и обжигающей; дрогнули колени. Рухнула на пол, словно отпущенная кукловодом марионетка. Безвольно разжавшиеся пальцы выпустили оружие... Почувствовала, как на плечи обрушивается странная, отупляющая тяжесть. Веки тоже тяжелеют, отчего с трудом удаётся держать их открытыми.

Шелест юбок, и вот ужасную картину закрывает собой мисти, мать её, Ливен. Опускается на корточки, и я вижу на её лице самодовольную ухмылку:

— Ну здравствуйте, леди Делагарди. Не ожидала, что и вы к нам пожалуете.

Хотела ответить, а лучше плюнуть в смазливое личико, но с каждой секундной сил во мне становилось меньше, словно невидимый вампир выкачивал из меня всю жизненную энергию.

— Весь дом напичкан артефактами. А уж эта комната... — слабо прошептала Вильма. — Я сначала не поняла, а теперь... Слишком поздно.

То ли у меня в глазах ещё больше потемнело, то ли сказывалось действие непонятной магии — привидение стало совсем прозрачным. Не больше чем дымка, блёклым саваном накрывшая восковую Эдвину.

Господи, да что здесь творится?!

— А почему без мужа? — тем временем с издёвкой продолжала мнимая гувернантка. — Я думала, ты только в постельных приключениях отдаёшь предпочтение другим драконам, а в случае

опасности сразу прячешься за спину Делгарди. Или всё совсем печально? Крэйг, тащи сюда этого недоультора!

Не знаю, к кому она обращалась. У меня даже не осталось сил на то, чтобы повернуть голову. Так и продолжала беспомощно сидеть на коленях, в то время как Илейн-Криста прытко подскочила. Секунда, две, и рядом со мной приземлился Александр. Его попросту швырнули на пол, словно в нём тоже сил не осталось. Молодой ультор держался за плечо, и даже сквозь наползающую на глаза тьму я различила кровь, вытекающую из огнестрельной раны.

— Как видите, мы неплохо подготовились. *Он* нас подготовил, — сказала, оправляя юбку, гадюка. — Снабдил всем необходимым. Даже на случай непредвиденных обстоятельств. Хотя... — она презрительно поморщилась. — Вас даже непредвиденным обстоятельством сложно назвать. Так... Лишь незначительное промедление на пути к сладостной победе.

— Кто он? О ком ты говоришь? — слова давались с трудом, звучали еле слышно, но стерва всё равно услышала.

Не то чтобы меня снесло любопытство. Но пока она говорит, не трогает Эдви́ну. Сейчас каждая минута могла стать решающей.

Великий Дракон, пусть Эндер не опоздает!

Лица подельника Илейн я не видела. Он стоял к нам спиной, возле туалетного столика, на котором неторопливо, методично раскладывал какие-то предметы. Словно хирург, готовящийся к операции... Скальпеля я не увидела, но было очевидно, что его прекрасно заменит нож с широкой, оплетённой кожей рукоятью, лежащий с самого краю.

Дёрнулась, попыталась подняться.

Безрезультатно.

— Он будет здесь с минуты на минуту, и я вас друг другу представлю, — почти пропела самозванка. — Хотя уверена, ты и так его знаешь. А скоро о нём узнают не только в Кармаре!

— И как только Эндер тебя к нам впустил!

— Не стоит его винить. — Девица обошла нас по кругу, меня и такого же ослабшего, измождённого Мориана. Да ещё и раненого... Сволочи! — Мы тщательно подготовились. И я действительно долгое время работала гувернанткой. Сначала в Дрелоре, потом в Кармаре. Не скажу, что это моё призвание — детей я никогда не любила, — но я весьма образована и начитана. А с *его* подачи передо мной открылись

двери к самым влиятельным драконам Гратцвига. В конце концов Деллагарди, наслышанный о моём безграничном терпении и кротком нраве, сам со мной связался. Надеялся, что я окажусь более терпеливой к выходкам этого маленького харга. Я и терпела. Хотя в иные моменты руки так и чесались придушить мерзавку!

Приблизившись к распластанной на полу девочке, она пренебрежительно пнула её ногой в бок. Пренебрежительно и с ненавистью, настолько очевидной, что не будь я сейчас слабее комара, отвесила бы в первую очередь себе хорошенький подзатыльник. Ну как... как могла не замечать?! Да ещё и испытывать к ней приязнь. Не только у Эндера, но и у меня были завязаны глаза.

Как же была слепа...

Заметив, как мерзавка обращается с наследницей Фарморов, Александр попытался вмешаться. Увы, сейчас мы были на равных. Оба ослабленные, парализованные чарами.

— Хватит болтать! Лучше избавься от них, — не оборачиваясь, велел подельник «Ливен».

Голосом глубоким, хриплым, совершенно мне неизвестным. Я с этим типом точно не пересекалась. А тот, кто, как она выразилась, с минуты на минуту должен был пожаловать... Дракон, наверняка наделённый деньгами, могуществом, властью. В Кармаре таких немало.

— Вот ещё! — своенравно фыркнула девица. — Пусть сам решает, что с ними делать. Или докинёт за лишнюю грязную работу. За «спасибо» я уж точно марасть руки не стану!

Она зажгла ещё несколько свечей, но светлее в комнате не стало. Наоборот, мрак, ядовитая тьма, казалось, продолжали расползаться. Подступали со всех сторон, сгущаясь, сжимаясь вокруг нас смертельным капканом.

Вильмы я больше не видела, да и похитительница расплывалась перед глазами. Какой-то части меня хотелось отключиться, но я цеплялась за то единственное, на что сейчас была способна: задавала вопросы.

— Зачем ему, кто бы он ни был, Эдвина? Она же ребёнок!

— Вредный, противный, но бесценный, — усмехнулась в ответ Криста. — Видишь ли, моя дорогая Раннвей, твой род одновременно благословен и проклят. В вас течёт кровь насильника и убийцы и

вместе с тем вы потомки невинной девы, подарившей ему ребёнка. Богини, а может, всемогущей колдуньи... Как бы там ни было, Эдвина у нас особенная.

— Эдвина полукровка! Неполноценная драконица! — мой шёпот больше походил на рык умирающего животного. Смертельно раненого и почти смирившегося с таким исходом.

— И тем не менее она уже раскрыла в себе силу. В отличие от тебя, чистокровная ты пустышка. — Приблизившись, она снова опустилась передо мной на корточки. Мягко, почти ласково произнесла: — Я наблюдала за тобой, Раннвей. *Он* наблюдал. Когда Делгарди объявил, что его жена вернулась с даром, мы решили для начала воспользоваться тобой. Проверить на тебе действие обряда и в случае неудачи вернуться к плану с Эдвиной. К сожалению, забрать тебя не получилось, искажённый погиб, а ты выкрутилась. Может, и к лучшему... Не пришлось тратить зря время, потому что нет в тебе никакой силы. Мы так и не поняли, что за фокус ты проделала в театре, но это точно не твоя магия. Ты ни разу не воспользовалась даром дома, хотя для ленивых дракониц вроде тебя подобные способности — настоящая находка. Ты как была обычной, так обычной и осталось. Порочная, глупая и пустая... Прости, милая, но ты мусор, а не сокровище Фарморов. — Тонкие пальцы коснулись моего лица, скользнули по щеке. Тут же возникло чувство, будто по коже проползла ядовитая змея.

Дёрнула головой, и Илейн отстранилась:

— Из Терес получилась бы идеальная жертва, но на тот момент ему не хватало знаний. А потом её муж полез туда, куда лезть ему совершенно точно не следовало. Да ещё и с женой любил откровенничать... — Она покачала головой, со вздохом поднялась. — Они сами себя уничтожили. Отчаянные искатели правды... К счастью, у нас осталась Эдвина.

Подойдя к окну, Ливен отодвинула штору, взгляделась в ночную тьму.

— В этот раз мы тщательно подготовились. Похитить Эдвину оказалось намного проще, чем тебя, везучую идиотку. Конечно, пришлось набраться терпения, но так было надо. Он понимает, что у него не будет другого шанса. Он выбрал правильное место — место силы, дождался, когда в девчонке проявится наследие Фарморов и —

вуаля! Эдвина Фармор — невинный агнец, жертва которого разрушит злые чары Чёрной Матери. По крайней мере, один дракон точно очистится от этой заразы.

— Что ты несёшь...

— Она говорит о перевоплощении, — тихо произнёс Александр.  
— Нанявший их дракон надеется обрести былое могущество.

— А вам-то что с этого? Вы же не драконы. Или тоже надеетесь урвать для себя частицу силы?

Так и хлебали бы свои чудо-эликсиры!

Илейн-Криста пожала плечами:

— Зачем нам магия, когда у нас будут деньги? Столько денег, что хватит на любое чудо. Правда, любимый? — Она скосила взгляд на своего поделника, а тот к моему ужасу взял нож в руки.

Глянул в окно и, заметив, как сквозь облепленное дождевой водой стекло просвечивают далёкие отблески света, шагнул к распластанной на полу девочке:

— Иди встретить его. А я пока наполню чашу.

В другой руке он держал кубок, не то медный, не то бронзовый. Войдя в зловещий ритуальный рисунок, опустился перед ребёнком на колени.

На этот раз самозванка спорить не стала, послушно выскользнула из спальни, а её «любимый» (раздери его харги!) приподнял безжизненную руку Эдвины, и сразу стало ясно, чем он собрался наполнять чашу.

## Глава 21. Раннвей

*Эндер Делагарди*

Женя осталась верной самой себе: не смогла находиться в стороне. Но если ещё каких-то пару часов назад мне хотелось надеть на неё средневековые кандалы и приковать к самому тяжёлому предмету мебели в доме, то сейчас я готов был её восхвалять.

Не знаю, откуда она узнала про имение Фарморов, но поверил я сразу. Уже успел убедиться, что эта новая версия Раннвей отнюдь не слабая и не посредственная магичка. Зрящих в мире очень мало и то, что ей так легко удаётся связываться с миром духов... Это и восхищало, и пугало одновременно. И сейчас во мне туго переплелись оба чувства.

Я боялся за Эдвину... Боялся за них обеих. Липким потом страх струился по лицу, ледяным ознобом прокрадывался под одежду. Там, в музее, допрашивая очередного экскурсовода, я чувствовал себя как никогда беспомощным. Время уходило, впустую, напрасно, а я понятия не имел, где Эдвина. И вот благодаря зрящей наконец-то мог действовать!

Я и двое констеблей выехали первыми. Рейер помчался за подкреплением, а заодно и за целителем. На случай, если...

Про «если» думать было ещё страшнее, чем осознавать, что тварь-гувернантка похитила Эдвину.

В музее видели, что они были вместе. Вместе они его и покинули, только к концу экскурсии к ним присоединился мужчина. Художник как раз занимался составлением его портрета, когда стало известно, куда отвезли девочку.

Дом Фарморов. Место, заряженное их магией. По слухам именно там, в родовом гнезде одного из самых могущественных Домов Кармара, и хранилось загадочное лекарство от драконьего проклятия. Артефакт, способный вернуть таким, как я, былую мощь, долголетие, знания. А главное — способность перевоплощаться.

Стало ясно, что Эдвину забрали не ради выкупа. Похитителям не нужны деньги — им нужна девочка. Зачем?! Отвечать на этот вопрос мне не хотелось.

— Ты можешь ехать быстрее?! — раздражённо процедил я сидящему впереди констеблю.

Уже сто раз пожалел, что сам не сел за руль. Казалось, мы ползём, а не едем. Медленно, до тошноты, пробираемся сквозь пелену ливня. Проклятую пелену, из-за которой ни харга не видно!

— Мы и так летим, эйрэ, — ответил, не сводя с дороги взгляда, полицейский. — Почти... Уже почти приехали.

Вскоре я и сам в этом убедился. Из-за хаоса, творящегося снаружи, не сразу различил старый дом вдалеке за коваными воротами. В темноте он казался ещё мрачнее, чем был на самом деле, и чем-то напоминал хищного дракона, уснувшего на горе из соковищ. Не знаю, откуда взялось это сравнение, но я даже различил два жёлтых глаза — отблески света в окнах второго этажа.

Эдвина там... Там!

А вместе с ней наверняка и Женя.

Немного успокаивало, что с ней отправился Мориан. Мальчишка сделает всё, чтобы сберечь мою племянницу и иномирянку. Хотя и похитители наверняка подготовились. А значит, и мне следует быть готовым ко всему.

— Что за...

Фары подъехавшего к воротам автомобиля на миг ослепили. От неожиданности я прикрыл рукой глаза, а после заметил, как машина, едва затормозившая, резко сорвалась с места. Промчалась мимо, окатив нас грязью из ближайшей лужи, и, изрыгая дым, понеслась по просёлочной дороге прочь от имения. Тот, кто управлял ею, явно спешил скрыться.

Полицейский стал замедляться, спросил растерянно:

— Эйрэ, что мне делать?

Вдруг Эдвина в том паромобиле? Вдруг...

Нет, он ведь только подъехал.

Прикрыл глаза, прислушиваясь к собственной интуиции, надеясь понять, почувствовать, где могут находиться племянница и жена. Стремительно вышел из машины, бросился к дому, на ходу выкрикнув:

— Поезжай следом!

Сам же припустил ещё быстрее, отчаянно надеясь, что не ошибся и они действительно в доме и не отдаляются от меня с сумасшедшей скоростью.

Не знаю, кого именно преступники ждали, но у парадного входа меня встречали. Не с распростёртыми объятиями, но да ладно. Выстрелил похититель не сразу, выжидал зачем-то, словно пытался понять, кто к нему приближается. А когда понял... Пуля пронеслась мимо, и уже в следующие секунды мои когти вспороли грудь уroda. Легко, быстро, просто. Отшвырнув от себя глухо хрипящую тушу, на миг прислушался к доносящимся изнутри звукам. Тихо. Как будто в доме пусто. Но если бы там было пусто, меня бы не встречали с оружием.

Стоило переступить порог дома, как накатила слабость, почти сбивая с ног, заставляя задыхаться. Ловушки, вытягивающие не только магию, но и жизненную силу... Подстраховались твари. К счастью, действовали артефакты не мгновенно, а значит, у меня было немного времени.

Успел заметить, как на вершине лестницы мелькнула тонкая женская фигура. Всколыхнулись испуганно юбки, когда девица отшатнулась, а в следующий момент, тихо вскрикнув, исчезла. Бросился было к лестнице, за ней, но наперерез мне метнулась ещё одна туша.

Не будь здесь клятых артефактов, и я бы не стал с ним возиться, убил мгновенно. А так пришлось вступить в схватку, тратя на этот мешок мышц бесценное время.

И всё больше слабея.

Наконец ещё один похититель рухнул на пол, и я, преодолевая волнами накатывающую слабость, бросился наверх. Хотя бросился — это громко сказано. Ноги не слушались, почти заплетались. С горем пополам поднялся на второй этаж, судорожно сжимая перила, и почувствовал, как внутри всё леденеет от страха.

Истошный женский крик разбил на осколки тишину старого дома, и всё вокруг как будто накрыло мертвенным холодом.

\* \* \*

*Женя Исаева*

Мысли лихорадочно проносились в сознании, но ни одной стоящей, как назло, не появлялось. Магическая удавка, перехватившая мои запястья, растаяла, вот только легче от этого не стало. Я не могла пошевелить руками, не могла дотянуться до пистолета, хотя он был так близко! Всего-то и нужно взять оружие, навести на это чудовище,



нажать на курок... Не уверена, что из меня получится хороший стрелок, но преступник тоже был близко. Тут ещё надо постараться, чтобы промазать и не попасть в такого великана!

Но пальцы... Мои собственные пальцы отказывались повиноваться.

Скосила взгляд на Мориана, выронила слабо:

— Саша...

Кажется, ему было ещё хуже, чем мне, хотя это ведь его тренировали сражаться с чудовищами, уже не говоря об обычных наёмниках. Но видимо, Александр был не настолько силён, как я считала, а может, магия в артефактах была намного сильнее его собственной магии. При взгляде на ультора стало ясно, что он уже даже не понимает, где находится и что происходит. Парень покачивался, едва удерживаясь от того, чтобы не рухнуть навзничь, и как будто пребывал в каком-то трансе.

И Вильма, как назло, пропала...

Все эти мысли пронеслись за один короткий миг. Миг, которого оказалось достаточно, чтобы кончик лезвия коснулся тонкого детского запястья.

И я зарычала:

— Не трогай её! Она же ребёнок!

— Если леди настолько впечатлительна, может не смотреть, — бросил на меня быстрый взгляд убийца. И тут же, пристраивая над рукой Эдвины чашу, с кривой ухмылкой добавил: — И вообще, я не понимаю, к чему все эти страдания? Это же не твоя дочь, а просто племянница. Племянница, которую ты, по слухам, едва терпела, а может, даже ненавидела. Что теперь изменилось? Я бы ещё понял, если бы на твоём месте была её мамаша. Хотя мамаша, уверен, нашла бы способ защитить своё чадо. Ты же... — ещё одна усмешка, — всего лишь жалкое её подобие.

Терес... Если бы она была здесь, точно что-нибудь придумала бы. Она бы действовала, а не сидела на полу, глядя, как из её дочери выкачивают кровь вместе с жизнью. Такая могущественная драконица, уверена, нашла бы способ защитить своего ребёнка. А я...

Меня зазнобило, когда увидела, как алые капли тонкими струйками ползут по бледному запястью Эдвины, стекая в чашу, и

перед глазами вдруг потемнело. Но на этот раз не от слабости — меня снова забросило в прошлое Раннвей.

Я, ещё ребёнок, сижу на полу в гостиной и заливаюсь слезами. Мне больно и страшно. Страшно от того, что разбила любимую вазу мамы и, если отец узнает, места на мне живого не оставит... Больно от того, что изрезала себе все пальцы.

На светлой батистовой юбке кровь и осколки. Я пытаюсь их смахнуть, но делаю только хуже. Пятна расползаются по ткани, и я срываюсь в отчаянье. Продолжаю истерично тереть о юбку руки, ещё больше себя царапая. И вдруг слышу сквозь шум в ушах быстрые шаги, шелест юбок над головой, а в следующее мгновение окунаюсь в мягкое тепло объятий.

— Папа... отец... — захлёбываюсь слезами, утыкаясь в плечо сестры. — Он убьёт меня! Убьёт...

Терес ласково прижимается к моему виску губами.

— Перестань... Хватит. Не хватало ещё переживать из-за дурацкой вазы.

— Но папа...

— Ничего не узнает. — Терес заговорщически мне улыбается. Стирает с моей щеки слезинку и мягко продолжает: — Не думай о вазе. Лучше займёмся твоими руками. Мы же не хотим, чтобы на них остались шрамы.

Она бережно берёт меня за ладони, осторожно их раскрывая. Тихий шёпот сестры, непонятные, но такие нужные мне сейчас слова, успокаивают, помогают выровнять дыхание, и порезы сами собой начинают затягиваться. От её дара. Благодаря её исцеляющей магии.

— Никто тебя не обидит, милая. Не бойся. Пока я рядом...

Видение начинает блёкнуть, но я продолжаю цепляться за светлый образ драконицы. Пусть воспоминание исчезнет, но она останется! Я, словно та самая маленькая девочка Раннвей, сейчас в ней так нуждаюсь. В её присутствии, в её помощи. В её уверенности и силе.

Терес, пожалуйста... Ты нужна мне!

Туман перед глазами начинает таять. Точнее — собираться в одной точке в углу спальни. Точке, которая, разрастаясь, обретает очертания женской фигуры. Всё более и более чёткие.

И я узнаю в ней, наверное, самую красивую в мире драконицу.

— Терес...

Мой шёпот теряется во взволнованном возгласе гувернантки:

— Это не он! Там... Делгарди! Брест пытается его остановить, но...

Криста вдруг осекается, а склонившийся над Эдвиной преступник содрогается всем телом, когда сквозь него проходит душа Фармор. Пальцы убийцы разжимаются, безвольно выпуская оружие, которое со звоном ударяется о чашу, а дух, не останавливаясь, приближается к «Ливен». Входит в неё, словно нож в подтаявшее на блюде масло, и теперь уже её тело начинает сотрясаться от спазмов.

— Что... что происходит?!

Она обхватывает себя руками, падает на колени, и дом наполняется её истошным воплем.

На моих глазах каштановые пряди липовой гувернантки становятся белее мела, как и вся она в целом. Никогда не думала, что можно поседеть от ужаса, но Ливен вдруг поседела.

Её продолжает трясти, с каждой секундой всё сильнее, и её поделник с явным испугом шепчет:

— Криста?

Больше он ничего произнести не успевает. В комнату врывается Делгарди, и нож, которым эта сволочь изуродовала запястье ребёнка, оказывается у него в груди вместе с когтями дракона.

Так быстро, так неожиданно, и всё... закончилось.

Я облегчённо выдыхаю, пока Эндер перевязывает руку племянницы ошмётком своей рубашки. Прикрываю глаза, пытаюсь сморгнуть слёзы радости — от того, что успел, не опоздал — и вдруг ощущаю, словно наяву, прикосновение невесомых пальцев. Как тогда, в далёком прошлом, Терес вытирает мне слёзы.

Слышу её мягкий шёпот:

— Ранней...

И так и сижу, чувствуя, впитывая в себя успокаивающее присутствие призрака, которого я, кажется, каким-то чудом сама вызвала.

\* \* \*

Всё, что происходило дальше, можно было сравнить с завертевшейся каруселью в детском парке. А может, калейдоскопом незаметно сменяющихся передо мной лиц и событий... Благо подкрепление прибыло быстро. Первым делом дом проверили на так называемые ловушки для силы, и только когда их убрали, я почувствовала себя лучше. Смогла подняться, правда, не без помощи Делагарди. Что же касается Саши... А вот ему лучше не стало.

Уже потом узнала, что пуля, попавшая в плечо ультора, была отравлена ядом, и если бы целитель прибыл на несколько минут позже, спасти дракона было бы уже поздно.

Его увезли в столичный госпиталь, а вот Эдвину Эндер отдавать отказался. Потребовал, чтобы первую помощь ей оказали здесь же, в доме Фарморов, а в городской особняк Делагарди прислали наряд из самых опытных сиделок и нянек.

— Но ваша светлость... — попытался заикнуться лекарь. Правда, под хищным взглядом дракона был вынужден примолкнуть и отставить все возражения.

Я с сочувствием посмотрела на девочку. Бедная... У неё и до этого свободы, можно сказать, не было, а после случившегося не будет и подавно. И я, скорее всего, тоже попаду под раздачу.

К счастью, выяснять отношения при посторонних «муж» не стал. Только спросил, как себя чувствую, а после чуть слышно добавил:

— Спасибо.

И пока я переваривала это коротенькое, но пронизанное искренностью слово (благодарный дракон — нонсенс!), он занялся Ливен. Правда, занялся — это громко сказано. Фальшивая гувернантка едва ли была в состоянии отвечать на вопросы и, кажется, не понимала, что с ней происходит. Только раскачивалась из стороны в сторону, как кукла-неваляшка, и повторяла одну-единственную фразу:

— Холодно... Как же холодно...

В конце концов Эндер оставил попытки допросить её здесь же, позволил полицейским забрать, а сам вернулся ко мне.

— Что ты с ней сделала?

Сказано это было без упрёка. Скорее, с интересом и... некоторым опасением.

— Увы, это была не я.

— Вильма? — едва не присвистнул Делагарди.

Я покачала головой и чуть слышно призналась:

— Терес... Не знаю как, но я смогла её призвать. Хоть до этого видела лишь на фотографиях, и у меня уж точно не было с ней никакой связи.

— Может, это тело... — неуверенно начал Эндер.

И я точно так же, неуверенно, пожала плечами. Сил на то, чтобы разгадывать и эту загадку, уже не осталось. Не сегодня. Добраться бы до Гратцвига, домой, и отключиться на ближайшие полгода. Лучше — до истечения срока договора. Может, тогда моей жизни каждую неделю перестанет грозить опасность.

— С мисти Польман всё будет хорошо, — обрадовал нас приблизившийся лекарь.

Мейст Браден тоже выглядел уставшим, не переставая тёр переносицу и щурил покрасневшие глаза. Его, как и остальных, тоже коснулись губительные чары ловушек, но, конечно, не в той мере, в какой меня и Эдвину.

— Когда они начали проводить... что бы они не проводили, — продолжил целитель, — девочка уже была без сознания. Вряд ли она вспомнит, что происходило дальше, а от раны и следа не осталось. Я об этом позаботился.

— Спасибо, мейст Браден, — снова оказался щедр на благодарность Делагарди.

— Если всё же согласитесь отвезти её к нам в госпиталь... — предпринял очередную попытку переубедить его лекарь. И снова был вынужден умолкнуть под потяжелевшим, как Альпийские горы, взглядом дракона.

— Пойду осмотрю прислугу и, если что, заберу их, — со вздохом смирился врач, решив удовлетвориться хотя бы таким скромным «уловом». Поклонился на прощание и отправился оказывать помощь семье домоправителя, тоже изрядно натерпевшейся.

— Леди Делагарди... — ринулся было ко мне Таубе.

Но его остановил напарник:

— Не сегодня, Рейер. На сегодня хватит.

Следователь понимающе кивнул:

— Я только хотел предложить отвезти вас в Гратцвиг.

— Будем вам очень признательны, мейст Таубе, — решила я взять пример с мужа. Даже сумела улыбнуться и, в последний раз

оглянувшись на спальню, ставшую сценой для кошмарного обряда, последовала за Таубе.

Первой в машину погрузили спящую Эдвину, потом загрузились и мы. Дождь стих, оставив после себя сырой, липкий холод и туман, накрывший пригород непроницаемым пологом. Он напомнил мне о Терес, так внезапно появившейся и незаметно исчезнувшей. В какой-то момент, открыв глаза, я поняла, что духа больше нет, хоть потом ещё какое-то время в сознании звучал её нежный голос:

— Раннвей... Раннвей...

Хорошая всё-таки у младшей Фармор была сестра. Жаль... безумно жаль, что так рано умерла.

Нужно было рассказать Делагарди и его напарнику о так и не появившемся госте, о том, что это он приложил руку к пожару, забравшему жизни Терес и Нильса. Спросить, когда смогу проведать Александра, и что теперь будет с нашей «племянницей». Продолжит ли она обучаться в гимназии или окажется за семью замками.

Нужно было... Спросить, рассказать...

Но не сейчас.

Держа за руку спящую девочку, я и сама не заметила, как уснула. Благополучно проспала всю дорогу, а глаза открыла только когда Эндер попытался осторожно вытащить меня из машины.

Осторожно не получилась. Я встрепенулась от его прикосновений и, стараясь подавить зевок, сказала:

— Я сама. Всё в порядке.

С горем пополам выползла из паромобиля, сквозь сон попрощалась с Таубе, краем сознания отметила, что Эдвину уже забрали, и медленно, прижимая ко рту руку, чтобы окончательно не раззеваться, поплелась за Делагарди.

Ещё бы как-то раздеться, и жизнь сразу наладится. А можно в принципе и не раздеваться. И так будет спать замечательно.

В холле нас одиноко встречал Бальдер.

— Леди Делагарди, прислать к вам служанок?

— Не надо, — вяло отозвалась я, не желая никого видеть.

Завтра. Всё завтра.

— А что делать с цветами?

— Какими цветами? — отозвалась на автомате, даже не вникнув в суть вопроса.

И только когда Бальдер взял с консоли огромный букет незнакомых мне пурпурных цветов, чем-то похожих на лилии, только с несколькими рядами лепестков и золотистой сердцевинкой, и едва не сунул мне всю эту пахучую красоту в лицо, поняла, о чём речь. И из-за чего у него такая постная мина.

— Вот этими. Записка тоже прилагается.

Я скосила взгляд на маленький белый конвертик, сиротливо брошенный на мраморном предмете мебели.

— От кого?

— Вы правда не догадываетесь? — вопросом на вопрос ответил старый склочник, после чего ворчливо добавил: — Мейст Родингер считает себя вправе дарить лайхалии замужней леди. Возмутительно и мерзко!

Вот даже как... Мерзко?

— Так что мне с ними делать?

— Поставьте себе в спальню, — бросила я, теряя интерес и к букету, и к записке от Вольмара. — Наслаждайтесь возмутительными лайвхаками.

Или как этот веник называется.

Направилась к лестнице, мысленно посылая всё и всех к местным демонам, и, пока всласть посылала, услышала мрачный голос Делагарди:

— Выбрось эту дрянь, Бальдер. А в следующий раз, если подобное повторится, вышвыривай вместе с посыльным.

— С превеликим удовольствием, эйрэ.

Дворецкий отправился выполнять поручение хозяина, а я отправилась туда, куда так давно мечтала. В кровать.

Прочь ото всех драконов этого мира вместе со всеми их желаниями, целями, и капризами.

\* \* \*

*Раннвей Делагарди*

Голос сестры продолжал звучать в сознании, заставляя открыть глаза.

*Раннвей... Раннвей...*

Великий Дракон, ну хватит уже! Я хочу спать! Спать!!!

Попыталась отмахнуться, сделать вид, что не слышу. Возможно, тогда Терес оставит меня в покое. Возможно, тогда я снова окунусь в

такую желанную, манящую тишину.

И тьму.

Сколько себя помню, всегда боялась темноты, но в последнее время она мне нравилась. В ней я, как ни странно, чувствовала себя в безопасности. В её тёплых, ласковых объятиях.

*Ранней...*

Да встаю я, встаю!

Открыв глаза, села на постели. Сонно вгляделась в очертания изящной мебели, столько же красивой, сколько мне ненавистой. В шёлковых обоях стены, картины, которые выбирал за меня Делагарди, воздушные занавески... Всё такое знакомое и невыносимо чужое.

*Ранней...*

Схватила за голову, сжала виски пальцами, простонала:

— Терес, хватит! Не надо!

И вдруг поняла, что сестра никак не может меня звать. Она уже давно мертва, а я...

Боль в висках усилилась, стала почти невыносимой. Зажмурилась, пытаюсь понять, как вообще здесь оказалась. Я ведь была с Вольмаром!

Поездка в Дрелор... Ритуал, на который возлагалось столько надежд... Внезапная боль и...

Ничего. Тьма и пустота, в которую изредка вплетались сны о незнакомой девушке. Вейе... Похожей на меня внешне и вместе с тем совершенно другой.

Она так бездарно пыталась казаться мной.

В попытке успокоиться, глубоко вдохнула, с усилием поднялась. Кожу на шее саднило, словно я сильно оцарапалась. Кажется, эта девушка мне снова снилась. В вместе с ней приснился и Делагарди.

От мыслей о муже стало совсем неприятно.

Так не вовремя вспомнился дом детства, в который после смерти отца я поклялась больше никогда не возвращаться... Какая-то бледная девчонка, чем-то похожая на Эдвиноу, но уже не маленький ребёнок... Невыносимый Бальдер, которому этот мерзавец Делагарди велел выбросить цвета от Вольмара...

Цветы. От Вольмара.

От него.

Для меня.



И записка!

Великий Дракон, он пытается со мной связаться, а этот харг... С ненавистью покосилась на дверь, ведущую в покои мужа, и метнулась в коридор с одной лишь мыслью: мне нужна записка от любимого.

Мне нужно видеть его почерк. Держать в руках бумагу, которой касались его пальцы. Прижаться к строчкам губами в надежде ощутить губы Вольмара.

Вспомнить ни с чем не сравнимые сладостные, дурманящие прикосновения.

Мне нужно!

Спустилась на цыпочках и также тихо юркнула в крыло прислуги. На кухне цветов не оказалось. Пришлось отправляться во внутренний двор, под противной ледяной моросью, и как бродяжка рыться в отбросах.

Ненавижу тебя, Бальдер!

Мусор, вонь и долгожданная находка — тёмные, почти чёрные в ночи лайхалии. Символ любви и страсти.

Любимые цветы Вольмара.

И мои тоже.

Едва не взвизгнула от радости, заметив среди кучи отбросов маленький конвертик. Перепачканный, смятый, но, хвала Великому Дракону, записка в нём осталась нетронутой.

Жадно её схватила и, не обращая внимания на пробирающийся под ночную сорочку холод, на дождь, на то, что босая стою в грязи, жадно вгляделась в одну единственную строчку.

*Тебя невозможно забыть, Раннвей.*

Невозможно забыть...

Невозможно!

Несколько раз перечитала заветные слова, а потом, как и мечтала, прижалась к листку губами. Вдохнула знакомый аромат, чувствуя, как все страхи отступают.

Не нужно обо мне забывать, любимый. Я здесь. Я твоя.

А то, что чужая жена...

Мы найдём способ избавиться от Делагарди.

Вместе мы со всем справимся!

---

*Конец второй книги*